

"Литургические заметки"

Священник Сергей Желудков (7.06.1909-30.01.1984) направил первый вариант "Литургических заметок" в "Календарно-богослужебную комиссию" при Священном Синоде. Работа получила благоприятную оценку профессора МДА Д.П. Огицкого. В самиздате значительно дополненная и переработанная книга появилась в 1973 году. Частично опубликована в "Вестнике РСХД" в 1972-73 годах (№№ 103-107).

О. Сергей называет свои "Литургические заметки" "несвоевременными размышлениями, главным образом - критического свойства".

"Обычно принято восхвалять наше русское церковное Богослужение как верх всякого совершенства. Это действительно верно по отношению к подлинным драгоценностям, которые мы и должны бережно сохранять, проявляя добрую, интеллигентную консервативность. Но вместе с ними в нашем литургическом наследии присутствуют и такие исторические наслоения, которые стали пережитками, которые сегодня имеют уже только отрицательное значение, от которых нам должно по мере возможности освобождаться. Нередко сюда присоединяется еще и недостаток церковной культуры у церковного начальства и исполнителей. В результате наше церковное Богослужение нередко оказывается таковым только по названию, ибо не выполняет своего назначения — не привлекает, не вдохновляет, не соответствует величию нашей веры, представляется не славой, а унижением Церкви. Сегодня и у нас, как и на Западе, можно говорить о литургическом кризисе христианства".

Священник Сергей Желудков (биографический очерк)

Будущий священник Сергей Желудков, религиозный мыслитель и реформатор, родился 7 июля 1909 года в Москве, в купеческой семье, известной своей преданностью Православию. Он был шестым ребенком, кроме него в семье было 4 брата и 2 сестры. Один из братьев стал крупным энергетиком, участвовал в разработке плана ГОЭЛРО. Одна из сестер вышла замуж за работника торгпредства и уехала с ним во Францию. Там воспитывались ее дочери, племянницы Сергея Алексеевича. После окончания VIII класса общеобразовательной школы в 1926 году Сергей Алексеевич начал посещать вольнослушателем обновленческую Духовную академию в Москве. Тогда это было единственное учебное заведение, в котором можно было получить духовное образование. Для него это были годы напряженных духовных поисков, встреч с людьми, углубленного самообразования. Этот был период духовных исканий русской интеллигенции, вернувшейся к Церкви, и он наложил неизгладимый отпечаток на будущего священника. Сергей Алексеевич позже вспоминал, что возвращаясь из Академии, часто заходил в мастерскую архитектора Жолтовского, с которым вел длительные беседы. Интерес к архитектуре сохранился у него на всю жизнь. В 1930 году он был вынужден прервать образование в Духовной академии — условия жизни не позволили ему продолжить образование. Работал сначала десятником, потом техником-нормировщиком в различных строительных организациях. С 1933 по 1935 техник, а затем старший экономист сметного отдела на строительстве Байкало-Амурской магистрали, которое осуществлялось ОГПУ-НКВД. Магистраль строилась руками заключенных и школа жизни, которую он прошел совсем молодым, стоила многого. Но не любил вспоминать эти страшные годы. Ведь он работал «вольняшкой», когда другие «тянули срока». А если и вспоминал, то больше рассказывал не о себе, а людях, которых встречал на своем пути. В годы войны был старшим, а затем главным бухгалтером Мостотреста Наркомата путей сообщения. В действующую армию специалистов из НКПС не брали — работа эта приравнивалась к службе в армии. Сергей Желудков участвовал в возведении мостов в Сибири через Енисей, на Кавказе через Куру, в Магнитогорске и Свердловской области. Осенью 1945 года он оставил светскую службу и стал псаломщиком Знаменского храма в Верхнем Тагиле. 22 мая 1946 года епископ Свердловский Товия рукоположил его во иерейский сан (целибатом — он был холост, но монашеский путь служения был ему чужд). Отца Сергея назначили третьим священником Всехсвятого храма города Свердловска. Здесь он прослужил два года и был направлен настоятелем в Знаменский храм Верхнего Тагила. В течение 6 лет служил в различных храмах Свердловской епархии. В 1952 году поступил в III класс Ленинградской семинарии и блистательно закончил ее в июне 1954 года. В этом же году был назначен настоятелем Никольского храма в Любятове, в Пскове. С этим храмом связана вторая половина его жизни. По своему темпераменту он был борцом за правду и справедливость. В 1959 году его прихожанка в Великих Луках, с детских лет страдавшая заболеванием позвоночника, чудесным образом выздоровела после того, как ее под руки провели вокруг часовни блаженной Ксении Петербургской. С тех пор она стала ходить. Девушку обвинили в распространении ложных слухов, завели против нее уголовное дело. Пытаясь защитить ее, отец Сергей обратился в ряд высоких инстанций. Более того, направил рапорт на имя Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I: «...в сентябре сама больная и близкие к ней люди, посещая храм, неоднократно сообщали мне, что больная подвергается тайным преследованиям и даже насилием со стороны местных работников государственной безопасности, которые будто бы вынуждают ее отречься от своих религиозных убеждений. Будучи глубоко взволнован этими сообщениями, я по долгу совести обратился с жалобами в Центральный и областной комитеты КПСС, а также в центральный и областной органы государственной безопасности с копией, конечно, моему епископу...»

Вряд ли соотечественники, жившие в те страшные годы, смогут забыть их. Вряд ли смогут понять ту атмосферу сковывающего, жуткого страха поколения, которые выросли после крушения СССР. Кары обрушились на голову непокорного священника. Как он осмелится пожаловаться на действия госбезопасности? Отца Сергея отстранили от священнического служения, возбудили против него уголовное дело о клевете. К счастью, дело вскоре прекратили, но справку о регистрации, без которой ни один священник

не мог служить на территории СССР, отобрали. Отец Сергей принадлежал к категории «неудобных людей». Его «обличали» за неуживчивость даже собратья-священники. Лишь два года прослужил он в Любятове. 10 января 1956 года был уволен в заштат. Потом были попытки служить в Смоленске, в кафедральном соборе (с 24 апреля 1956 по 1 января 1957 года), Веневе, Тульской епархии (с 15 мая 1957 по 8 января 1958 года), и, наконец, в Великих Луках (с 14 ноября 1958 по 9 февраля 1960 года), где произошло его столкновение в разгар «хрущевских» гонений на Церковь с властьюпредержавшими. После этого он единожды попытался устроиться и подал прошение во Владимирскую епархию. В марте 1960 года был назначен священником в погосте Заболотье, но прослужил лишь три месяца, после чего был запрещен в священнослужении. Неоднократно он пытался восстановить регистрацию, но все его попытки завершились неудачей. Он смирился, оформил мизерную пенсию, хотя хлопоты длились несколько лет.

В годы «хрущевских» гонений он активно выступал в защиту Церкви. Только за полгода, с октября 1958 по май 1959 года отпало от Церкви 9 человек, среди них - профессор Ленинградской Духовной Академии Александр Осипов и молодой богослов из Саратовской семинарии Евграф Дулуман. Заявил о своем отходе от Церкви и священник П. Дарманский, с которым отец Сергей учился в Ленинградской духовной семинарии. Он опубликовал в советской прессе статью «Почему я порвал с религией». Отец Сергей считал своим долгом ответить бывшему соученику. Так в Самиздате (отступники получили возможность открыто выступать со своими разоблачениями в советской прессе, тогда как верное Церкви духовенство не имело такой возможности) появилось первое его публичное выступление, обращенное к ренегату Дарманскому. Хотя оно не было подписано, подавляющее число духовенства прекрасно знало автора. В своем письме отец Сергей писал: «...Нельзя научно доказать бытие Божье. Но нельзя научно доказать и обратного. Какая свобода для нашего выбора!» Отвечая на упреки Дарманского в адрес духовенства, отец Сергей глубоко заметил: «...если мы ведем себя недостойно, то это обратным способом показывает глубочайшую жизненность и правду святости, которая не умирает в душе народа вопреки всему нашему достоинству. Но я лично знаю и Вы лично знаете многих священников, которых Вы незаслуженно оскорбили этим заявлением» [1]. А в 1968 году отец Сергей выступил с открытым письмом к правозащитнику Павлу Литвинову, предлагая ему поддержку. Он также обратился с письмом к зарубежным священнослужителям, в том числе к профессору Громадке, который возглавлял общественную религиозную организацию — Христианскую мирную конференцию с призывом выступить в защиту заключенного Анатолия Марченко и других советских правозащитников. Отец Сергей считал, что границы Церкви гораздо шире, чем это принято считать и включал в Нее всех «людей доброй воли». В письме к Литвинову он так выразил свое мнение: «Сегодня в России очень многие называют себя атеистами только по недостатку образования».

Пик его творческой деятельности выпал на начало 70-х годов. В 1973 году в Германии вышла его книга «Почему и я христианин», этим же годом датирована его работа «Общая исповедь», которую мы предлагаем читателям сборника. В этот же период отец Сергей явился инициатором переписки между интеллектуалами Москвы и Ленинграда, позже получившую название «Христианство и атеизм». Отрывки из этого объемного труда публиковались в парижском журнале «Вестник русского христианского студенческого движения». В этом же журнале были опубликованы отрывки из его блистательной книги «Литургические заметки». В 1973 вместе с Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным и другими 11-ю советскими интеллигентами он вошел в состав созданной московской группы «Международная амнистия». Так оказалось, что Русская Православная Церковь, которую в те годы все, кому не лень, обвиняли в приспособленчестве и конформизме, была представлена в правозащитном движении священником Желудковым. Его книги до сих пор вызывают споры. Но пока в новой, демократической России опубликована лишь одна — «Почему и я христианин».

Основное его творческое наследие остается неизданным. Хотя его «Общая исповедь» несет подзаголовок «пособие для священников», это скорее вынужденная конспирация советских времен. В те годы, если во время обыска изымалась самиздатская брошюра и на ней значилось имя автора, его неминуемо вызывали на допрос и даже могли возбудить уголовное дело. Отец Сергей прекрасно понимал это и в этом случае мог спокойно отвечать, что его брошюра адресована только духовенству. Так укрывал свои работы его современник — ученый-химик, христианин-миссионер Николай Пестов.

Отец Сергей был смелым человеком. Когда мне приходилось навещать его в Пскове, во времена зимнего одиночества, я иногда наблюдал тяжелую борьбу со страхом. Позже я размышлял над словами Апокалипсиса, которые ставят в один ряд трусов с предателями, идолопоклонниками, убийцами и развратниками. (Откр. 21, 8) В синодальном переводе — «боязливых». Малодушные — один из самых распространенных и практически незамечаемых нами грехов. Его даже считают скорее «грешком», нежели серьезным грехом. Общаясь с отцом Сергием, я не мог бы назвать его бесстрашным человеком. Он прекрасно знал, что такое испытание страхами, насколько оно тяжело. Он вынужден был постоянно бороться с ним, но каждый раз побеждал. Для него не было секретом, что за ним постоянно следят. Еще бы — на весь Псков один-единственный диссидент. Мне рассказывали забавный случай, когда работники КГБ лютой зимой приехали проверить своего «подопечного». И были потрясены — температура в доме почти не отличалась от уличной. Печь не топились, поскольку у него не было денег на дрова. Свою нищенскую пенсию (60 рублей) он раздавал нуждающимся. Отец Сергей, одев на себя все что было можно, продолжал работать. Надо отдать должное чекистам — вечером была прислана машина дров. Одна из его друзей, ленинградский преподаватель отмечала: «Жалость, даже сочувствие, вызывали у него недостойные люди: «Это трагическая душа... Пожалеть его надо». Даже люди выбравшие недостойную профессию — он называл их «драконами» (сотрудники КГБ — С. Б.), были для него не на одно лицо: «Везде есть хорошие люди. За некоторых из них я молюсь. Без них хуже было бы». Хотя не боялся осудить: «Это злой человек». Или: «Это похвальба, пижонство одно» (архив автора). Он

внимательно относился к людям, будь то чекисты, которые постоянно следили за каждым его шагом, или работники милиции, которых принуждали проверять его гостей. Слежка за ним осуществлялась за ним и во время его поездок. А он все же почти незаметно умудрился в 1972 году съездить на Западную Украину, на родину арестованного священника Василия Романюка и предоставить академику Андрею Сахарову полную информацию о положении его семьи.

Я познакомился с отцом Сергием в подмосковной Тарасовке в 1967 году, где тогда служил священник Александр Мень. Отец Сергей не афишировал своего священства — обычно ходил в мирской одежде. В рясе его можно было увидеть крайне редко. Небольшого роста, с седой, аккуратно подстриженной бородкой, лысый, подвижной, как ртуть, он проявлял неподдельный интерес к каждому новому знакомцу. В беседе всегда обращался на «вы», даже если говорил с ребенком. Возникло ощущение, что он наслаждается общением и, подобно Диогену, яростно ищет единомышленников. В воспоминаниях о нем ярко отмечена эта черта: «...когда Сергей Алексеевич появился в кругу близких нам людей, сразу стало очевидным существенное отличие его ото всех — каждый из этого круга стремился чем-то себя проявить — начитанностью, близостью к искусству, умением вести занимательную беседу, а Сергей Алексеевич ничем не хотел казаться, он просто оставался таким, какой есть, и при этом стал центром, к которому стремились все. Для себя Сергею Алексеевичу было необходимо одно богатство — общение с людьми, духовные контакты, без которых он тяжело страдал. Как-то в письме своему другу он написал: «...мне сейчас очень тяжело, я не могу жить без диалога». ...У всех, кто его окружал, он стремился пробудить жажду общения, его радовали возможности различных встреч, переписок, любой формы единения людей. Часто он повторял «люблю знакомить хороших людей». Стремясь вовлечь в круг духовной работы своих друзей и знакомых, Сергей Алексеевич составлял и рассылал сборники текстов различных выписок, называя их «домашняя проповедь». Эти краткие и емкие послания значили очень много» [2].

Находясь в заштате, официально будучи лишенным возможности пастырства, не совершая храмовых богослужений, он все же оставался настоящим священником, «светом миру и солью земли» по словам Христа. В одном из воспоминаний метко подмечена главная его особенность: «Вспоминая его первый визит (вот уж неподходящее слово!). Мы виделись до этого два раза, друзья уже уехали (речь идет о вынужденной эмиграции поэта Льва Друскина - С. Б.). Он позвонил: «Г. А. Здравствуйте. Я в Ленинграде. Вы дома? Сейчас к Вам приду». Я — суетиться, волноваться: «Давайте, я Вас встречу, еда, то-се». Встретить не дал. Пришел и тотчас же, в поношенной теплой одежде, маленький, румяный с мороза, очень аккуратный, сел на диван и стал говорить так, как будто мы всю жизнь дружили. Так бывало и потом, и я почти привыкла к этим неожиданным радостным звонкам. Но перед каждой встречей волновалась. Экзамен? Ревизия своей души перед ним? Нет, совсем не это. Это было волнение перед опытом, опытом счастливым, какие бы грустные дела мы не обсуждали. Со-чувствие — желудковский термин. Оно было главной чертой его личности. Внимательность, пронизательность его были необыкновенны, почти не от мира сего. Расспросит он тебя о твоих бедах, тягостных перипетиях, а потом, месяца через три, увидимся мы с ним: «Ну, как дела?» Начнешь напоминать ему, а он все помнит: «Вот вы тогда говорили то-то. А что потом было? Как тот? Как этот?» Как будто мы вчера прервались с ним на самом важном месте, а он все это время с нетерпением ждал, потому что ему это было действительно важно. А ведь сколько у него было таких, как мы, друзей и конфидентов!» (архив автора).

В тот период в центре внимания столичной интеллигенции была организованная им переписка, позже получившая название «Христианство и атеизм». Когда осенью 1968 года, вынужденный срочно покинуть Москву, я впервые приехал к нему в Псков, то понял, как он был одинок и каким праздником для него были выезды в столицу. Осень, зиму и начало весны он жил один в половине деревянного дома на окраине Пскова с кошкой и собакой, которого иногда строго журил: «Полкан, Вы плохо себя ведете». Обстановка была аскетической — шкаф, одновременно служивший перегородкой, стол, пишущая машинка, книги и бумаги. Справа от входа стоял старенький радиоприемник, работавший от сети. Отец Сергей мастерски управлялся с ним. Советские «глушилки» в те годы работали исправно, поэтому радиопередачи «Свободы» или Би-би-си почти невозможно было слушать, но отец Сергей умудрялся их «ловить». Он мгновенно перенастраивал приемник на другой диапазон, как только начинала завывать «глушилка». Благодаря радиопередачам всегда находился в курсе последних событий. И все же чувствовалось, насколько тяготит его одиночество. Меня поразил его молитвенный угол — в центре большая икона Спасителя. По обе стороны висели десятки фотографий правозащитников, среди них были самоубийца чех Ян Палах, на видном месте — фото академика Андрея Сахарова. Прочитывая молитвенное правило, он молился за них. Меня принял радушно и я прожил у него несколько дней, пока не нашел работу. Потом, в течение двух лет, пока жил и работал в Псковской области, несколько раз в году навещался к нему и каждый раз по-новому узнавал его.

Регулярно слушая передачи радио «Свобода», он познакомился с циклом проповедей протопресвитера Александра Шмемана. Нам в столице не удавалось услышать их — глушилки работали на совесть и лишь изредка, где-нибудь под Москвой, сквозь вой и скрежет, улавливали лишь куски передач. В один из своих приездов в Москву отец Сергей заявил, что если ему помогут получить записи проповедей отца Александра, то он потратит оставшуюся жизнь на их перепечатку и распространение. В это время в Москве жил и работал сын отца Александра — Сергей Шмеман, с которым я иногда конструктивно встречался. Он был корреспондентом «Нью-Йорк Тайме» в России. Я передал Сергею просьбу отца Сергия. К сожалению, пояснил Сергей, проповеди отца были по большей части импровизацией, а пленки оставались на радио. И все же призыв отца Сергия был услышан спустя много лет — в 2000 году издательство «Паломник» выпустило в России сборник проповедей отца Александра Шмемана, составленный его сыном Сергеем. Ознакомившись с

проповедями, я понял, насколько прав был отец Сергей — более глубоких и блистательных проповедей, кроме, быть может, проповедей отца Александра Меня, мне не приходилось читать. Проповедь — особый жанр. Важно ее слышать — когда она ложится на бумагу, то утрачивает слишком много. Одно дело, когда ты неоднократно слышал проповедника, уже ушедшего из жизни, помнишь его интонации и жесты. Перечитывая проповеди, в памяти всплывает когда-то виденное и помогает чуду воскресения и сопереживания. Другое дело, когда ты не слышал проповедника — в этом случае, по большей части, проповеди мало трогают сердце. Протопресвитер Александр Шмеман исключение. Его проповеди сохранили свою глубину и остроту и на бумаге. Жаль, что большая часть их была утрачена на радио «Свобода».

Основным делом своей жизни, своим особым призванием отец Сергей считал духовную поддержку «людей доброй воли», так он называл правозащитников. Подавляющее большинство советских правозащитников считали себя атеистами, хотя многие имели довольно смутное представление о христианстве. Многим отец Сергей сидел в тюрьмы и лагеря, действительно помогал их близким. В воспоминаниях о нем есть одно яркое свидетельство: «После тяжелых событий в жизни Льва Друскина (один из питерских друзей отца Сергея — С. Б.), приведших к его отъезду из СССР, мы обсуждали с Сергеем Алексеевичем поведение и судьбы людей, связанных с этой историей. Все эти люди в той или иной степени подверглись давлению со стороны властей и по-разному это давление выдержали. «Все-таки это здорово», — сказал Сергей Алексеевич. «Что здорово?» — «Друзья, друзья-то какие оказались! Это прекрасно!» - «Но как же? Ведь многие испугались, перестали звонить и встречаться, испугались. Люди, которые считались преданными мужественными!» — «Ну и что же? Их можно понять. Они рисковали работой, это для них очень важно. Это жизнь! Ведь никто же не предал, не свидетельствовал против него!» — «Но один...» — «Ну, разве что один. Зато какие примеры мужества, верности! Это прекрасно!» [3]. Он оставался подлинным христианином, верным Церкви, Ее догматам и таинствам, хотя многое пытался постичь рационально, не понимал, но честно писал об этом. Отец Александр Меня, горячо любивший его, в шутку говаривал: «Ну, отец Сергей... Он же еретик, но — благочестивый еретик!» На самом деле гордился тем, что в годы брежневских, а позднее андроповских гонений в рядах правозащитников, открыто говоривших о гонениях на Церковь, находились православные священники — Сергей Желудков, Глеб Якунин, Николай Гайнов. Отец Сергей привел в Церковь многих интеллигентов, причем не столько проповедями, сколько примером жизни. Он всегда оставался бессеребряником, готовно делясь последним с тем, кто в этом нуждался. Он был активным автором Самиздата и московское духовенство всегда с интересом, хотя и с некоторым подозрением, читало его Открытые письма и труды. Многие священники укоряли его за излишние, по их мнению, симпатии к протестантизму.

Важно перечитать и задуматься над отзывом, который принадлежит покойному архиепископу, исповеднику Афанасию Сахарову, проведенному в тюрьмах и лагерях 33 года. Это был один из наиболее тяжелых периодов жизни отца Сергея. Он служил в Великих Луках Псковской епархии и на него постоянно жаловались прихожане за его, по их мнению, новшества. Правящий архиерей обратился с письмом к владыке Афанасию, признанному авторитету в области богослужения. В ответном письме от 15 марта 1960 года владыка пишет архиепископу Онисиму Фестинатову: «В 1958 году в богослужебно-календарную комиссию поступила рукопись о. Желудкова с изложением его литургико-богослужебных взглядов и пожеланий. Отзыв об этой рукописи было поручено дать Д. П. Огицкому, на то время инспектору Ставропольской духовной семинарии. Но комиссия вскоре была ликвидирована, и поэтому рукопись о. Желудкова была в моих руках очень недолго, и я лишь мельком ее просмотрел. Об о. Желудкове, обучавшемся в Ленинградской духовной семинарии, рассказывал в комиссии профессор Ленинградской духовной Академии Н. Д. Успенский, и, сколько помнится, отзыв его не был отрицательным. От Д. П. Огицкого я знаю, что у него до последнего времени поддерживается большая и серьезная переписка с о. Желудковым по литургическим вопросам и Д. П. Огицкий, как могу судить по его письмам ко мне, оценивает о. Желудкова отнюдь не отрицательно...

На основе того, хотя и немногого, что я знаю об о. Желудкове, я никак не могу согласиться с тем, что Вам было сказано о нем. Наоборот, о. Желудков представляется мне как человек искренно и горячо любящий наше православное богослужение и ревнующий об очищении нашей современной богослужебной практики, которая, к сожалению, во многих случаях совсем не хочет считаться с Церковным Уставом и вместо того, что положено по Уставу, заполняет богослужение всякого рода отсебятиной. О. Желудков, как мне представляется, критически относится к современным искажениям и нарушениям обрядов и священнодействий. Его суждения и его деятельность, направленные к восстановлению уставных порядков, непонятны и неприятны для тех, у кого установившиеся порочные антиуставные традиции стали «уставом» и для которых напоминания об этом и попытки вернуть наше богослужение в законное церковно-уставное русло кажутся ересью с протестантским уклоном. А о. Желудков по ревности своей, не только говорит и пишет, но и на практике в тех храмах, где приходится ему служить, по-видимому, старается проводить в жизнь то, о чем говорит и пишет. Это еще более вооружает против него ревнителей порочных традиций...» [4]. В 1958 году отец Сергей отправил первоначальный вариант "Литургических заметок" в созданную при патриархе Алексее I Календарно-богослужебную комиссию [5]. Эта комиссия занималась составлением церковного календаря и богослужебных указаний. Возглавлял ее епископ Афанасий (Сахаров) — участник Собора 1917—1918 годов, проведенный в лагерях и ссылках 33 года. Эту церковную структуру владыка шутливо, но метко называл "комиссией по отцеживанию комаров". Составить отзыв было поручено профессору Д. П. Огицкому. Комиссия вскоре прекратила свою работу. «Литургические заметки» так и не были обсуждены. Однако, отец Сергей не оставил работы над книгой. Она получила широкое хождение в Самиздате. Появилось немало отзывов, которые автор порой включал в текст книги. Важно ознакомиться с мнением профессора Огицкого:

"Глубокоуважаемый Отец Сергей!

Мне хочется поделиться с Вами мыслями по содержанию Ваших, очень меня заинтересовавших «Литургических заметок» (Псков, 1956 г.), познакомиться с которыми мне довелось в прошлом году во время работ в ныне упраздненной Календарно-богослужебной комиссии при Синоде. По недостатку времени ограничусь лишь краткими отрывочными замечаниями.

Не скажу, чтобы я полностью разделял все Ваши взгляды. Далеко нет. В частности, я считаю совсем несвоевременным и очень рискованным подчеркивание возможностей «богослужебного творчества» в наше время. Я не разделяю Вашего отвращения к Марковым главам и безнадежно-пессимистического, пренебрежительного отношения к Типикону. Я сожалею, что в Вашей работе нашлось место для такого резкого выпада против Л. Н. Парийского.

Но вместе с тем я очень ценю Ваш труд, согретый теплотой Вашего чуткого пастырского сердца, и мне хотелось бы от всей души поблагодарить Вас за то, что Вы так смело поставили вопрос о недостатках в современной богослужебной практике и сделали в своей работе столько ценных замечаний. Среди духовенства у нас очень немногие люди, которые вдумчиво относятся к этим вопросам и болеют душой за современное состояние богослужения. Я уверен, что в баптизм люди бегут от нас не потому, что предпочитают сектантское вероучение церковному, а прежде всего и главным образом потому, что их не назидает наше богослужение. Какой ужас и какой стыд для нас! Сокровище церковное, равного которому нет ни в одной религии, из-за нашего неряшливого и бестолкового к нему отношения становится не средством привлечения людей в Церковь, а чем-то противоположным сему. У нас до революции было 4 духовных академии, издавались духовные журналы, печатались ученые статьи, а на клиросах дьячки бубнили: «очи Свои возложиша уклонити на землю [6] ...от малых от земли раздели я в животе их [7] ...сего ради законоположит ему на пути его же изводи [8] ...во избытцех Твоих угодовиши лице их [9]» и многое другое, что с трудом понимали даже профессора духовных академий. И никому до этого дела не было. И никто, никогда не поставил вопроса об удобовразумительности перевода хотя бы одной Псалтири для богослужебного пользования. Недавно я писал бывш<ему> председателю Календарно-богослужебной комиссии владыке Афанасию (выдающемуся литургисту, человеку глубоко церковному, большому стороннику поновления переводов и даже перевода богослужебных текстов на русский язык), что вопрос перевода песнопений гораздо более сложный, чем вопрос перевода других текстов. Стихиры, тропари канонов следовало бы переводить на русский язык стихами. На каждой песне канона должен был бы меняться ритмический размер строф-тропарей (как в греческом оригинале). Конечно, об этом можно лишь мечтать, т<ак> к<ак> такая работа мало кому по плечу. Переводчик должен бы быть и филологом, и богословом, и поэтом. Но зато такие переводы богослужебных творений хорошо, талантливо выполненные внесли бы в нашу церковную жизнь именно то, чего ей недостает.

При чтении Вашей работы мне было очень приятно констатировать интересное совпадение Ваших взглядов с моими по ряду вопросов... [10]

...В заключение еще раз вернусь к вопросу богослужебного «творчества» в наше время. Вы сами привели немало печальных примеров. Эти доказательства нашей бездарности и порицательного отсутствия вкуса можно умножать до бесконечности. Это творчество — величайшее зло нашего времени. И Ваша книга ценна не тем, что Вы провозгласили лозунг свободного творчества (это как раз скорее недостаток Вашей книги), а тем, что Вы, по сути дела отступая от этого лозунга, стараетесь оставаться церковным традиционалистом, в лучшем смысле этого слова. Ведь если отвергнуть святоотеческие и уставные ориентиры на том основании, что эти рамки устарели и мы из них выросли, тогда мутные волны бездарной отсебятины (акафисты, чин погребения Богородицы, ар-хиереусгоднические вставки и т. п.) захлестнут все и погубят то, что еще осталось от православия и церковности в нашем богослужении. Любителей творчества у нас хоть отбавляй. Я тоже мог бы Вам привести прямо-таки жуткие примеры. Часто приходится слышать рассуждения: «устав для человека, а не человек для устава» (для человека, т. е. для угождения его нецерковным вкусам), «мы выросли из типикона» и «чем мы хуже святых отцов». Да в том то и дело, что в миллионы раз хуже, в том то и дело, что не доросли, в том то и дело, что если бы доросли, то способны были бы и <вперед> двигать, а так способны только портить, уподобляясь тем недоучкам, которые пытаются исправлять классиков. Мое глубокое убеждение, что в наше время надо не поощрять свободное «творческое» отношение к богослужению, а прямо-таки бить за это по рукам. Надо не создавать что-то новое, а из того, что предусмотрено типиконом, выбирать самое ценное. Возможности здесь достаточно широкие. Лишь бы сумели это уставное сделать доступным, понятным и близким молящимся.

Наконец еще одно. Я думаю, Вы писали свой труд не для того, чтобы написанное Вами оставалось под спудом и, надеюсь, не будете возражать против перепечатания на машинке (или выдержек из него) и ознакомления с ним людей церковных, серьезно интересующихся вопросами богослужебной практики.

В заключение хочу от всей души пожелать Вам здоровья, сил и терпеливого перенесения неприятностей, которые обычно выпадают на долю людей, подобных Вам".

Во второй половине 70-х годов отец Сергей увлекся творчеством немецкого богослова Ганса Кюнга. Вместе с Евгением Барабановым, с семьей которого он особенно близко сошелся в эти годы, он начал работу над

переводом основного труда Кюнга «Быть христианином». Именно за эту книгу Кюнг подвергся резкой и справедливой критике со стороны католических богословов. Когда отец Сергей узнал о моей дружбе с поэтом и переводчиком Аркадием Штейнбергом, который в совершенстве знал немецкий и был сведущ в богословии, отец Сергей попросил познакомиться с ним. Штейнберг радушно откликнулся. Он не только помог в переводе трудных мест, но жадно накинулся на отца Сергея. Между ними вспыхнула взаимная симпатия — Аркадий Акимович отсидел в сталинских лагерях два срока и бывал на Байкало-Амурской магистрали. Прекрасно знал о правозащитной деятельности отца Сергея. Меня поразило, как мгновенно эти два доселе незнакомых человека обрели друг друга. Позже подобную же симпатию я наблюдал только единожды — когда пришел в гости к Штейнбергу с Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным. Наша жизнь изменилась во многом благодаря усилиям праведников, к которым принадлежал священник Сергей Желудков. Он размышлял — сумеют ли россияне воспользоваться плодами свободы после крушения авторитаризма. Его беспокоила косность и малодушие православного духовенства. Порой он с ужасом думал о крушении коммунизма. Говаривал: «Представьте себе, рухнет коммунизм и вот тогда скажут нашим епископам и священникам — идите на радио, телевидение, выступайте в прессе. Говорите! Представляете, что они понесут?!» К сожалению, это пророчество отца Сергея сбылось в полной мере. В воспоминаниях о нем его друзей подмечена важная черта: «Ум его, однако, был очень острым, критичным. Ему совершенно несвойственны были иллюзии, благодушие, мечты о светлом будущем. При всей своей вере в человека, в человечность, он не склонен был идеализировать народ — «искалеченные души», как он говорил. Надежда человеческого существования была для него в личном подвиге лучших людей, верующих и неверующих — в нем он и видел подлинное Христианство, в нем, а не в так называемом единстве народа, не в униформизме под любой, даже православной идеологией. Он не стеснялся смеяться над уверениями Солженицына (которого, конечно же высоко ценил), что сельский русский человек мечтает лишь о том, чтобы школа была для детей, да церковь, где помолиться. «Школа, может быть», — говорил он, — а про церковь и думать забыли. Других забот много» [11]. К 60-летию академика Андрея Сахарова, томившегося в Горьковской ссылке, отец Сергей писал в 1981 году: «Да и о народе нашем надо сказать правду: находясь в плену оглуляющей дезинформации, очень многие обыватели либо просто ничего не знают, либо даже очень превратно понимают его благороднейшую деятельность».

Как ни странно, он был равнодушен к стихам и часто повторял: «Да я ничего не понимаю в стихах!» «А вот о прозе, особенно о современной — художественной и публицистической — высказывался охотно. Здесь он был весьма взыскателен. Нередко упрекал авторов в дурном стиле, провинциальности, иной раз и просто дураком назовет или скажет: «Графоман, тут уж ничего не поделаешь». Не любил исторических романов, придирался к любой фактической неточности. «Петра Первого» Алексея Толстого громил безжалостно, да и «Узлам» (имеется в виду эпопея Александра Солженицына «Красное колесо», состоящее из «Узлов» — С. Б.) доставалось. В исторической прозе более всего ценил жанр «художественного исследования», основанного на документах и добросовестных личных свидетельствах. Среди современных любимых книг называл «Архипелаг ГУЛАГ», «Утоли мои печали» Льва Копелева, «Иванькиаду» Владимира Войновича, «В подполье можно встретить только крыс» Петра Григоренко (только заглавие категорически не одобрял). Охотно цитировал Зиновьева, хорошо знал и любил Бердяева, восхищался работами немецкого богослова Кюнга» [12]. Вспоминаю один забавный эпизод начала 70-х годов, когда Александр Солженицын завершил работу над одним из «Узлов» — «Август 14-го». Книга вскоре вышла в Париже, а Солженицын обратился к друзьям с просьбой прочесть новую работу и прислать ему отзывы. Позже они вошли в том — «Август 14-го читают на Родине». Прислали свои отзывы и два священника — Александр Мень и Сергей Желудков. Отец Александр написал подробное, обоснованное исследование, но весьма критическое, хотя и деликатное, всячески стремясь щадить самолюбие автора. Отзыв отца Сергея отлился в одну фразу: «Большой художник имеет право на неудачу». Как ни странно, оба отзыва Солженицын не включил в сборник.

Отец Сергей умер в Москве 30 января 1984 года после тяжелой операции — у него был рак пищевода. Он готовился к смерти и не боялся ее. «Он много звонил, сообщая друзьям о своей болезни и предстоящей операции, а в остальном вел себя обычно: говорил, слушал, восторгался новым анекдотом, только руки беспокоились. Знал, что операция смертельно опасная, но утешал: «Что ж, ведь я не воевал, другие ведь воевали, а мне вот — операция». Потом сказал: «Мне нужно еще года два-три. Тогда я успею». К смерти готовился — причастился, перед больницей объездил всех друзей. «Нет веры в Бога без веры в Воскресение: тогда все бессмыслица, абсурд», — так он говорил и писал. И еще: «О Смерти не надо горевать, а вот о жизни горевать иногда приходится» (архив автора). В завещании написал: «...Как можно меньше хлопот с похоронами. Если Смерть (это егописание, к смерти он относился с уважением — С. Б.) случится в Москве или Ленинграде — совершить кремацию и отпеть заочно. Если похороны будут во Пскове, то очень прошу — пусть священник не вздумает говорить речь... Боже, милостив буди мне грешному». Друзья и близкие сумели перевезти его прах в Псков и похоронить его близ храма в Любятове. Отпевание же совершалось сумрачным зимним днем в Богоявленском соборе в Москве по священническому чину. В одной из дневниковых записей, сделанных отцом Сергием незадолго до смерти, звучит такое признание: «Я христианин — это значит сказать: я охвачен мечтой, стремлением к духовной красоте, я постоянно хочу быть лучше... Христианская жизнь — это подвиг, куда более захватывающий, чем полет в космос».

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ. Новая редакция. Мои заметки разных лет и письма разных лиц по практическим вопросам русского церковного Богослужения. «Несвоевременные размышления», главным образом — критического свойства.

Обычно принято восхвалять наше русское церковное Богослужение как верх всякого совершенства. Это действительно верно по отношению к подлинным драгоценностям, которые мы и должны бережно сохранять, проявляя добрую, интеллигентную консервативность. Но вместе с ними в нашем литургическом наследии присутствуют и такие исторические наслоения, которые стали пережитками, которые сегодня имеют уже только отрицательное значение, от которых нам должно по мере возможности освобождаться. Нередко сюда присоединяется еще и недостаток церковной культуры у церковного начальства и исполнителей. В результате наше церковное Богослужение нередко оказывается таковым только по названию, ибо не выполняет своего назначения — не привлекает, не вдохновляет, не соответствует величию нашей веры, представляется не славой, а унижением Церкви. Сегодня и у нас, как и на Западе, можно говорить о литургическом кризисе христианства.

Признание этого факта несколько не унижает Самого Христианства. Тут уместна актуальная аналогия — глубокий кризис нашего «догматического Богословия». Тот, кто воистину прикоснулся святыне Христианства — тот может быть уверен, что оно преодолеет все трудности современной своей проблематики и будет исповедано на новом уровне универсальности и свободы... Подобным образом можно уверенно утверждать, что «если будет будущее» — то будет и дальнейшее литургическое развитие в Христианстве. Мы не можем сегодня предвидеть всего во всей формальной конкретности; но наш долг уже и сегодня прилежно работать над тем, чтобы это развитие совершалось в добром направлении. И нам должно не различать «сегодня» и «завтра» в общем труде поколений.

В этом экспериментальном «первом томе» заметки и письма (по главному их содержанию) сгруппированы в такой тематической последовательности:

- 1-4 Некоторые общие принципы
- 5-7 Язык русского церковного Богослужения
- 8-13 Церковная музыка
- 14-27 Типикон и вечернее Богослужение
- 28-30 Церковная проповедь
- 31-45 Божественная литургия
- 46-47 Акафисты
- 48-63 «Требы»
- 64-66 Архиерейская служба
- 67-74 Современные новшества и потребности
- 75-79 Духовенство и церковный народ
- 80-81 «Инославные» впечатления

Некоторые общие принципы

1

Москва, 1969. Говорят, что состоялось отпевание на дому Константина Паустовского. Присутствовали родные и друзья покойного. После жена другого выдающегося писателя передавала свое впечатление. Оно было резко отрицательным. Явился батюшка без певчих и совершил обряд крайне непрезентабельно. «И все почему-то потирал руки...»

Я переживаю это с великой досадой, как если бы это была моя личная неудача. Да это и действительно была неудача всей Церкви. Тут бы хороший мужской квартет, даже хотя бы хорошее женское трио — и русский чин Погребения, исполненный вполголоса, прозвучал бы с великою благодатною силой для всех.

Возмущает отношение к этому горестному происшествию наших «церковников». Один интеллигентный юноша заявил: «Подумаешь — интеллигенция!»... Другой, тоже интеллигентный человек, старый архимандрит, сказал по этому поводу, что он и сам любит служить вот так совсем один, без певцов, а вообще-то он считает, что покойный писатель и не заслужил торжественного погребения, потому что были антирелигиозные мотивы в его раннем творчестве... Хорошие люди, а говорят такие гадости. Не понимают самой сущности церковного Богослужения.

В отличие от молитвы уединенной, церковное Богослужение есть общение в молитвах и взаимном назидании. Не касаясь особого положения святых таинств, можно утверждать, что общение верующих в церковном Богослужении совершается, как правило, средствами искусства. Сначала это было религиозное искусство иудейского храма и синагоги. Потом у Христианства явились собственные тексты общих молитв и гимнов, церковная проповедь, пение и инструментальная музыка, икона, живопись, архитектура... Все это — священное искусство. Его святое назначение — создать молитвенную настроенность, укрепить нашу веру, направлять нашу волю к тому истинному служению Богу, которое мы должны бы совершать в нашей практической жизни.

Церковное Богослужение есть служение Богу средствами искусства. В конце прошлого века в русской посольской церкви в Лондоне была совершена панихида в память царя Александра III. «Русский Реквием»

произвел на англичан потрясающее впечатление. В нашем же прискорбном случае, которого я не могу забыть, отвергнуто было искусство. Будь на месте незадачливого батюшки любой другой служитель — без хора, без пения — и у него бы все провалилось. Разве только очень хороший оратор мог бы отчасти поправить дело вдохновенной речью; но ведь это было бы тоже искусство... С болью я думаю, что среди присутствовавших были и неверующие; с особым интересом они всматривались — что же это, какова эта вера отцов, к которой после всего опыта жизни возвратился покойный их друг? И увидели только, как жалкий священник «потирает руки», машет кадиллом, пытается совершить отпевание без пения... Это было унижение нашей святыни, это было служение против Бога, потому что отвергнуто было искусство.

2

«...Что касается литургического возрождения церковной жизни, то о нем много писалось и говорилось еще на рубеже XIX — XX столетий. Как вы знаете, лучшие из церковных деятелей того времени высказывались по этому вопросу положительно. Необходимость реформы богослужения в смысле исправления его языка, улучшения обрядовой стороны и создания нового, церковноприходского (не монастырского) устава были предметом занятий особой богослужебной комиссии Московского собора 1917 г. Когда же этому собору не удалось сделать ничего реально ощутимого, то многие ради литургического возрождения встали на путь обновленческого движения. Результат оказался плачевным. Вместо литургического возрождения возникло опасение всякой попытки к осмыслению богослужения и примиренчество к явным нарушениям церковного устава из-за боязни, как бы не вызвать исправлением нового раскола.

Впрочем, могли ли Московский собор 1917 г. и затем обновленческий Священный Синод осуществить, что называется, административным путем литургическое возрождение, даже в том случае, если бы собор не прекратил своих занятий преждевременно и если бы обновленческое движение не скомпрометировало себя, — это остается вопросом. Опыт церковной истории показывает, что серьезные богослужебные реформы никогда не осуществлялись административным путем и попытки в этом направлении не увенчивались успехом. В самом деле, первоначальный русский церковный устав был принят нашими предками из Константинополя, что называется, явочным порядком, вместе с греческим духовенством, в таком виде, в каком он был в Византийской церкви. Для нашей церкви этот устав во многом был просто непосильным и вскоре, в 1062 г., преп. Феодосий Печерский заимствовал для своего монастыря другой, Студийский устав. Никакого соборного определения на эту акцию не было, однако летописец говорит, что принятый преп. Феодосием устав вскоре стал уставом всех русских монастырей (а затем, разумеется, и приходов). В XIУ-ХУ вв таким же явочным порядком, без какой-либо санкции церковного руководства, произошла в общерусском масштабе смена Студийского устава Иерусалимским. Администрирование в этой области, наоборот, давало отрицательный результат. Вспомним богослужебную реформу патриарха Никона, оторвавшую от Церкви миллионы людей и стоившую страшных мучений и смерти многих глубоко верующих христиан. Вспомним бесплодную и взаимно противоречивую литургическую деятельность московских соборов 1551 и 1666—1667 годов. Очень показательна в этом отношении история древней Церкви. Никогда в Церкви не было так много разного масштаба соборов, как именно в этот период времени, и никогда не выносилось так мало литургических определений...» *Из письма, 1964.*

Очень важное свидетельство специалиста. Действительно, кроме споров о времени празднования Пасхи и об иконопочитании соборы древней Церкви почти совсем не занимались вопросами церковного Богослужения, всецело предоставляя это власти местных епископов. Сопоставляя историю развития церковного Богослужения с историей соборов, мы видим, что все литургические перемены происходили совершенно независимо от соборов. Соборы не составляли и не утверждали чинов литургии и никаких церковных книг. Церковное Богослужение — это искусство, многовековое творчество. Как и всякое творчество, его нельзя было осуществлять постановлениями. Во всем, что касалось Церковного Богослужения, соборы древней Церкви ограничивались только отрицаниями, запрещениями некоторых явно ложных уклонов: не преклонять колен в день воскресный; не брать за Причащение; не допускать беспрерывного псалмопения без назидательных чтений; не входить в алтарь прежде епископа... Кстати: ни одно из этих древних запрещений ныне у нас не соблюдается.

Богослужение древней Церкви развивалось в свободе местного предания и живого творчества. Новшества возникали и приживались, входили в традицию, либо не прививались и исчезали; и все это происходило постепенно, повседневно, мирно, так что ученые литургисты нередко теряются в догадках — когда же и как образовалась та или иная традиция. Эта «перманентная реформация» проходила во все замедляющемся темпе, так что в позднейшей истории мы почти не замечаем движения — напротив, наблюдаем устойчивую консервативность в отношении современников к своим формам церковного Богослужения. Но если окинуть все прошедшее одним взглядом — оно представится как грандиозная «реформа»: — от ветхозаветного храмового и синагогального культа, в котором принимали участие первые христиане из евреев, и от первых евхаристических собраний «домашних церквей» раннего Христианства до столь разнообразных его нынешних литургических форм на Западе и на Востоке.

На Востоке последней крупной реформой был переход на монастырские уставы (типы) церковного Богослужения, характерным качеством которых и до сих пор является утомительность и обильный элемент чтения. Эти уставы пришли на смену уставу так называемой Великой Константинопольской церкви, который

отличался музыкальным, «песенным» характером Богослужения. Устав этот оказался и для древней Руси «просто непосильным» — ибо требовал для своего исполнения многочисленного клира и искусных певцов.

В дальнейшем русская церковная история была страшно омрачена расколом старообрядчества. Конечно, иерархия была кругом виновата в своей административной жестокости. И здесь же великою силой выявилась в нашем народе та особого рода литургическая консервативность, которая совершенно сливается с суетной верою в магическую силу и священную неприкосновенность обряда. «До нас положено, лежи оно так во веки веков» (протопоп Аввакум).

Это суеверие живет и среди нас, «никониан». И среди нас сегодня много невежественных христиан, для которых «православие» и «древность» определяются привычками одного поколения. На них равняются и многие представители иерархии, совмещающая иногда фарисейское почитание этой псевдо-древности с саддукейским неверием в будущее Русской церкви... Для них существующие сегодня формы русского церковного Богослужения абсолютны, они не допускают и мысли ни о каком литургическом развитии.

Но Христианство будет жить до окончания века — и с ним будет жить, то есть развиваться, церковное Богослужение. В Русской церкви это развитие задержалось, «накопилось», — искренние души понимают это, для них это давно уже вопрос не принципа, а практики. «Большинство высказывавшихся за истекающее десятилетие в печати голосов стоит за реформу устава» (проф. И. А. Карабинов, Актовая речь в Петроградской Духовной Академии, 1915). Частично эта «реформа устава» совершается стихийно. Наши литургические книги изданы с благословения высшей церковной власти; но многочисленные хорошие и плохие изменения Типикона, Служебника, Требника в практике церковного Богослужения происходили и продолжают происходить без канонических решений, при молчаливом согласии или попустительстве иерархии. Впечатление, будто все остановилось, — обман близкого зрения. Просто мы не замечаем постепенных изменений; однако вот уже и на нашей памяти появилась, например, Общая Исповедь.

Литургическое развитие продолжается. Другой вопрос — в каком направлении оно совершается и не могла ли бы иногда церковная иерархия, как и в древности, употребить увещание и власть против некоторых ложных движений. И вместе с этим всегда своевременно заняться вдумчивой подготовкой положительных рекомендаций.

3

Полезно вообразить: вот, мы строим храм. Как и многие, до недавнего времени я полагал, что нам остается только выбирать и копировать древне-русские образцы. Но вот в одном счастливом знакомстве мне открылось, что возможно талантливое новое творчество, возможно вообразить на нашей земле храм, в котором сочетаются древность и современность, отображается трагизм нашей истории, взлет нашей молитвы... Тут бы нужен рисунки, у меня его нет.

Не знаю, как представляется архитектору внутренность нового храма. В своих художественных поисках он непременно встретится с проблемами русского иконостаса, местоположения «жертвенника», ризницы, внеслужебного пребывания духовенства — с проблемами, от разрешения которых зависит устранение наших современных литургических несообразностей (об этом — потом, ниже). И еще проблемы — живопись, освещение, икона, убранство храма. Художник увидит, что сам по себе критерий «древности» тут непригоден, ибо в конце концов приводит к «белому месту» — к абсолютной простоте «домашних церквей» первоначального христианства. Охотникам же командовать, указывать на «традиции» — надо отвечать конкретными вопросами: когда возникла, каким авторитетом утверждена традиция? И сразу же станет ясно, как все это относительно, условно.

В одном храме, готовясь к ремонту, я стал ревизовать медальоны с ликами угодников на стенах. А кто же это в среднем медальоне? Какой-то старец; но почему у него голубь под бородой? Неужели?.. Всмотревшись, я увидел надпись: «Бог». Вот к чему приводит бездушное следование текущей «традиции», — мы уже привыкли к таким нелепостям.

Столь же условны наши традиционные евангелисты на парусах сводов и многое тому подобное. С другой стороны, может быть очень полезно изучение традиций, в свое время исчезнувших. Д. С. Мережковский в исследовании «Толстой и Достоевский» цитировал слова Иконописного Подлинника об изображениях в храмах Древней Руси Гомера, Платона, других представителей дохристианского человечества — «их же в неверии касалась благодать Духа Святаго»... Покойный проф. А. И. Макаровский рассказывал, что в каком-то храме во Пскове весь цокольный ярус иконостаса был заполнен изображениями дохристианских мудрецов и поэтов. Но такой универсализм оказался нам не по плечу, и «язычников» закрасили.

Электричество в современном храме необходимо по соображениям чистоты и безопасности; но его нужно хорошо спрятать в абажуры, чтобы с клиросов или от свечного ящика не падал на целую половину храма этот мертвенный свет, разрушающий благодатный полумрак молитвы. Очень хорошо «воцерковляется» электричество в лампадах: преломляясь в цветном стекле, электрический свет приобретает мягкость и

теплоту. Хороши лампы в скоплении у чтимой иконы, в паникадиле, которое напрасно превратилось у нас в концертную люстру. Но позволительна ли в храме Божиим эта имитация, когда электричество «притворяется», что оно — масло? Много и других проблем явится в строительстве нового храма, и совсем не обязательно решать их везде одинаково.

Есть две стороны церковного Богослужения, которые в самом общем смысле можно обозначить как молитву и проповедь. Если представить себе не «помесь оперы с вокзалом», как это нередко у нас бывает, а образцово-стильный русский храм с лампадами и свечами, с древними иконами, с хорошим пением, — это будет достойное выражение первой, сакраментально-молитвенной стороны церковного Богослужения. Можно назвать это бесспорным историческим достижением русской церковности. Зато вторая сторона — в широком смысле проповедь — никогда не была в нашем стиле. В обстановке русского храма немыслимо, например, цитировать газету и даже многое из художественной литературы, сослаться на кинофильм, проявить юмор... А где же нам прочитать лекцию с откровенной постановкой острых вопросов веры, где устроить дискуссию, литературное чтение, концерт? Все это нужно в современной христианской общине. По-видимому, наш архитектор должен будет разделить функции молитвы и в широком смысле проповеди — запроектировать вместе с храмом непременно еще и лекционно-концертный зал, библиотеку и все остальное для внемолитвенного общения верующих. В таком ансамбле преодолена будет «монофизитская» односторонность русского церковного Богослужения.

4

Священные одежды — иллюстрация внеканоничности развития церковного Богослужения. Никакой собор не постановлял ничего относительно церковных облачений. Сегодня для нас ясно только их общее назначение — выделить священнослужителя из обыденности и обозначить его особую уполномоченность в Церкви. Поднятие диаконом ораря хорошо выражает приглашение к общей молитве. Но когда, как появился орарь, что он сам по себе означает — этого никто не знает. Даже происхождение слова объясняют по-разному. Мне говорили, что корифей русской литургии проф. Н. Д. Успенский выдвигал предположение, что орарь мог преобразоваться из полотенца, которое носил на плече диакон-служитель древнехристианской трапезы и которое он воздевал для приглашения к молитве. Эта практическая догадка, по крайней мере, гораздо более солидна, чем так называемое «символическое» толкование, которое я читал в каком-то популярном издании, что орарь обозначает ангельские крылья. Ибо он просто не похож ни на какие крылья.

У священников орарь перекинулся обоими концами вперед, здесь сдвоился и образовал епитрахиль (от греческого «трахилос» — шея). Епитрахиль удачно объясняют как символ благодати священства. Нередко мы видим епитрахиль уже без следов сдвоения ораря — без шва посредине, и эта по-своему крупная «реформа» епитрахили совершилась тоже без всякого постановления, вероятно, просто по большему удобству для шитья. И эта «новая» епитрахиль в некотором смысле как бы освящена уже иконой преподобного Серафима.

Возможны дельные возражения против нынешней формы священнической фелони (от греческого — плащ, накидка). Она приняла у нас уродливый вид — заканчивается твердым пирамидальным верхом, стоящим за спиной священника, который оказывается без плеч. На старых иконах и в исторической живописи мы видим фелонь естественную и красивую. Недавно я видел такую фелонь на будничной литургии в соборе Александро-Невской лавры. Она лучше гармонирует с короткими волосами священника (тоже — древность, к которой мы возвращаемся), хорошо вписывается в стиль русского храма. Народ не выражает никакого неудовольствия. Еще бы — ведь это фелонь святителя Николая и Златоуста!.. Думается, что она должна быть восстановлена, — и это произойдет без собора и без циркуляра, просто путем свободного подражания лучшему образцу.

Язык русского церковного Богослужения

5

«...Речь моя идет не о переводах, а о новом творчестве, которое на языке другой эпохи невозможно. Церковные песнетворцы писали на языке своего времени — конечно, не на рыночном, а на торжественном. Златоуст онемел бы, если бы ему поставили условие — говорить языком эпохи Гомера. Это вдвойне действительно по отношению к языку церковно-славянскому, который представляет собой соединение греческой грамматики со славянскими корнями и на котором за тысячу лет ничего кроме переводов и не было написано. Когда мы читаем, например: «О ужасного начинания!» или «О радости оныя!» — мы переносимся не в одну другую эпоху, а сразу в две другие эпохи и не знаем, что нас более трогает — пафос грека или смирение русского переводчика: оба они молятся с нами... На этом священном «дву-языке» можно при помощи словаря «составлять» что-нибудь, как делали мы это со службами русским святым и акафистами. Но это будет еще не творчество, а только имитация или пародия. Неужели с греками навсегда кончилось словесное творчество в Церкви? И как войдет наш великий, правдивый, могучий, свободный русский язык в русское церковное Богослужение?...» *Из письма, 1957*

Надо иметь постоянно в виду, что по словесному содержанию у нас собственно не русское, а целиком греческое церковное Богослужение. Для перевода его и построился в свое время специальный

церковнославянский язык. Торжественный, звучный, священный язык — идеальный подстрочник греческих текстов. Когда мы рассматриваем наши главные, наиболее употребительные церковные песнопения — мы убеждаемся, что лучше перевести их было невозможно:

*Христос воскрес из мертвых
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех
Живот даровав.*

Невозможно было бы никак лучше перевести и этот (хочется назвать его гениальным) кондак преподобного Романа Сладкопевца:

*Дева днесь Пресущественнаго раждает
и земля вертеп Неприступному приносит
Ангели с пастырьми славословят,
волсви же со звездою путешествуют.
Нас бо ради родися
Отреча младо, превечный Бог.*

Или этот древнейший христианский гимн, известный уже в III веке:

*Свете тихий
Святъя славы
Безсмертнаго Отца Небеснаго,
Святаго, Блаженнаго —
Иисусе Христе!
Пришедше на запад солнца,
Видевше свет вечерний,
Поем Отца, Сына
И Святаго Духа, Бога.
Достоин еси
Во вся времена
Пет быти гласы преподобными —
Съне Божий,
Живот даяй,
Темже мир Тя славит.*

Перевод положен на ноты, причем некоторые композиции чудно хороши... Одно это должно остановить всякое намерение «исправлять» перевод, уже соединенный с музыкой. Да и как исправлять? «Свете тихий» — нельзя было лучше перевести, истолковать прилагательное, выражающее по словарю радость, веселость, доброе настроение. Догадываюсь, что здесь перевод даже лучше оригинала, особенно если почувствовать еще и скрытую антитезу страшному, опаляющему свету неприступного Божества до христианства... «На запад солнца» — можно было бы сказать: «К закату солнца», но это был бы уже не церковно-славянский, а русский, разностильный и притом худший перевод. «Пет быти гласы преподобными...» «Живот даяй...» Можно перевести это лучше, но опять-таки уже только по-русски, с нарушением стиля и музыки. Нет, ничего уже тут нельзя изменить, это подобно древней иконе, которую можно только комментировать, — и это прекрасный повод для очень содержательной церковной проповеди.

*Преобразилс я еси на горе, Христе Боже,
Показавый учеником Твоим Славу Твою,
якоже можаху.
Да возсияет и нам, грешным,
Свет Твой присносущный.
Молитвами Богородицы.
Светодавче, слава Тебе!*

Здесь «якоже можаху» значит: как только они могли, в меру их способности восприятия показана была ученикам Божественная слава Христа. Надо объяснить это в проповеди; но невозможно было бы в церковно-славянском переводе изложить это никак иначе.

Один из воскресных «тропарей по Непорочнах»:

*Почто мира с милостивными слезами,
О ученицы, растворяете?
блистайся во гробе ангел
Мироносицам вещае:*

*Видите вы гроб и уразумейте:
Спас бо воскрес от гроба.*

Женщины плачут, и слезы жалости смешиваются с ароматами, которые несут они ко гробу Господню. Слова об этом поэт вкладывает в уста ангела, вестника Воскресения у пустого гроба... Это нельзя было никак иначе перевести, это можно только объяснить в проповеди, которая может на этот текст быть прекрасна.

Еще пример:

*...а може вси человецы пойдём,
надгробное рыдание творяще песнь:
аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.*

Обычно мы понимаем это так, что вот — надгробное рыдание сопровождаем мы покорным «аллилуйя». И только специальным объяснением можно нам растолковать, что это значит.

Это значит: надгробное рыдание творяще песнью, прославляющей Бога. Надгробный плач становится гимном хвалы. В нашей безутешной скорби о почившем мы переживаем такую любовь нашу к нему, такую любовь его к нам, возносимся на такую духовную высоту, что приобщаемся к самой Божественной Жизни... Обычно в церковных нотах «аллилуйя» звучит мрачно, музыкально повторяет «рыдание». Это неправильно, здесь должен быть прорыв к свету. Попытаюсь нарисовать это на нотах; что-нибудь вроде вот этого. [...]

Как перевести это иначе? «Претворяя в песнь»? Это будет не лучше, ибо еврейское «Аллилуйя» («слава Богу») остается все равно ведь не переведено. Надо примириться с тем, что глубочайший смысл этих слов будет доступен только тому, кто услышит их разъяснение. Подобным же образом пение «вечная память» будет воспринято случайным посетителем храма только как «вечная слава» и тому подобная похоронная ложь. Истинное значение «вечной памяти», как вечной жизни со Христом в Боге, может быть усвоено только в церковной проповеди.

Не умножая больше примеров, в общем должно признать, что в лучших, простых, наиболее употребительных песнопениях церковно-славянский перевод достаточно понятен, отдельные же трудные места их должно разъяснять и комментировать в церковной проповеди. Музыка и проповедь — только в сопровождении этих искусств живет и сегодня для нас греческая церковная поэзия в славянском подстрочнике. Приведенные выше драгоценные тексты звучат в полную силу только в хорошем пении. По сути дела, мне надо было бы писать их на нотах, а если читать вслух — то только в распевной мелодии... Подобным образом и смысл их может быть до конца раскрыт только в хорошем комментарии. А так как «живая» проповедь для столь многих из нас сегодня не по силам, то встает насущная потребность в церковном учительном чтении. Об этом — потом, ниже.

Совсем другое дело — византийская поэзия позднейших времен с особенно сложной грамматической конструкцией. Здесь церковно-славянский подстрочник часто совершенно непонятен нашему слушателю в храме, и он воспринимает, например, чтение тропарей канона просто как звуковой аккомпанемент в церковной молитве из каких-то благоговейно произносимых слов с каким-то неизвестным священным смыслом... Если это текст глубокого содержания, то его ценность может пригодиться в церковной школе, в философском сочинении — но только не в церковном Богослужении. Однако при такой ревизии обнаруживается, что эти трудные тексты очень часто бывают и совершенно ничтожны по содержанию. Только один пример — Экзапостиларий X из воскресной всенощной:

*Тивериадской море с детьми Зеведеевыми,
Нафанаила с Петром же и со другима двема
Древле, и Фому имяше на лове: иже Христовым
повелением одесную ввергше, множество извлекоша рыб:
Его же Петр познав, к Нему бродяше, иже третье
явлейся, и хлеб показа и рыбу на углех.*

Что это? Это непонятное и, по всей видимости, и в оригинале бездарное изложение евангельского текста (по Иоанну, гл. 21). Очевидно, что оно не заслуживает никакого объяснения, и можно уверенно предсказать, что текст этот просто выпадет из употребления, как и другие ему подобные, в процессе сокращения словесного содержания русского церковного Богослужения. Об этом — потом, ниже.

Есть еще церковно-славянские тексты, которые являются не переводами, а сочинениями русских авторов. Обычно они более или менее достаточно понятны, но по содержанию представляют собою только посредственные стилизации и перепевы. Дело в том, что неопределимо прекрасный для переводов с греческого, церковно-славянский язык оказывается совершенно непригоден для оригинального творчества. За тысячу лет русский человек не написал на церковно-славянском языке ничего подлинно художественного, гениального. И вперед не напишет. В качестве курьеза привожу только один пример — сочинение одного нашего благочестивого современника. «Тропарь преподобному Франциску Ассизскому»:

Яко луна пресветлая, слава твоя, отче преподобие прииде от Запада даже до Востока. Ты бо нищете святой обручился еси, любовь Христову проповедал еси, благодать Святаго Духа стяжа. Темже вся вселенная на Западе и на Востоце славят тя, отче Иоанне Франциске (так), пречудне, любве и благодати сосуде благоуханце.

Новое русское литургическое творчество, достойное этого имени, может осуществиться только на русском языке. Собственно, русский язык присутствует уже и сегодня у нас в храме — в церковной проповеди, а завтра должен появиться в учительных чтениях и в новых молитвах (об этом — потом, ниже). Конечно, это будет торжественный, несколько «славянизированный» русский язык. Но все это пока будет «проза». Говорить же о будущей русской церковной поэзии — это значило бы пытаться вообразить присутствие в Русской Церкви великих художественно-творческих сил, а также и какое-то неведомое нам изменение самого стиля и музыки русского церковного Богослужения.

6

«Чтения из священного Писания» — древнейшая и важнейшая часть церковного Богослужения. У нас на Руси мы сохранили чтения, но в огромной степени утратили слушание, то есть понимание чтений. Обычно совершенно непонятны ветхозаветные паремии. Чтения псалмов понятны только местами, причем тогда в распевном церковно-славянском чтении они звучат лучше, чем это был бы русский перевод с еврейского. Огромное же количество текстов церковно-славянской Псалтири непонятны и представляют собою словесный балласт, который, по всей вероятности, должен будет выпасть в будущем развитии русского церковного Богослужения.

И чтения из Нового Завета в нашем церковно-славянском подстрочнике понятны только местами. Редкое чтение в храме Евангелия и особенно Апостола проходит без того, чтобы тебя — читающего — не посетило ясное сознание, что тебя не понимают или понимают даже превратно:

Мф. IV, 10: Иди за Мною, Сатано
Отойди от Меня, Сатана.

Мк. IX, 15: И абие весь народ видев Его ужасеся, и приришуще целоваху Его.
Тотчас, увидев Его, весь народ изумился, и, подбегая, приветствовал Его.

Мк. X, 22: Он же дряхл быв о словеси...
Он же, смутившись от сего слова...

Мк. XIV, 4: Почто гибель сия мирная бысть?
К чему сия трата мира?

Лк. V, 29: И сотвори учреждение велие в дому своем.
И сделал Левий в доме своем большое угощение.

Лк. XIV, 2: И се человек некий, имый водный труд, бе пред Ним.
И вот, предстал пред Ним человек, сграждущий водянойкой.

Лк. XX, 46: Внемлите себе от книжник...
Остерегайтесь книжников...

Ин. VI, 55: ... и кровь Моя истинно есть пиво.
... и кровь Моя истинно есть питье.

Ин. XXI, 12: Ни един же смеяше от ученик истязати Его...
Из учеников же никто не смел спросить Его...

Деян. II, 42: Бяху же терпяще во учении Апостол...
И они постоянно пребывали в учении Апостолов...

Деян. XVIII, 3: ... и зане единохудожником быти им, пребысть у них и делайте: бяху бо скинотворцы хитростию.
... и по одинаковости ремесла остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток.

Деян. XIX, 9: ... отлучи ученики по вся дни стязаяся во училищи Мучителя некоего.
... отделил учеников и ежедневно проповедал в училище некоего Тирана

I Кор. VII, 12: Аще который брат жену имать неверну, и та благоволит жити с ним да не оставляет ея.
Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее.

I Кор. XI, 30: Сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и спят доволни.
От того многие из вас немощны и больны, и немало умирает.

И т. п.

Один благочестивый христианин рассказывал мне, как, живя в Эстонии и посещая эстонско-русский храм, он с живейшим интересом ожидал всякий раз чтения Евангелия на эстонском языке, который для него, русского человека, был понятнее церковно-славянского перевода... Приходится признать таким образом, что русский народ — это единственный в мире народ, который не слышит в храме Писания на вполне понятном ему языке.

В стиле русского церковного Богослужения — распевное чтение, и всякому ясно, что это должно быть чтение церковно-славянское.

Полезно было бы положить его даже на ноты (об этом — потом, ниже). Но как сделать его понятным? Никакие возможные улучшения церковно-славянского текста этой проблемы полностью не решат, потому что главная трудность понимания церковно-славянского перевода — не в отдельных словах, а в его общей конструктивной близости к греческому священному тексту. Ни одна церковь в мире не имеет такого точного перевода Нового Завета. Но именно поэтому он и непонятен русскому человеку.

Единственная надежда — на ревность служителей, которые взяли бы себе за правило повторять всякий раз вслед за церковно-славянским русское чтение по синодальному переводу Нового Завета. Именно торжественно повторять, а не «излагать» своими словами... Прочитал по-славянски — повтори по-русски. Кто не поступает так — согрешает.

7

*...И вот столько веков молило человечество
с верой и пламенем: «Бо Господи явися нам»,
столько веков взывало к Нему...
Ф. М. Достоевский,
Легенда о Великом Инквизиторе*

Так понял Достоевский столь привычное всем возгласение на всеобщей из Псалма 117:

«Бог Господь и явися нам»,

что по-русски в синодальном переводе с еврейского значит:

«Бог — Господь (есть) и (Он) осиял нас...»

Надо же было именно Достоевскому так обмануться. И странно, что никто из современников его не поправил — так эта грубейшая ошибка и осталась в романе уже навсегда. Величайший представитель русского народа показал тут непонимание церковно-славянского языка Псалтири [1].

[1] «Возможно, что ошибка Ивана служит средством характеристики этого героя, указывая на нетвердое знание того, что Иван в своей речи опровергает» (примечание к роману Достоевский Ф.М. Поли, собр. соч. в 30 т. Т. XV. Л.: Наука, 1976. С. 557).

Церковная музыка

8

*Они имеют обыкновение сходиться
в известный день перед рассветом
и петь попеременно друг с другом
песнь Христу, как Богу.
Плиний Младший,
Письмо императору (112 г.)*

Русское церковное Богослужение по форме есть пение. Кроме проповеди, все в храме читается нараспев и поется. Поет священник, поет диакон, поет чтец, поет народ, поет хор...

Хотелось бы сказать: поют хоры. Сама архитектура русского храма и архитектура Богослужения, особенно вечернего, требуют двухорного, строго антифонного пения. Перекликающиеся хоры — эта такая прелесть, это древняя литургическая красота, которую христиане поддерживали даже во времена гонений и которая запечатлена в Типиконе в непеременных двух «ликах», в их постоянно чередующемся пении и в их схождении, «катавасии» посреди храма для особо торжественных песнопений.

Речь идет о совершенном равенстве, о добром соревновании двух клиросов. По уставу преп. Феодора Студита (IX в.) в Неделю Ваий хоры менялись местами: правый становился левым и наоборот — весь год. Еще сравнительно так недавно всемирно-знаменитый Синодальный хор разделялся на два равных клироса в московском Успенском соборе; и левым клиросом управлял Голованов... Нынешняя наша однохорность не только заметно обедняет службу, но и губительно сказывается на качестве пения, когда один клирос без передышки, что называется, «тащит» всю всенощную или всю литургию. Далекое, но точное сравнение: как будто самолет, у которого заглох левый мотор... Особенно это заметно в пасхальном Богослужении, которое в исполнении одного хора, пусть наилучшего, теряет половину своего благолетия.

Почему сегодня повсеместно забыта традиция антифонного пения? Отчасти это можно объяснить просто безвкусицей, упадком церковной культуры. В Ленинграде, например, в Преображенском соборе левый клирос пуст, а правый ломится от певцов, и неприличный регент выдвинут почти на середину солеи; среди певцов присутствует второй регент, он бездействует; среди безмолвствующего народа — масса любителей, которые могли бы превосходно петь на левом, да и на правом клиросе... В Москве есть левые хоры, но они поют не антифонно с правым, а «что останется» — и притом так плохо, как будто это делается по намеренному контрасту. Даже в патриаршем соборе, где одно время налаживалось было антифонное пение, оно разрушено.

Но могут быть и дельные соображения в пользу однохорного пения. Главное, конечно, — недостаток средств: лучше иметь хоть один приличный хорик, чем два плохих. Но если бы даже и была возможность организовать два приличных хора: все хорошо, пока не наступило время петь, например, «Свете тихий» или Херувимскую. Петь это только одним правым или одним только левым клиросом — это бедно, это все тот же «один мотор». Сходиться обоим хорам, устраивать во время Богослужения суету, «катавасию» среди храма?.. Спорный вопрос. Культурный же регент может и при одном хоре устроить передышки певцов и создать, так сказать, колорит антифонности частым привлечением алтарного и общенародного пения. Можно ведь и внутри одного хора устроить два хора — отдельно мужские и женские голоса. Можно превосходно петь антифонно с народом, например, тропари «Ангельский собор» на воскресной всенощной, ирмосы канонов, псалмы, «Блаженны» на литургии.

По-видимому, возобладает все-таки система однохорного пения. Но если мы способны «для пользы дела» так изменить традиции, то почему бы не пойти по этому пути еще дальше? Имею в виду инструментальное сопровождение, которое очень бы нужно у нас для общенародного пения.

9

Когда я начинал служить третьим священником, у нас в храме было два хора: дорого оплачиваемый «правый хор» с претензиями и «артистами», исполнявший (плохо, конечно) произведения лучших композиторов, и хор любительский, который пел ранние обедни — тоже неважно, но просто. В насмешку мы называли его «патриаршим»... Моя квартирная хозяйка, благочестивая старушка, ходила всегда к ранней обедне. Я полагал, что это удобнее ей по хозяйству; а она однажды и говорит:

- Я к ранней хожу, за ранней лучше поют...

Могу и по себе судить, почему простой человек не сразу бывает способен оценить и полюбить достойные этого произведения церковных композиторов. Дело в том, что нам нужно время и многократные повторения, чтобы «привыкнуть» — чтобы у нас появились верные музыкально-идейные ассоциации. И все это — при неперменном условии, конечно, приличного исполнения. А где же мы услышим сегодня хорошее исполнение? Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что самое драгоценное в нашем церковно-музыкальном наследии — это древние распевы в гармонизациях Кастальского. Но сегодня они могут быть услышаны только по какому-то уж очень счастливому случаю — только в грамзаписи.

Между тем есть напевы, которые и в самом простом исполнении оказываются наилучшими из всех существующих. Пример — вдохновенный «архиерейский» напев входного «Приидите, поклонимся» на литургии. Ни один композитор не написал ничего лучше на эти слова. В «литургии» П. И. Чайковского «Святой Боже» выражает, вероятно, стремительный полет и священный ужас небесных сил бесплотных; но когда мы поем «Святой Боже» сами, поем в нашей собственной радостной молитве — то ничего не может быть лучше тоже простого «архиерейского» напева, который можно превосходно исполнять и без архиерея на три хора: клирос, алтарь, народ... И сам великий композитор в этот священный момент литургии согласился бы с нами. Или «Елицы во Христа креститесь», которое поют вместо Трисвятого на Пасху и в самые великие праздники (в эти дни совершалось Крещение новых христиан): какой простой, простой — и какой чудный, «умилительный» этот напев, как подходит он к словам Апостола о радости христианской надежды. «Ибо все вы — сыны Божий по вере во Христа Иисуса. Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облечлись» (к Галатам, гл. 3).

Вот на уровне такой простоты и такой силы воздействия должны быть собраны, записаны, рекомендованы самые изысканные, душевные, истинно церковные напевы по всему кругу Богослужения. Увы, никто этим не занимается, и есть опасность, что так могут быть позабыты и погибнуть некоторые подлинно драгоценности так называемого «простого» церковного пения.

9а

Приложение: Сделаю свой вклад — запишу здесь припевы на великопостных кафизмах б. Ниловой Пустыни, гармонизированные проф. Н. Д. Успенским [2] для смешанного хора. Какая простота — и какая красота, увлекающая, благодатная сила молитвенной сосредоточенности:

10

Так называемое «простое» пение отнюдь не так просто, если предъявить к нему должные требования: ритм, произношение, выразительность, легкость... Редкий хор не провалится на этом экзамене. Для регента экзаменом должна быть еще и музыкальная цельность службы, чтобы вся она с начала до конца была тщательно подготовлена, шла бы в хорошем темпе выражающем нашу духовную собранность без малейшей неоправданной паузы, — при антифонном пении так, чтобы «лики» даже чуть-чуть перебивали друг друга!.. У культурного регента — не один, а четыре хора: правый, левый, алтарь, народ, и он должен смотреть на службу не как на концерт со своими отдельными «номерами», а как на цельную «оперу»... Скажут: церковь — не театр; это верно, церковь — выше театра, и поэтому церковные требования к качеству пения должны быть ниже театральных. В театре не позволят, как это обычно у нас на клиросе, петь недоученное, смотря в ноты.

Но бывает в клиросном пении и такая «простота», которая хуже воровства. Имею в виду «придворные» запевы печальной памяти Бахметева. В своих переложениях он «упростил» церковные мелодии и умертвил в них самобытность и выразительность. Пользуясь своим положением директора Придворной Капеллы, Бахметев издал свои переложения в технически удобной форме на все голоса, и они получили широкое распространение по всей России. Что это такое — легко понять из сопоставления воскресных стихир и тропарей, на пример, Второго или Седьмого гласов Киевского или Греческого распевов с тем, что получилось на те же слова в «придворном» напеве. А «придворные» стихир Пасхи способны привести в настоящее уныние того, кто помнит, как поют их в Москве... И этот столь явно сравнительно худший «придворный» напев стихир Пасхи уже и сегодня распространяется все дальше и дальше, вытесняя чудный народный напев, выходящий, вероятно, из древнего Знаменного распева.

Не знаю, насколько виноват в этом Обиход Бахметева — но везде, везде распространены поразительно плохие дьячковские напевы, употребляемые на будничных литургиях. Обычно это второй глас «придворного» напева, который вполне мог бы быть музыкой на слова «Ах, как нам это все надоело»... Так исполняется «Единородный Сыне» и ектения, хотя есть превосходное простое изложение распева Д. Соловьева. Входное «Приидите, поклонимся», Трисвятое, благодарственные песнопения и ектения после Причащения — все это исполняется читком в миноре, как будто со специальной целью показать полнейшее равнодушие авторов к Божественной литургии... Такая «простота» — форменное бедствие русского церковного пения.

11

Другое бедствие — это пошлости позднейшего времени. Таковы всякого рода будто бы «молитвенные», на самом же деле просто тоскливые напевы совсем не церковного происхождения. Выдающийся горестный пример — широко распространенный теперь будто бы «монастырский» напев заупокойных тропарей: "Упокой, Боже, раба Твоего, и учини его в рай..."

Это — вместо церковного напева во глас Пятый, напева, прямо-таки загадочно прекрасного в своей печально-торжественной и молитвенной простоте... Да откуда же взялся этот новый будто бы «монастырский» напев? Случайно я сделал открытие: оказалось, что это — переложение мещанской песенки покинутой женщины: "Сухой бы я корочкой питалась, холодну воду бы пила..."

Знаю священника, который пришел в ужас, услышав на этот мотив «Сухой корочки» церковную молитву «Царице моя Преблагая». Он провел собрание певчих, увещевал... Но нигде больше о таком сопротивлении не слышно. Сегодня эту «Сухую корочку» поют в храмах повсеместно, и даже в столицах, на слова заупокойных тропарей, на слова «Царице моя Преблагая», даже влагают эту тоскливую мелодию в уста Самой Богородице на слова «Величит душа Моя Господа»... Вот ужас!

Есть танцевальная композиция некоего Шишкина на слова Псалма 33 («Благословлю Господа на всякое время»). Завелась эта пошлость в Ленинграде — и вскоре я услышал ее уже и в других городах.

Алтарное пение «Приидите, поклонимся» в начале всенощной в простом пении на двух-трех нотах звучало великолепно, и так пели это везде уже очень давно. Но вот кто-то сочинил для духовенства «ноты» — отвратительные переходы, каких нарочно не придумаешь, чтобы испортить этот торжественный момент Богослужения. И подобно заразе эта нелепая «композиция» распространяется по России, ее поют даже и в патриаршем соборе... Все это — крайне тревожные признаки церковной некультурности церковных властей.

12

«Существуют три вида церковного пения — со стороны его восприятия:

- 1) хорошее технически и вдохновенное пение хора, когда и певцы, и слушатели испытывают высокое духовное удовлетворение (явление крайне редкое);
- 2) плохое пение хора, когда певцы-то заняты исполнением, а слушатели скучают и стараются преодолеть искушение молитвой (явление обычное);
- 3) пение общенародное, когда поют сами слушатели, испытывая мощный духовный подъем; что же касается чисто музыкального впечатления, то слушатели, они же певцы, сами себя не слышат, точнее — слышат мелодию, а не гармонию песнопения.

Конечно, трудно у нас без органа достигнуть хорошего общенародного пения; собственно, следует вместо органа заставить действовать клирос, который создавал бы невидимое руководство пением народа. А то у нас при общенародном пении обязательно стоит на более лицом к народу какое-нибудь там кувшинное рыло и машет руками, "как в клубе"». *Из письма, 1950*

«При общенародном пении не нужен машущий "дирижер". Не знаю, слышали ли вы где-нибудь настоящее «общенародное пение». У нас этим словом обычно называется общенародное глухое подпевание, сквозь зубы. Я слышал в юности настоящее общенародное пение, на Холмщине. Запевал дрожащим голосом старик (не поворачиваясь лицом к народу), мощно подхватывала вся церковь Никаких машущих орарей и камертонов. Псаломщик, назойливо "руководящий" общенародным пением, — это враг его номер один. В прикарпатских епархиях и теперь еще поет вся церковь (почти в каждом доме есть книжка с богослужебными текстами), поют "на подoben", поют прекрасно, воодушевленно. Конечно, "ревнители православия" прилагают все усилия, чтобы во имя "единообразия" это искоренить. И эти усилия не остаются втуне, народ постепенно привыкает молчать, а переквалифицировавшиеся псаломщики соло исполняют "Господи воззвах" строго по Бахметеву, с вычиткой положенных стихир. Такие сомнительные успехи принципа единообразия видны и в том, что мягкие фелони, где они еще недавно существовали, ныне заменяются "единственно православными" с твердым сооружением из картона над плечами...». *Из письма, 1959 [3].*

Великую ценность общенародного пения признают все. В нехорошей статье Л. Н. Парийского о языке церковного Богослужения в журнале Московской Патриархии № 6 за 1946 год есть одно глубоко верное замечание:

«...Для оживления церковных глаголов требуется общенародное пение, живое участие народа в совершении богослужений: слово, исходящее из уст человека, живее и действеннее для сознания человека, чем то же слово, которое входит извне в слух его...»

Народ, как главный участник церковного Богослужения, должен принимать большое участие в церковном пении, и он может петь очень многое из того, что он сегодня только слушает. Но как бы, действительно, для этого нужен орган! «Хвалите Его во струнах и органе» (Псалом 150). На эти слова Писания не может быть никаких принципиальных возражений.

13

«...Совершенно согласен с Вами, что музыке принадлежит исключительная роль в деле воплощения религиозных переживаний. Поэтому-то никакое Богослужение не может обходиться (как правило) без музыкального элемента. Кстати, я всегда сожалел, что в Восточной Церкви не принято музыкальное сопровождение. Но я верю, что со временем мы этого добьемся». *Из письма, 1963*

Когда католический орган исполняет с чтецом древние мелодии антифонов из вечерних псалмов — несомненно, он в своем роде несравнимо лучше выражает истинную церковность, чем русский церковный хор последней моды, поющий сплошь «концерты», но не умеющий спеть стихиру... Восточное христианство отказалось от латинского органа; но Русская Церковь не удержалась в традиции унисонного пения, приняла с Запада гармоническое трезвучие — и пошла на этом пути дальше католичества: завела себе как бы живой оркестр, в котором человеческие голоса работают вместо инструментов. Особенно явственно это унижение человека звучит в голосах «аккомпанирующих»... Пение без инструментального сопровождения всегда было изысканной роскошью; и мы замахнулись на такую роскошь для каждого русского храма. Но даже и раньше, при наилучших возможностях, такое пение было очень трудно. Ныне же русские церковные хоры подлинно профессионального уровня можно пересчитать по пальцам; все остальные — только провинциальное

любопытство или просто халтура. А тут еще эти глупейшие претензии всех на исполнение заведомо непосильных композиций... В результате сегодня в каждом русском храме мы слышим, как правило, непременно плохое пение.

Нельзя, конечно, судить обо всех одинаково, но справедливо будет сказать, что в большинстве своем эти живые инструменты совсем не думают о содержании того, что поют. Однажды мне привелось спросить врасплох интеллигентного солиста — что переживает он, когда поет «Ныне отпускаеши»? Оказалось — ничего, кроме заботы о каком-то там трудном бемоле. Нельзя, конечно, распространять это на всех — но факт тот, что среди этих людей-инструментов встречается и народ, совершенно чуждый нам по духу. Мне передавали, как вышли однажды «артисты» церковного хора покурить — и вот, один из них говорит другому о предстоящем дне Усекновения главы Крестителя:
— Так, значит, в четверг — секим башка Ивану!..

Вот какие бывают инструменты у нашего живого оркестра. И им доверили мы Божественную службу; а верующий народ в храме безмолвствует... Это неправильно! Нужно искать нам новых путей.

Нужно обратиться к так называемому «простому» пению в простых гармонизациях. По возможности восстановить древнюю антифонность и народность церковного пения. Подобрать наилучшие простые напевы.

Хотелось бы сказать дальше, что нужно поискать золота в древних мелодиях, исполненных суровой духовной энергией. Однако приходится признать, что все наши ревнители Знаменного распева остаются таковыми пока только на словах — не показывают ничего на деле, не дают практически никаких образцов для изучения и исполнения. И надо признать, что пение современных старообрядцев, при всем к ним уважении, не вдохновляет, не внушает желания им подражать. Гармонизации же Кастальского недоступны для современного церковного хора по их размаху и сложности.

При суждениях о возможности инструментальной музыки в русском церковном Богослужении нужно иметь в виду прогрессивную последовательность:

- пение унисонное;
- пение гармоническое;
- пение с инструментальным сопровождением.

Наши старoverы остановились на первой степени, считают гармоническое пение ересью. Если уж мы пошли дальше — то почему мы должны остановиться на второй ступени?

[2] По устному сообщению Владимира Ефимовича Конкина, хранителя архива Н. Д. Успенского, эти припевы сочинены самим Успенским и к Ниловой Пустыни отношения не имеют.

[3] Из письма проф. Д. П. Огицкого (см. Предисловие).

Типикон и вечернее Богослужение

14

«ТИПИКОН, сиречь, изображение церковного последования во Иерусалиме святых лавры»... С начала своего существования Русская Церковь смиренно принимала к руководству чужеземные уставы: Константинопольский, Студийский, наконец — Иерусалимский. В своем нынешнем виде он напечатан у нас в XVII веке, с тех пор переиздается без изменений и считается «уставом» Русской Церкви. На самом деле это совсем не наш устав церковного Богослужения.

Нагляднее всего это видно на примере «всенощного бдения» по Типикону. Это очень далеко от русской «всенощной», которую мы знаем сегодня. «Кандиловжигатель», возглашающий «Восстаните» пред горящей свечей посреди храма. Каждение храма и дейтвора при общем молчании, «Предстоятель» без облачения и вне алтаря, поющий «Приидите, поклонимся»... Священник и диакон, стоящие вне алтаря «на своих си местах», облачающиеся только для ектений и священнодействий. Диакон, не говорящий великой ектений и прокимнов. Посреди всенощного бдения — трапеза из благословенных хлебов и «по единой чаши вина всем равно от настоятеля и до последних, яже во обители суть»... В это время — чтение Деяний, апостольских Посланий или Апокалипсиса. Далее еще пять раз служба прерывается, все садятся и слушают чтения поучений. «Литературный вечер» — заметил мне молодой священник, впервые знакомившийся со всенощной по Типикону. Нет, не вечер, а действительно всю ночь надо было бы нам потратить, чтобы совершить всенощное бдение по Типикону. В нашей русской всенощной мы поем и читаем только малую часть того, что рекомендуется в Типиконе. Об этом — потом, ниже.

И в других службах по Типикону мы то и дело встречаем описание совсем не нашего церковного Богослужения. Великая Пятница: плащаница не выносятся. Великая Суббота: крестного хода с плащаницей вокруг храма не бывает. Пасхальная ночь: полунощница в 10 часов вечера, на которой читается слово святого Епифания Кипрского, егоже начало: «Что сие днес безмолвие много, яко Царь спит»... Пасхальная утренняя — не полночь, а «об часе утреннем»: крестного хода вокруг храма не бывает. Пасхального поминовения усопших («Радоницы») не полагается... По Типикону «Верую», «Отче наш» на литургии не народ и не хор поет, а читает настоятель. И на вечерне гимн «Сеете тихий» не народ и не хор поет, а читает настоятель... В этих и в целом ряде других важных моментов служба, которую описывают авторы Типикона, оказывается совсем не похожа на службу, которую мы совершаем сегодня по нашим русским обычаям и которая часто бывает, на наш взгляд, лучше, «богаче» службы по Типикону.

Таково непосредственное впечатление «чужеземности» Типикона. Обыкновенно обращают внимание, что Типикон написан не для приходских храмов, а для монастырей. Главное — не в этом, а в том, что Типикон написан не для наших, не для русских монастырей. Читаешь о службах и чтениях в притворе; но нет у нас таких притворов. Читаешь наставления о постах: «вино и фрукты»!.. Святитель Тихон Задонский предлагал заменить молоком столь опасное для русских монахов вино Типикона.

Второе непосредственное впечатление — это ложность положения непререкаемой святости, которое занимает Типикон, в представлениях невежественных его почитателей. Не нужно быть специалистом, чтобы из самого текста Типикона понять, что сам он на такое значение не претендует и представляет собою не всеобщий «закон», а только «изображение» одного из типов монастырского Богослужения и быта, даже со следами полемики: «Ныне же сей чин весьма в церквах упразднися»... «Обретаем в неких типичех»... «Аще нецыи уставы и повелевают». И т. п. В этом историческом памятнике сочетаются весьма разнокачественные элементы. «И глаголет Шестопсалмие кротким и тихим гласом»... Это выражается общая благоговейная настроенность Типикона. Но вот здесь же и суеверие: благословенные на литии хлебы рекомендуются в качестве хорошего средства против мышей (глава 2). К поучению Златоуста придумано поверье о чудесных свойствах воды, почерпнутой в полночь на Богоявление (глава 48, 6 января). В Неделю мыгтаря и фарисея — злобная полемика: «яко в сей седмице постятся треклятии армени, мерзский их пост» (глава 49)... Странно невысокого рода — наставления о монастырской жизни. Очень заметное качество Типикона — его нескладность, бессистемность его литургических указаний, в которых невозможно разобраться без специальных пособий и комментариев. «Знатоки Типикона» в епархиях теперь очень редки, причем стоит только сойтись двум-трем таким знатокам вместе, как между ними поднимаются споры по поводу всяких неясностей и противоречий.

«Верность уставу»... Это слова невежества и лицемерия. Ибо Типикон — это устав не наш, которого мы и не исполняем. А своего писанного «устава» нет в Русской Церкви.

15

С отвращением читаешь так называемые «Марковы главы» Типикона о службах, когда праздник Благовещения приходится на один из последних дней Страстной седмицы. Греки в таких случаях переносят празднование Благовещения на первый день Пасхи. Если уж переносить, то не на первый, а на третий день. Если не переносить, то нужно выбрать в траурном дне два часа и отслужить торжественный молебен Благовещения. Ничего лучше тут не придумаешь... Типикон же предлагает механическое сложение служб Страстей и Благовещения.

Последование Страстей Христовых начинается с праздничного «Бог-Господь» и тропаря Благовещения, после чего сразу поется «Егда славнии ученицы». Читаются Страсти, а после Седьмого Евангелия — «От юности», прокимен Благовещения и Евангелие «Во дни оны воставши Мариам»... И к этому чтению «абие», без всякого даже перерыва, механически приставляется Восьмое Евангелие Страстей: «Во время оно ведяху же и ина два злодея с Ним убити». Механическое соединение канона Благовещения и трипесница «К Тебе утренюю». Светилен Благовещения и «Разбойника благоразумнаго»... И так далее. На вечерне Великого Пятка стихиры Благовещения чередуются со стихирами Страстей; после «Отче наш» — тропарь Благовещения и сразу же — «Благообразный Иосиф»... На утрени Великой Субботы в чин погребения Спасителя механически вставляется Полиелей и «Архангельский глас», «От юности», прокимен и Евангелие Благовещения. Механическое соединение канонов «Волною морскою» и Благовещения... Благодарение Богу, мне не привелось ни разу участвовать в служении по этому чину.

Представляю себе такой «гипотетический случай», что в один и тот же день людям нужно совершить и неотложную свадьбу и неотложные похороны. Что ж — надо отслужить венчание, отслужить погребение. Нет, нет, — сказали бы нам, — соедините вместе венчание с погребением! Мы ответили бы, что это — кощунство... Но принципиально такое же кощунство и предлагается Типиконом в механическом соединении служб Страстей и Благовещения. В сущности, ужасно не то, что кто-то когда-то придумал такую незадачливую бездушную механику соединения несовместимых служб; ужасно то, что сами мы так опустили, так «отолстели» духовно, что способны распевать в черных ризах перед Плащаницею «Архангельский глас» и объявлять это какой-то будто бы особенной литургической премудростью Типикона.

... Кстати сказать — и в литургике нашей праздник Вознесения плохо поставлен; он отделен от Пасхи, хотя является частью Пасхи, и в таком соседстве звучит бедно, почти печально. По сути же дела праздник Вознесения должен быть апофеозом Пасхи... *Из письма, 1961*

«Отдание Пасхи» — последний сороковой день Праздника. Накануне вечером в Ленинграде — переполненные храмы: совершается весь светлейший радостный чин пасхального Богослужения. Прощай, святая Пасха!..

Говорят, это при покойном митрополите Вениамине был заведен такой чин. Вот пример совершенно мирной «реформы устава».

А по Типикону в этот день — скучнейшее механическое соединение служб Пасхи, «Слепаго» (Недели о слепом) и завтрашнего Вознесения. Так и служат во многих местах, так служили сравнительно еще совсем недавно и в Ленинграде.

Заглядывая далеко вперед, можно предвидеть, что этот последний праздничный день Пасхи должен поглотить в себе и нынешний праздник Вознесения. Сегодня мы знаем, что Вознесение — это не «полет в пространство», а одно из явлений бесконечно таинственного Воскресения Христова. Не следовало бы отделять Вознесение от Воскресения.

«...Брат А. П. Чехова в своих воспоминаниях о нем пишет: "Бывало, он соберет целую компанию и отправляется с нею пешком на Каменный мост слушать пасхальный звон. Жадно выслушав его, он отправляется пешком бродить по церквям, из церкви в церковь, и с одеревеневшими от усталости ногами только в конце пасхальной ночи приходил домой. ...Я не помню, чтобы Антон Павлович хоть раз, даже в Мелихове, провел пасхальную ночь в постели".

Есть что-то глубоко трогательное в том, как печальный атеист Чехов до изнеможения бродил по церквям в пасхальную ночь. Что сказал бы он теперь, когда увидел бы в эту ночь у каждой церкви ораву любопытствующих и просто хулиганов, которые, если бы не берегущая нас милиция, наверное, разметали бы все в прах? Правда, встречаются и хорошие молодые люди. Но ничего они в шуме и давке понять не могут. Особенно же досадно за истинно верующих бедных людей, которые встречают свой праздник в обстановке враждебного окружения и беспорядка. Столь дорогая им пасхальная служба бывает в эту ночь в той или иной мере непременно испорчена. Это стало у нас как бы новой пасхальной традицией. Возмущает это удивительное неуважение к родному народу, к своим же матерям и сестрам, собравшимся в храме. Ну, пусть мы не веруем — так и шли бы себе спать или на танцевальную площадку. Нет, нам нужно непременно помешать добрым людям молиться. И какое поразительное непонимание жизни: ведь для неверующего эта ночь должна бы пройти под знаком великой грусти... А они себе прыгают.

Обращает на себя внимание необычно значительное число мужчин среди молящихся в эту ночь. Что привлекло их сюда? Вероятно, воспоминания детства, радостная служба; и, я думаю, какое-то безотчетное движение душевного оптимизма. Бряд ли хоть кто-либо из них понимает Воскресение Христово в духе примитивного натурализма... Но что бы ни думал об этом каждый из нас — все мы неожиданно охотно и дружно отвечаем священнику в храме: воистину воскрес». *Из письма, 1963*

Первую весть воскресения Мироносицы услышали «на рассвете первого дня недели» (по Матфею, гл. 28), «при восходе солнца» (по Марку, гл. 16). И Типикон рекомендует начинать утреню Воскресения Христова не в полночь, а в «об часе утреннем». Вообще должно заметить, что Типикон не знает какого-либо «момента» Воскресения, как мы привыкли это видеть в моменте пасхальной полуночи. Еще утром в Великую Субботу поется тропарь воскресный Второго гласа:

*Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный,
тогда ад умертвил еси блистанием Божества.
Егда же и умершия от преисподних воскресил еси,
вся Силы Небесныя взываху:
Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе!*

И на литургии Великой Субботы странно перемешаны мотивы траура и пасхальной радости. Плащаница среди храма — и перед нею воскресные стихиры вечерни; победное «Славно бо прославися»; потом уже прямо пасхальные стихи к прокимну «Воскресни, Боже». «Тогда иереи и диаконы извлекаются черных одежд

и облачаются в белья»; Евангелие с первой вестью Воскресения; по греческому уставу — отпуст воскресный... В этом как бы «преждевременном» начале празднования Пасхи есть глубочайший смысл. Победа совершилась уже на кресте. Не воскресением, а смертью смерть поправ. «Блистание Божества» — это любовь, сияющая в смерти Спасителя. Явления Воскресения — знамения этой тайны.

Уяснение всего этого поможет правильно распорядиться в решении практической проблемы пасхальной утрени. Там, где бесчинства становятся традицией — нужно традицию решительно пресечь, уничтожить. Для этого нужно только одно: «вернуться к Типикону» — перенести начало пасхальной утрени поближе к утру, часа на 3, на 4 поближе к восходу солнца. Тогда те, кто намеревался шуметь и скандалить, разойдутся по домам спать, а в храм к назначенному часу придут только верующие, и никто им не помешает. Придут и те из неверующих, кто серьезно заинтересуется самым впечатляющим во всех христианском мире русским церковным торжеством Воскресения Христова.

18

Так называемый «Вход» на вечернем Богослужении. Священник и диакон с кадиллом поклоняются перед престолом и с преднесением светильника исходят из боковой двери иконостаса на солею. Диакон кадит на иконы и просит «благословить Вход». Затем творит кадиллом знак креста и возглашает: «Премудрость, прости» (труднопереводимое приглашение к усиленному вниманию). Священник и диакон входят в алтарь и становятся перед престолом на то же место.

Как возникла эта церемония? В литургических памятниках XV—XVI веков записан более ранний чин так называемой «песенной вечерни», которая начиналась не в алтаре, а посреди храма; после ектений и антифонов совершался торжественный первый вход в алтарь (проф. Н. Д. Успенский, статья «Православная вечерня» в сборнике «Богословские труды», М, 1959). Тогда церемония имела практический смысл. Ныне же у нас первый вход в алтарь совершается до начала службы, но остается и церемония торжественного входа, причем искажается до бессмыслицы. Ибо происходит уже собственно не вход, а выход — круговая процессия из алтаря в алтарь, с того же на то же место.

Пользуясь крайне спорным методом блаж. Симеона Солунского (XV в.), русские литургисты XIX—XX вв., архиепископ Вениамин, прот. Г. Дебольский, прот. К. Никольский пытались дать «символическое» толкование всех моментов вечернего Богослужения. Начало всеобщей будто бы изображает сотворение мира; кадилльный дым будто бы изображает Духа Божия, носящегося «верху воды»; закрытие врат алтаря будто бы изображает закрытие райских врат после грехопадения; священник пред закрытыми вратами (на вседневной вечерне) будто бы изображает кающегося Адама... Церемонии же вечернего выхода-входа, как она ныне у нас совершается, объясняли как символ Воплощения, в котором священник будто бы изображает Христа, а диакон — Предтечу (проф. Н. Д. Успенский, там же). Это надуманное толкование опровергает само себя, когда входит в соприкосновение с более древним чином вечерни архиерейской. Ибо архиерей стоит до входа посреди храма; кого же он изображает, если Христа изображает выходящий к нему из алтаря священник? Кого изображают другие священники и диаконы?... Ответ заключается в том, что все изображают только сами себя. И вряд ли найдется священник, который действительно думал бы, что он «играет» Христа.

Церемония выхода-входа, как она сегодня у нас совершается, не имеет смысла. Когда всеобщую служат на открытом воздухе или в домашних условиях, церемония сама собой упраздняется — и Богослужение от этого ничего не теряет. Но есть какая-то необъяснимая литургическая красота и значительность, когда вечерний Вход в храм совершается по более древнему архиерейскому чину с середины храма. В упомянутой выше статье проф. Н. Д. Успенский писал, что в древней Руси на вечерний Вход в соборный храм являлись священнослужители всех городских приходов, а также все приезжие. И далее:

«Особенность русского вечернего Входа составляло еще то, что шествие духовенства из алтаря на середину храма в преднесении светильников совершалось северной дверью при закрытых св. вратах. Когда диакон, придя на середину храма и совершив каждение св. врат и стоящих по сторонам их икон, спрашивал у предстоятеля благословения «Благослови владыко святой вход», то пономари толчком подсвечников открывали св. врата. На первый взгляд это — мелкая деталь входа, но она была отголоском очень существенного момента древнепесенной вечерни. Последняя, как известно, начиналась на середине храма, и в алтарь никто из клира до вечернего входа не входил. Этот древний обычай, который был известен нашим предкам, когда-то совершавшим песенную вечерню, с распространением у нас на Руси нового монастырско-приходского чина вечерни не был забыт. Вечерню начинали в алтаре, а св. врата открывали извне во время самого входа».

Там же проф. Н. Д. Успенский указывал, что главный момент древнехристианского вечернего Богослужения — это вынос светильника. «Светильников благодарение», «светильничные молитвы», «светильничные псалмы» — сами термины говорят об этом центральном литургическом значении светильника в вечернем Богослужении. Поэтому неправильно поступаем мы, когда благословением священнослужителя на Входе «прогоняем» светильник. Не нужно этого благословения, его нет в Типиконе, горящий

светильник должен стоять пред алтарем хотя бы до общего благословения — на «Мир всем» перед прокимном.

Но светильник ведь был уже вынесен и обошел весь храм при каждении в начале всеобщей. Перед Входом снова повторяется каждение, на Входе снова выносятся светильники... Вероятно, это соединились, совместились, удвоились две различные традиции — явление довольно частое в истории церковного Богослужения. Думается, что если в будущем литургическом развитии сохранится церемониальный стиль русского церковного Богослужения, то вечернему Входу должна быть возвращена его естественная древняя форма. Но как же «не входить в алтарь до Входа», если в алтаре у нас — и ризница, и все прочее для внеслужебного пребывания духовенства? Об этом — потом, ниже.

19

...А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что во многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш...
По Матфею, гл. 6.

Комментарий Фаррара — из книги «Жизнь Иисуса Христа»: «...По тому сочетанию любви и благоговения, с которыми Молитва Господня научает нас приближаться к Отцу нашему Небесному; по духовности, с которой она заставляет нас просить прежде всего Царства Божия и правды его; по духу всеобщей любви и прощения, который внушает она; по той множественной форме ее прошений, которая имеет в виду показать нам, что себялюбие всецело и навсегда должно быть исключено из наших прошений и что никто не может приходить к Богу как к своему Отцу без признания злейших врагов своих Его чадами тоже; потому что из ее семи прошений одно и только одно относится к земным благам, и даже это одно просит земных благ только в их простейшей форме; даже по той поразительной краткости, показывающей, что Бог не хочет делать из молитвы утомительного бремени, — по всему именно этому отцы Церкви и назвали ее "сокращенным Евангелием", "жемчужиной среди молитв"..."» [4].

Казалось бы, Молитва Господня должна была занять почетное место в нашем церковном Богослужении. Так это и есть в литургии. Но во всех других службах Молитва Господня странно унижена. Тут она прицелена к Трисвятому, двум «славам» и довольно-таки посредственной молитве «Пресвятая Троице»; все это вместе одно целое, в котором Молитва Господня занимает последнее место и читается (читается, никогда не поется) с утилитарным назначением устроить некий «подъезд» к пению тропаря или кондака. Типикон так прямо и называет это: «Трисвятое с прочими» (глава 7).

На праздничной всеобщей после концертного «Ныне отпускаеши» наступает что-то вроде антракта, в котором раздаётся контрастно-бедное чтение «Святый Боже»... Как можно читать гимн ангелов! Когда чтение подходит к «Отче наш» — внимание совсем ослабевает: певцы готовятся к пению тропаря, несут кадило... На обычной воскресной всеобщей это уничижение Молитвы Господней подчеркивается открытием «царских врат» после ее чтения. Во время чтения «Отче наш» духовенство не находит даже нужным снять с головы митру или камилавку: по этому признаку Молитва Господня ставится у нас ниже акафиста. И на великопостных службах Молитва Господня совершенно забита в ряду другого молитвенного многословия: на утреннем Богослужении с Часами «Трисвятое с прочими» читается десять раз...

Можно предположить, что так получилось от перенесения в храм иноческого келейного правила. Но как бы ни объяснять это исторически — в будущем должно быть исправлено такое странное уничижение в храме Молитвы Господней.

20

Библейские псалмы — основная и самая древняя часть вечернего Богослужения. Слово «Псалтирь» есть название музыкального инструмента: «Хвалите Его во псалтири и гуслех» (Псалом 150). Оставляя в стороне вопрос об инструментальном сопровождении, во всяком случае можно сказать, что библейские псалмы назначены для пения. Так это и было в иудейской, первохристианской и ранневизантийской древности.

Странно сказать: сегодня мы не умеем пользоваться библейскими псалмами и сами обесцениваем это сокровище церковного Богослужения. Сегодня псалмы исполняются у нас по преимуществу распевным чтением в один голос; это какая-то сниженная, нарочито-бедная часть Богослужения. Надо признать правду: чтение, которое может хорошо воздействовать на самого чтеца, в келейном ли правиле или в храме, — это чтение «не доходит» до слушателей, превращается у них в «молитву ногами». Самая благочестивая душа воспринимает «вычитывание» псалмов только как повинность, которую надо смиренно вытерпеть... И уж совсем нехорошо, когда в этом чтении звучат еще и совершенно непонятные, а то даже и недостойные тексты.

«Востани, векую спиши, Господи»... «Руце свои умыет (праведник) в крови грешника»... «Во утрия избивах вся грешныя земли»... «Беззаконие пяты моя обыде мя»... «Насытишася сынов и оставиша останки младенцем своим»... Зачем это читать, зачем это нам слушать? Разве только при суеверном отношении к тексту ветхозаветных псалмов, которое сегодня для нас уже невозможно.

Сегодня для нас каждый псалом, вся Псалтирь отчетливо разделяется на два ряда текстов: 1) тексты понятные и по содержанию весьма ценные для церковного Богослужения; 2) тексты непонятные, либо понятные, но по содержанию недостойные церковного Богослужения. Беда наша в том, что мы этого разделения не осуществляем практически — поем и читаем все без разбора. Одно время в патриаршем соборе было восстановлено пение вечерних псалмов 140, 141 на два хора — и я помню превосходное впечатление, когда по клиросам начинали летать антифоны:

*Гласом моим ко Господу воззвах, Пролию пред Ним моление мое,
Гласом моим ко Господу помолюся печаль мою пред Ним возведу.*

Но эти драгоценные стихи поглощались массой других, недоступных для понимания: «Накажет мя праведник милостию... Яко аще и молитва моя во благоволении их. Пожертвы быша при камени судии их: услышатся глаголы мои, яко возмогаша. Яко толща земли проседеша на земли, расточишася кости их при аде»... И т. п. В результате такого смешения хорошего и плохого получилось в общем-то скорее плохо, и мы не жалеем, что антифонное пение псалмов 140, 141 прекратилось. А если бы подобрать для такого пения из других псалмов стихи понятные и содержательные? Если бы пройтись так по всем библейским псалмам? Составился бы церковнославянский «АНТИФОНАРИЙ» избранных стихов Псалтири, которые можно было бы широко использовать в вечернем и утреннем Богослужении. По сути дела, некоторую подробную ревизию текстов делает тот культурный церковный чтец, который на ходу просто опускает стихи невразумительные и старается зато получше возгласить стихи значительные. Такая живая практика благоговеющего, сознательного чтения псалмов приводит к огромному сокращению текстов. Очень характерна в этом отношении XVII кафизма, которая в формально-полном виде просто невозможна для слушания по утомительности и обилию непонятных мест; в проникновенном же распевном чтении немногих избранных стихов в сопровождении припевов хора или народа оставляет впечатление необычайной глубины и силы.

Итак, для возвращения библейским псалмам их почетного места в церковном Богослужении нужно сократить тексты и перевести их с одноголосного чтения на более приличное музыкальное исполнение. Ныне у нас есть очень хорошие простые напевы вечерних и литургийных антифонов; но надо бы их разнообразить, — и это уже творческая задача церковных музыкантов.

Несколько особняком стоит Шестопсалмие, этот характерно «монастырский» кусочек всенощной. Впрочем, в конце каждого псалма напечатаны и читаются повторительные стихи: вероятно, это след хорового исполнения этих стихов. В нынешнем постоянно-неизменном виде Шестопсалмие до того у нас «зачитано», что «скользит» — как-то уж очень невнимательно слушается. Думается, что если будет сохранено Шестопсалмие, то оно должно состояться из часто сменяемых текстов.

Псалтирь, Часослов, Октоих, двенадцать Миней, Триодь постная, Триодь цветная... Целая библиотека на клиросе. Во время службы надо ставить не один и даже не два аналоя, чтобы разместить нужные открытые книги. Сейчас я просмотрю словесный состав русской воскресной всенощной в самом простом варианте — без пользования Миней.

Предначинательный псалом (103): из 35 стихов поем 4. Первая кафизма («Блажен муж»): из 88 стихов поем только 6 стихов. На «Господи, воззвах» из псалмов 140, 141, 129, 116, содержащих 27 стихов, поем только 6 стихов. Стихиры: первые три обычно очень хороши, это творения преподобного Иоанна Дамаскина (VIII в.). Но в Октоихе напечатаны под именем «Восточных» или «Анатолиевых» еще четыре стихиры... Во многих местах их уже не поют.

Стихира на «Стиховне», глас Третий:

*Страстию Твоею, Христе
омрачивый солнце
и светом Твоего Воскресения
просветивый всяческая:
прими нашу вечернюю песнь, Человеколюбче!*

Эту великолепную стихирю спеть бы как можно лучше — и переходить к «ныне отпускаеши». Впереди еще так много прекрасной службы! Но в Октоихе напечатаны еще четыре стихиры... И их нередко поют, а то и читают, явно в ущерб Богослужению, утомляя народ, рассеивая впечатления от первой лучшей стихиры.

На «Бог Господь» после тропаря и Богородична положены II и III кафизмы, состоящие из 15 псалмов; мы читаем только три псалма — и больше отнюдь не нужно, а лучше бы вообще заменить это трудное для слушателя место всенощной хорошим кратким учительным чтением (об этом — потом, ниже). При кафизмах

полагаются «седальны», в Октоихе напечатаны шесть седальнов, которых мы никогда не поем, а если читаем, то только один. Дальше положено петь «Непорочны» — XVII кафизму. Это уже очень давно нигде не исполняется (только у старообрядцев). Тут же напечатано «ипакои», которые тоже нигде не поют, но иногда читают; содержание текстов «ипакои» таково, что ничего не прибавляет к содержанию Богослужения.

«Полиелей» — 134, 135 псалмы; из 47 стихов мы поем обычно только четыре избранных стиха. Перед чтением Евангелия — «Степенна», девять стихов, которые положено петь «повторяюще» — 18 раз; поем же или читаем только 3. Лучше — во глас Четвертый:

*От юности моя
мнози борют мя страсти,
но Сам мя заступи
и спаси, Спасе мой.*

*Ненавидящий Сиона,
посрамится от Господа:
яко трава бо огнем
будете изсохше.*

*Святым Духом
всяка душа живится
и чистотою возвышается,
светлеется Троическим единством
священнотайне.*

Автор — преподобный Феодор Студит (IX в.). Совершенно ясно, что ни петь, ни читать тут ничего больше и не следует... После Евангелия положен псалом 50; не исполняем, поем только первый стих — и тоже ясно, что правильно поступаем.

Воскресный канон: «Рыдающее во страсти Твоей солнце»... «Приидите, поклонимся месту, на немже стоясте пречистей ноге»... «Иже славы Господь в неславне зраце на древе, обезчещен, волею висит, о Божественней мне славе несказанно промышляя»... Читая на всенощных тропари канонов, я досадовал, что эти и другие тексты не воспринимаются народом, потому что теряются в массе других, не столь выразительных и просто непонятных. Наконец, я решил выписать себе из трех канонов всех восьми гласов все самое лучшее, что в них есть для толкового чтения. И что же? Из 24 канонов едва-едва набрались у меня тропари для одного канона — по 2, 3 тропаря на каждую песнь. Больше и не нужно, особенно если бы не читать, а петь припевы к тропарям на каноне. Как это украсило бы службу — петь припевы! Богослужение и так до предела перегружено чтением.

После канона — «Свят Господь, Бог наш»... Почему-то этого показалось мало, и византийский император Константин VII (X в.) сочинил еще «экзапостиларий» и к нему Богородичен. В переводе не видно, насколько хороши они по форме, по содержанию же это — совершенная пустота. Нигде их не поют, но кое-где читают, и это совершенно напрасное препровождение священного времени Богослужения.

На «Хвалитех» (псалмы 148, 149, 150) из 29 стихов мы поем обычно не больше 4 стихов. В Октоихе тут напечатано восемь стихир... Неужели когда-то их пели? Сегодня культурный настоятель велит петь только одну стихир. Затем положена еще «стихира евангельская», сочинение византийского императора Льва VI: никому не нужное, грамматически очень трудное краткое изложение евангельского чтения (об этих стихирах — ниже).

«Первый час» — особенно утомительный привесок ко всенощной. Снова — чтение, чтение... Псалом (обычно один вместо трех), тропарь, «Трисвятное с прочими» — явно не нужное и потому особенно тягостное повторение священных слов, которым внимать уже нет сил. Следовало бы восстановить обычай читать Первый Час гораздо короче — только в той части, которая в данном случае, после всенощной, представляет действительную ценность: сразу «Иже на всякое время» и все остальное. Только в таком виде этот приглушенный конец всенощной имеет свой смысл.

Так везде, везде мы видим это странное теперь для нас литургическое многословие — и нашу встречную тенденцию к сокращению текстов. Это — встреча древне-монастырского и современного «мирского» типов церковного Богослужения.

Вспоминаю дискуссию на клиросе с хорошим старовером. «Зачем сокращать, зачем торопиться? — говорит он. — Вот, придем домой и все равно ведь будем что-то говорить, празднословить. Так лучше уж в церкви задержаться — прочесть, пропеть все, что святыми отцами положено...» Надо с уважением отнестись к такому воззрению. Но надо признать правду, что даже и в монастырях наших иерусалимский Типикон в полной мере не соблюдается. Тем более в храмах приходских, хоть народ церковный и проявляет иногда

изумительное терпение, мы можем пользоваться церковными книгами только с огромным сокращением их текстов.

Псалтирь, Октоих, Минеи, Триоди — это священная «хрестоматия», из которой мы обязаны выбирать лучшее для каждой «словесной службы». Где можно, где позволяет ритм, напев — подправить перевод. Заменить, например, смешное «благоутробие» просто на «милосердие», «живот» на «жизнь», «жидовский» на «иудейский» и т. п. Пропеть, перечитать предварительно, проверить все основательно. Когда нет этой подготовительной работы, служба проходит как будто не хуже, чем у других: «положенное по уставу» (не по Типикону, конечно, а по неписанному приходскому обычаю) «исправно» (как придется) «пропето» и «прочитано», народ «отстоял» всю службу... Но ревностный служитель не может успокоиться на этом, ему нужна уверенность, что предстоящее Богослужение будет насыщено самым лучшим содержанием, какое только можно извлечь из литургических книг, и, будучи исполнено с церковным изяществом, — как можно лучше выслушано. Если провести такую ревизию по всему календарю, по всем нашим книгам — из целого шкафа их составит одна хорошая книжка.

22

XVII.

*Вы ничесоже от сих сотвористе,
Хранящие пост, соблюдавшие девство,
Благочестия дел не явисте.
Странна и нища в дома не введосте,
Алчущим хлеба не даете.
Бесчеловечши, полни лицемерия.
Нищих презресте.
Тщетен ваш труд!
Вы ненавыкши нищим руку даяти,
Како Его просите дати
НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!*

XVIII

*Главою, подъятою кверху,
Всех презираете, плюете всем,
Всех, бессердечные, злыми считаете.
В грехах жестоко укоряюще,
Сами ужасно грешите.
Иль ради хвалы человеков
Аки безгрешные
Святая глаголете,
Постом своим хвалитесь.
(В мыслях) сами распутные,
В браке разврат усмотряете.
Только себя одних видите правыми,
Еще не приявшие
НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!*

XIX

*Увы! Не спасло вас жестокое девство,
Ни пост, с хвастовством понесенный:
Ибо Сын Кроток, кротких люблю Аз
И им воздаю отпущенье,
Награждаю хранящих пост с милосердием
И не люблю бессердечного девства.
Люблю милосердных и любящих,
Радостно в брачный чертог их приемлю,
Ибо такие чертогу приятны, —
Им дам
НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!*

Это — из кондака преп. Романа Сладкопевца (перевод проф. Н. Д. Успенского). Отрывки переносят нас в VI век в эпоху становления византийского церковного Богослужения, когда творцы песнопений свободно исполняли в храмах свои все новые и новые произведения, из которых многие не вошли потом в церковные книги. В данном случае это была песенная проповедь в стихах — комментарий на евангельскую притчу о десяти девах (по Матфею, гл. 25). По-гречески «элеон» (елей, масло) и «элеос» (милость) в винительном падеже звучат одинаково. Неразумные девы не имели в сосудах елея — не имели в душе милости, любви, и потому не были допущены на праздничный пир. В приведенных отрывках — часть речи Жениха из-за

запертой двери. «Не люблю бессердечного девства», — это было обличение, как выразилась уже в наше время незабвенная монахиня Мария, монашеского «самоспасения».

Такая полемически-острая стихотворная проповедь не могла удержаться в церковном Богослужении, она уступила место в литургических книгах произведениям не столь талантливым, но более соответствующим стилю, как сказали бы мы теперь, «бесконфликтного» благочестия. В наших, то есть в византийских кондаках, стихирах, канонах — очень мало комментариев к евангельской проповеди и очень много догматики.

23

«...Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: пока не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его — не поверю.

После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди их и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим.

Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог Мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие». По Иоанну, гл. 20

Христос приглашает Фому Неверующего исполнить жестокие слова свои и грубым осязанием как бы вновь растравить раны Учителя. «Принеси перст твой семя»... Потрясенный Фома не делает этого и отвечает словами раскаяния и любви: Господь Мой и Бог мой!

Таково содержание Евангелия. Мы не узнаем его в службе «Анти-Пасхи» (Неделя о Фоме):

... он же ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхом вопиаше верно... О преславного чудесе! Огню сено коснувшись спасеся: вложив бо Фома во огненная ребра руку Иисуса Христа Бога, не спалися осязанием... Прикоснувшись рукою ребром нестерпимым Близнец Фома, не опалился прикосновением, но пребысть язвы осязая известное...

И т. п.

В Евангелии — упрек Христа, в службе — похвала Фоме за «доброе неверие». В Евангелии Фома отказывается от неверия, в службе лезет «любопытною десницею» щупать раны Христа. В Евангелии — любовь, в службе — страх... Вот уж, действительно, Анти-Пасха.

Мы привыкли к ходячему мнению, что в византийской церковной поэзии сохраняется будто бы самое верное, самое православное восприятие Евангелия и Христианства. Служба Недели о Фоме — пример обратного порядка. Тут же вспоминаются «Богородичны» со спорным домыслом преп. Иоанна Дамаскина о Материнстве без материнских страданий («Его же неболезненно ужасно породил»). В службе 16 августа отражена вне-евангельская легенда о нерукотворном образе... В целом можно сказать, что в византийской поэзии догматические выражения действительно формально безупречны. Но в то же время она оставляет иногда чисто художественное впечатление скрытого «монофизитства». Впрочем, по справедливости надо признать, что таково же всегда и остается отношение к Личности Христа в Церкви, где Он открывается нам не во временном человеческом унижении, а в вечной Божественной славе... Это тема уже не литургическая.

Литургически же не надо было так искажать Евангелие. «Блаженны не видевшие и уверовавшие», — вот новая «заповедь Блаженства», столь актуальная для нас сегодня. Ее не заметили византийцы.

«... Удивительно, сколько незаслуженного внимания уделяется у нас стихирам евангельским, при полном пренебрежении вдохновенными творениями Иоанна Дамаскина и других духовно одаренных песнописцев. Ведь у нас даже рассылаются специальные указания о том, что стихиры евангельской ни в коем случае нельзя пропускать; внимание к этой стихире рассматривается как показатель уставной зрелости». Из письма. 1959

Эти евангельские стихиры так плохи, что неохота их переписывать. Вот для примера одна из них — пятая:

О премудрых судьб Твоих, Христе! Как Петру убо плащаницами единеми дал еси разумети Твое Воскресение: Луце же и Клеопе спутешествуя беседовал еси и беседуяй, не абие Себе являеши; темже и поносим бываеши, яко един пришельствуяй во Иерусалим и не причащался в конец совета их. Но иже вся к создания пользе строя, и яже о Тебе пророчества открыл еси, и внемде благословити хлеб познался еси

има: еюже и прежде того сердца к познанию Твоему распаластся: яже и учеником собранным уже ясно проповедаста Твое Воскресение, имже помилуй нас.

По-русски:

Как премудры Твои решения, Христе! Петру лишь плащаницею Ты дал познать Твое Воскресение. Спутешествуя Луке и Клеопе, Ты ведешь беседу с ними, не сразу открывая Себя им. Зато Ты слышишь от них укор, что Ты, вероятно, один из пришельцев в Иерусалим и безучастен к событиям, только что совершившимся в городе...

... Нет, не стану переписывать дальше. Как же это бездарно, какая искусственная манера обращения во втором Лице, едва ли не поучение Христу от автора. Нельзя было бы хуже отозваться на одно из самых благодатных евангельских чтений — о Явлении на пути в Эммаус... Нет, не надо этого ни петь, ни читать — не надо перегружать службу плохими стихирами.

— Как плохими стихирами?! Они преданы нам от святых подвижников.

— Да нет же, автор этих стихир никакой не подвижник — это византийский император Лев VI (X в.), имевший церковные неприятности за многоженство. Он занимался сочинением стихир и собственной властью вводил их в церковное Богослужение. Вообще же неправильно определять достоинство художественного произведения из мнений о личных качествах автора. У того же императора Льва есть сравнительно хорошие стихиры на поклонение Кресту.

— Пусть так; но евангельские стихиры приняты Церковью и потому для нас священные.

— Да когда же, спрашивается, каким соборным актом одобрила Церковь те или другие стихиры? Без собора плохие стихиры проникли в церковное Богослужение, без собора они и исчезнут. И как обходилась Церковь девять веков без евангельских стихир императора, так великолепно обойдется без них и в дальнейшем...

— После того, как пела их тысячу лет!

— Это не увеличивает их ценности. Мы не можем обманывать себя: стихиры отвратительны. Пели их певцы, а Церковь терпела. Таков уж был этот период истории: Византии стало не до стихир, творчество оскудело, а потом и совсем остановилось, и так все это последнее наличие стихир, канонов и прочего застыло и окаменело в литургических книгах. А Русь смиренно приняла все это — хорошее и плохое — как равноценное, священное... Ныне пришло время критической ревизии, когда мы ясно увидели, что это, попросту сказать, исторический хлам, который мешает нам явить подлинные драгоценности во всей их красоте. Попробуйте так составить и так исполнить «словесную службу», чтобы все в ней было назидательно и прекрасно, все достойно этого наименования: Богослужение. Попробуйте — и вы едва наберете три, четыре стихиры на всю всенощную. Остальные — мешают... Евангельские стихиры — только пример тому и частный случай. Циркуляр же о непрременном исполнении именно евангельских стихир — показатель недостаточной церковной культуры.

25

«Исполним утреннюю молитву нашу...» Почему утреннюю, ведь мы произносим это вечером? И наоборот, в Великом посту, накануне праздников Рождества, Богоявления мы вечерню служим утром. Эта неправда недопустима в церковном Богослужении.

«Всенощное бдение» составилось в свое время простым сложением служб вечерни, утрени и Первого часа, соответствующего нашему седьмому часу утра. Сегодня мы управляемся со всем этим за вечер, и таким образом само название это — «всенощная» совершенно условно. В действительно всенощном Богослужении имело какой-то смысл произнести одну просительную ектению вечером и через много часов произнести такую же просительную ектению на следующий день утром. Но нет решительно никакой нужды повторять в одном вечернем Богослужении две одинаковые великие ектений, две одинаковые сугубые ектений, две одинаковые просительные ектений. «Паки, и паки»... Малая ектения после кафизм и на каноне имела смысл во всенощном бдении. Это было приглашение к молитве после уставных чтений, во время которых все сидели. Сегодня в русской «всенощной» эти приглашения не имеют смысла.

Частое произнесение и вместе с тем скудное однообразие ектений — вообще очень слабое место нашего церковного Богослужения в его нынешнем виде. В сельской церкви священник, служа с утра «всенощную» и за ней литургию, произносит три великие одинаковые ектений, три сугубые одинаковые ектений, четыре просительные одинаковые ектений, десять малых одинаковых ектений. Не удивительно, что священники и диаконы возглашают ектений нередко без души, думая о посторонних делах. Можно произнести от сердца: «Заступи, спаси»... Но повторять это воззвание за такой сельской службой семнадцать раз — это значит

превратить его в фикцию. Можно от всей души помолиться о патриархе и епископе; но помянуть их десять раз... Ектений должны быть сокращены и тексты их должны быть более разнообразны.

26

Однажды я спросил покойного М. — какое место в русской всенощной он считает центральным? Он ответил сразу: Великое славословие. Я возразил, что нет, — Евангелие. Потом я узнал, что оба мы были правы. Некогда Евангелие и читалось по Великому славословию (как в Великую Субботу). Затем перевесила другая традиция — чтение переместилось на нынешнее место. У нас на Руси было время, когда не решались, какую традицию выбрать — и читали Евангелие на всенощной дважды... В обоих этих «центрах» нашей всенощной есть моменты особенно важного значения.

Тропарь воскресный положено петь дважды. Это — след древней антифонности, которую легко здесь восстановить: пусть второй раз поют тропарь всенародно. Вслед за хором повторить это народу будет совсем не трудно.

И так же непременно нужно было бы устроить с этими чудными тропарями:

*Благословен еси Господи,
научи мя оправданием Твоим.
Ангельский собор удивися,
зря Тебе в мертвых вменившася,
смертную же, Спасе, крепость разоривша,
и с Собою Адама воздвигша,
и от ада вся свободжда.*

Можно петь это поочередно с народом — петь особенно торжественно, светло, например, в до-мажоре, в удвоенной гармонии. Когда храм большой и требуется больше времени на каждение — надо петь эти тропари дважды. Хор — в напеве, например, А. Архангельского или в переложении Знаменного распева Л. Парийского; народ же — в простом напеве Пятого гласа. Попробовали бы так сделать! Увы, вместо этого один хор в нарочито замедленном темпе тянет эти почти пасхальные тропари на манер почти заупокойных... Печально наблюдать эту недогадливость, литургическую некультурность.

Кто это так хорошо переложил Знаменный распев в прокимнах перед Евангелием? Они звучат великолепно, это выдающийся пример, как можно, оказывается, передать древнюю мелодию современными средствами; и не только передать — кажется, что и еще более украсить... Эти прокимны — одно из самых значительных мест в русской всенощной. А когда большой способный хор поет их на одной ноте — это опять все та же церковная наша некультурность.

Воскресные евангельские чтения достаточно понятны, тут не нужно русского перевода, только немножко осторожно подправить церковно-славянский. За исключением Третьего и Шестого — воскресные евангельские чтения необыкновенно прекрасны; но их, как правило, недостаточно хорошо читают. Не в порядке регламентации, а в порядке рекомендации следовало бы положить их на ноты — помочь священнику выработать манеру самого простого и вместе с тем изысканно-хорошего чтения воскресных Евангелий. В частности, обозначить конец чтения отнюдь не печальным переходом в минор.

На подходе к Великому славословию — "Свят Господь, Бог наш". Покойный епископ Вениамин (Милов), сам большой мастер церковного пения, писал мне, что это очень хорошо получается в пении общенародном, когда исполняется в мелодии «Славно бо прославися». В упрощенном изложении, вероятно, это будет так: [...].

После Великого славословия хор без передышки поспешно меняет тон и поет тропарь. Вот где особенно явственно сказывается отсутствие второго хора. Но его может заменить алтарь. Я хорошо помню московскую практику, когда это во всех храмах пели в алтаре.

Возможно, это было отголоском очень древнего устава «песенной утрени», по которому и полагалось этот тропарь петь в алтаре. Теперь нет уже таких голосов и такого умения в алтаре — так можно командировать туда певцов из хора. Можно и в хоре спеть это на мужских голосах:

*Днесь спасение миру бысть,
поем Воскресшему из гроба
и Начальнику жизни нашае:
разрушив бо
смертию смерть,*

*победу даде нам
и велию милость.*

Совершенно простые слова — бесконечно великого значения. Оно слышится в древнем напеве. Этот тропарь заслуживает особенного, выделяющегося исполнения. Как бы хорошо прозвучал он из алтаря.

...Я не удержался, даю полезные советы. Кому? Сегодня они безнадежны; завтра могут кому-то и пригодиться.

27

Имена святых. Сначала диакон поминает их в молитве «Спаси, Боже» на праздничной литии. Затем священник снова повторяет те же имена в молитве «Владыко, Многомилостиве». Потом диакон в третий раз поминает те же имена в молитве «Спаси, Боже».

Хорошо вспомнить многих святых — наших молитвенников, нашу славу. Но зачем это троекратное повторение? А с недавнего времени диаконы стали молитву «Спаси, Боже» почему-то кричать, превратили ее, надо прямо сказать, в тягостное место Богослужения, в какое-то свое антислужение.

И на отпустах очень многие священники, вопреки Служебнику, вставляют десятки имен святых. То это святые всех приделов и мощей, находившихся в храме; то святые всего города; то святые всей области; то просто по личной симпатии священника к тем или иным святым или даже к тем или иным своим родственникам, носителям имен тех или иных святых... Архиереи должны были запретить такое новаторство; но они сами говорят такие отпусты.

[4] Фаррар В. Ф. Жизнь Иисуса Христа. СПб, 1893. Репринтное изд. М., 1991. С. 258-259.

Церковная проповедь

28

Как и в Типиконе, у старообрядцев до сих пор нет так называемой «живой» проповеди; как и в Типиконе, вся проповедь у них в чтениях творений авторитетных учителей Церкви, например, святителя Иоанна Златоуста. Можно не соглашаться с тем, как они это делают (полупоют на церковно-славянском языке), но нельзя не признать, что в основе здесь — принципиально верное понимание великого значения церковной проповеди.

Я слышал, что в Греческой церкви не всякий священник может быть духовником: он должен иметь на это особую грамоту от своего епископа [5]. Совершенно так же далеко не всякому священнику можно доверить право вести церковную проповедь. Проповедь есть важнейшая часть церковного Богослужения — и она должна быть на качественном уровне остального Богослужения. Дать священнику право на проповедь — в сущности, это все равно, как если бы разрешить ему вводить в службу молитвы или стихиры собственного сочинения. Даже больше того: ибо стихиру могут еще не понять, а проповедь ведется на русском языке, это вполне открытое для всех современное литургическое творчество.

В нынешней Москве я знаю только двоих священников, которым можно было бы полностью доверить самостоятельную церковную проповедь; в Ленинграде — только одного... Возможно, впрочем, что есть и другие; но очень, очень немного. Себя я считаю принадлежащим ко второму разряду священников, которым проповеди удаются только иногда, и даже (как у меня) очень редко. Дело не в отсутствии дара слова (у некоторых, немногих, он есть) и не в недостатке образования (у некоторых, немногих, оно достаточно), а в общем «учительном» кризисе современного Христианства. В самом общем смысле можно сказать, что Христианство не нашло еще современного словесного своего выражения... Это тема не литургическая, об этом я писал в другой работе. И если бы даже не было этой главной общей причины — все равно: проповедовать «от себя» годами одним и тем же слушателям, — для добросовестного священника, не обладающего каким-то совершенно исключительным ораторским талантом, это просто невозможное дело, и он, бывает, с ужасом ожидает воскресного или праздничного Богослужения, когда ему нечего будет «сказать»... Если же он все-таки решится и выйдет у него неважно — испытывает мучительные сожаления. Вот таким добросовестным священникам я выдал бы разрешение говорить проповедь только при наличии сильного внутреннего побуждения.

Наконец, есть третий разряд священников, которым совсем противопоказана церковная проповедь, за которых, что называется, заранее можно уверенно поручиться, что ничего хорошего в своей проповеди они не произнесут. При нынешней необразованности и церковной некультурности священства плохая проповедь, проповедь с отрицательным знаком стала у нас явлением повсеместным, и она страшно вредит церковному Богослужению.

Что же делать? Ответ может быть только один: «вернуться к Типикону» — обратиться к учительным чтениям. Классический пример, когда чтение оказывается лучше всякой проповеди, — пасхальная ночь, когда читается слово огласительное святителя Иоанна Златоуста. Конечно, надо читать его в хорошем русском изложении — и читать хорошо, очень хорошо, как можно лучше!.. Очень надо бы написать еще такие же краткие слова огласительные в Великую Пятницу, в Великую Субботу, в великие праздники; но они еще не написаны. Очень нужно бы краткие слова огласительные при таинствах Крещения, Общей Исповеди, Венчания, при Погребении; но они еще не написаны. В Требнике перед Венчанием сказано: «Посем глаголет иереи поучительное слово, сказуя им, что есть супружества тайна, и како в супружестве Богоугодно и честно житьелствовати имут...» Разве можно доверить всякому это поучительное слово? Я никогда его не говорил; я хотел бы его читать, в этом была бы высшая авторитетность. Но оно еще не написано. Очень нужны бы также учительные чтения на тексты Евангелия и апостольских посланий, на темы литургические — в частности, на тексты всех главных церковных песнопений... Но ничего еще не написано. Нечего у нас почитать в церкви. Творения святых отцов, проповеди позднейших учителей — все это сегодня может быть только цитировано, все это должно быть творчески переработано и переосмыслено. Вот — самая первоочередная, самая насущная задача на сегодня и завтра. «Свято место пусто не будет». Это место у нас — взамен кафизмы на всенощной, сразу после Евангелия на литургии. Здесь должна звучать у нас церковная проповедь, — и это должно быть либо живое слово, либо хорошее учительное чтение. Мне представляется, что с составления таких чтений и должно бы начаться настоящее русское творчество в русском церковном Богослужении.

29

Ленинград, 1954. В храме Духовной Академии русский иеромонах из Парижа рассказывает в проповеди «простому народу» надоевшую басню о том, как женщина плакала в церкви, и, когда спросили ее, о чем она горько плачет, — отвечала: о том, что Господь не посылает ей скорбей.

Всякий раз в таких случаях остро чувствуешь, что церковная проповедь не может оставить просто безразличного впечатления: хорошая — она очень воодушевляет, фальшивая — непременно приносит вред, внушает отвращение, отравляет душу. Вот почему я боюсь не только говорить, но и слушать проповеди. Даже в наиболее приличных внешне образцах современная русская церковная проповедь именно такова, что боишься слушать. Эта наша нарочитая елейность, какая-то совершенно безнадежная неискренность тона, унижительное отношение к слушателям, неумеренная склонность к лжеименным преданиям... Вместо того чтобы торжественно огласить священный текст в синодальном переводе, мы (из «опасения походить на сектантов» и просто по лени) имеем нахальство «излагать» Евангелие своими словами. Вместо поучения, как регламентированной части церковного Богослужения, ответственного, тщательно подготовленного выступления, у нас — неряшливое празднословие после отпуста «от ветра главы своея». В последнее время мы усвоили еще бессовестную манеру креститься на каждой фразе, — заставляя таким образом креститься за собой и народ!.. Учительное чтение защитило бы нас от такой проповеди.

30

«...В Загорске архимандрит, очень приличный на вид, проповедовал на странную тему о том, вознаграждаются ли добрые дела; и в доказательство рассказывал, ссылаясь на некое "священное предание", как по указанию во сне раскопали мертвеца и нашли у него в руке документ — справку с того света по этому вопросу! С. рассказывал мне о другом архимандрите, который проповедовал о чуде пасхального святого огня в Иерусалиме. У нас служил известный вам блаженный игумен. В его проповедях Евангелие безнадежно смешивалось со всякой чепухой. Я помню, как в день Крестителя Господня Иоанна он угостил народ рассказом о том как мертвая глава его с Иродиадой разговаривала! Страшная неискренность или глупость — не разберешь. И всего более печально, что народ обречен это слушать, и никто, конечно, не возмущился, потому что просто ушли из Церкви люди, способные этим возмутиться...». *Из письма, 1962*

Парадоксальная проблема: как уберечь народ от проповедников. И они ведь не сами выдумывают, а начитались всякой популярной предреволюционной душеполезной литературы. Запретите им проповедовать — они станут читать, и это будет не лучше. Один настоятель завел такой обычай — читать на всенощной Жития святых. Читал он, читал — и вот однажды на исповеди у другого священника старушка с великой печалью покаялась, что у нее от этого чтения «вера пропадает»... Смутили ее разные немислимые чудеса. Общее впечатление таково, что душеспасительная литература сегодня может принести только вред. Нечего у нас почитать в Церкви.

[5] «Покаяльные попы». В Требнике (Предисловие,... како подобает быти духовнику) читаем: «Аще кто без повелительный грамматы местнаго епископа дерзнет приимати (покаяние)... сицевый правильно казнь приемлет, яко преступник божественных правил».

Божественная литургия

31

Антифоны литургии называются «та типика» — уставное, определяемое уставом, изменяемое. У нас это неверно переведено словом «изобразительны», а псалмы 102 и 145 стали неизменной частью чуть ли не каждой литургии (проф. И.А. Карабинов, Лекции). Такое однообразие обедняет службу; а можно было бы вернуться к более древней практике и не только в великие праздники, но и во все дни, кроме воскресных, петь антифоны с припевами. Стихи может петь хор, а припевы — народ: "Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас".

Насколько это украсило бы службу, можно себе представить, если спеть таким образом уставные антифоны двенадцатого праздника или всedневные антифоны, напечатанные в конце книги «Апостол». Правда, некоторые антифоны досадно невразумительны, непонятны; но тут-то и пригодился бы церковно-славянский «Антифонарий», о котором я писал выше. Из него можно было бы взять избранные стихи, пение которых с припевами составило бы праздник для верующего народа... Попробовали бы так сделать.

32

«Малый вход» на литургии совершается с евангелием, во всем же остальном подобен «Входу» на вечернем Богослужении. Евангелие переносится с престола на престол. Церемония литургически не оправдана, проф. И.А. Карабинов называл ее нелепой (Лекции в СПб Духовной Академии, Литургия). Недостаточно квалифицированные литургисты пытались придумать к этому выходу-входу смысл «символический» — будто бы церемония изображает явление Христа на проповедь. Но так же, как это было написано здесь о вечернем выходе-входе, толкование опровергается более древним чином архиерейского служения.

Архиерейская литургия сохраняет в себе некоторые черты глубокой древности. Некогда литургия начиналась входом епископа на трон и благословением народа; «мир всем!» перед чтением Писаний. Позднее началом литургии стало пение Трисвятого. Вот почему и сегодня у нас архиерей до Малого входа странным образом как бы не участвует в Богослужении — только присутствует и до возгласа Трисвятого пения молчит. Вот почему на Малом входе он целует иконы и читает «Вниду в дом Твой». Вот почему он при пении Трисвятого творит свегильником знамение креста над евангелием: это и было некогда началом литургии (проф. А. П. Голубцов, «Об особенностях архиерейского служения литургии с точки зрения древне-церковного обряда»). Антифонами литургия украсилась позднее, и еще в IX—X веках можно было начинать ее прямо с Трисвятого (проф. И. А. Карабинов, Лекция). Итак, нынешний Малый вход некогда совпадал с началом литургии.

Но антифоны и сегодня не мешают архиерейскому Малому входу сохранять свой первоначальный прямой смысл: это торжественный первый вход в алтарь для совершения литургии. И кажется, что именно эта практическая естественность церемонии и придает ей такую значительность. Правда, надо бы и архиерейский Малый вход несколько упорядочить. Напрасно носить Евангелие туда и обратно. Нехорошо также превращать служащих с архиереем священников в каких-то оперных статистов: то они выходят к началу литургии на середину храма; то по-одному и попарно, покидают архиерея и накапливаются в алтаре; то опять выходят к кафедре... Зачем? Оставались бы с архиереем до Входа. Церковное Богослужение не нуждается в таких сомнительных украшениях, безделушках, которые к тому же прямо противоречат древнему церковному правилу: «Не подобает пресвитерам прежде входа епископа входить и сидеть в алтаре, но с епископом ходити, кроме случая, когда епископ немощен или в отсутствии» (Лаодикийского собора правило 56).

И на литургии иерейской в нынешнем Служебнике видно первоначальное значение Входа. «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти» — это был первый вход в алтарь. «Благослови, Владыко, время Трисвятаго» — это было окончание входного пения и начало литургии. «Сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей стати пред славою святаго Твоего жертвенника» — это была первая молитва у престола. «Таже наводит, глаголя велегласно: и во веки веков» — это был регентский жест и тонирующий возглас диакона к началу пения литургии.

А что происходит у нас сегодня? Сначала мы входим в алтарь, так сказать, неофициально, используя это священное место в качестве вестибюля: снимаем «штатское», надеваем рясу. Выходим, читаем покаянные «входные» молитвы, прикладываемся к иконам и входим в алтарь во второй раз. Здесь облачаемся, начинаем литургию и вскоре совершаем торжественный выход и третий вход, снова целуя иконы — на этот раз те, что вывешены у врат алтаря. Удвоился, утроился у нас вход, удвоились и иконы, которые целуем при входе, местами даже утроились — для удобства архиерея выставляют еще третью пару икон на аналоях. Три иконы

Спасителя, три иконы Богородицы — так наглядно выражается церемониальная усложненность, которая образовалась у нас вокруг литургии.

В условиях «домашней церкви» или древнего (либо нового по типу древнего) храма церемония Малого входа становится невозможной. Но если начинать литургию посреди храма, то получает смысл торжественное шествие для продолжения ее к алтарю.

33

*Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко,
Твоего Богоразумия нетленный свет,
и мысленных наших очи отверзи
в евангельских Твоих проповеданий разумение...*

Эта духоносная общая молитва перед служением Евангелия произносится у нас «тайно» от народа; а личная просьба диакона благословить чтение Евангелия произносится громко, выпячивается на самый первый план — прямо наперекор Служебнику. Как раз наоборот.

«Да даст тебе глагол благовествующему силою многою», — говорит священник диакону (по Служебнику — тихо). У нас на Руси диаконы понимали это буквально и пели Евангелие с самой низкой до самой верхней ноты, — заключительные слова возглашая «силою многою». Если хор вовремя подхватывал, получалось прилично, а иногда и очень хорошо. Так же возглашали многолетие. Вильгельм II шутил после посещения России, что русские диаконы стараются «докричать до Бога»... Это была колоритная фигура русского церковного Богослужения — благочестивый богатырь с громовым голосом. Голоса бывали на редкость хорошие, культура чтения очень высокая (есть граммофонные записи).

Теперь таких голосов нет, и традиция «художественного крика» должна бы прерваться. Но нет — диаконы почему-то стараются все кричать. Кричат даже то, что раньше произносилось на средних нотах: кричат прошения на литгии, кричат молитву перед канонами. Отвратительно слышать этот безголосый крик; печально сознавать, что никто этого безобразия не остановит.

34

Новый завет исправно разбит у нас на «зачала» — на ежедневные чтения на литургиях всего года. Но ежедневно в храм никто не ходит, и собственно общественным Богослужением являются у нас воскресные и праздничные службы, когда в наиболее полном составе в храм сходятся все христиане данной местности. Поэтому, казалось бы, на литургиях в дни воскресные и праздничные должны быть подобраны такие чтения, которые наиболее полно и всесторонне представляли бы собою Новый Завет. Но вот — просто удивительно: посетитель воскресных и праздничных литургий услышит у нас явно неудачный подбор евангельских чтений. Он услышит, например, дважды в году одни и те же чтения:

О призвании апостолов (Неделя 2 и Неделя 18);
об исцелении бесноватого и о гибели стада свиней (Неделя 5 и Неделя 23);
об исцелении расслабленного, опущенного через кровлю дома (Неделя 6 и Неделя 2 Великого поста);
об исцелении бесноватого отрока (Неделя 10 и Неделя 4 Великого поста);
о богатом юноше (Неделя 12 и Неделя 30);
притчу о званых на вечерю (Неделя 24 и 28);
проповедь о несении креста своего (Неделя по Воздвижению и Неделя 3 Великого поста).

Но если он даже самым аккуратным образом будет посещать все воскресные и праздничные литургии, он никогда не услышит об Искушениях Христа, большей части Нагорной проповеди, беседы о детях, притчи о делателях, призванных в разные часы, эпизода с динарием Цезаря, беседы о Воскресении мертвых, эпизода «Не знаете, какого вы духа», притчи о пропавшей овце и потерянной драхме, притчи о неверном управителе, истории о двух лептах вдовицы... И Апостольские чтения, за исключением немногих, просто явно случайны, в воскресные дни мы слышим, например, оторванный от текста и ничем не примечательный конец Послания к Коринфянам (Неделя 13) или такой же конец Послания к Галатам (Неделя 22). Но мы можем всю жизнь посещать храм и не услышим там, например, Гимна любви апостола Павла.

На Литургиях в Богородичные праздники читается всякий раз одно и то же Евангелие — о Марии, которая «благую часть избра» (Лк X, 38-42); какое отношение имеет это к Богоматери, кроме совпадения имени? Сюда механически приставляется ублажение Богоматери женщиной из народа, взятое из другого места Евангелия (Лк XI, 27-28), но со словами, вводящими слушателя в заблуждение — «Бысть же, егда глаголаше сия», — как будто женщина и народ слушали беседу Учителя с Марфой. Зачем этот недопустимый «монтаж» священного текста?

Евангельские чтения Пасхальной седмицы представляют странный диссонанс с содержанием Праздника. Только в Светлый Вторник читается воскресное Евангелие — о Явлении на пути в Эммаус... Это остаток более древнего, лучшего обычая: «О Воскресении Господа нашего в эти дни по обычаю читается из всех книг святого Евангелия» (бл. Августин, слово 331).

Ошибочность подбора чтений в приведенных примерах очевидна. Совершенно необходимо подготовить другие рекомендации. И следовало бы вообще предоставить настоятелю больше свободы в этом деле. Однажды на праздничном молебне я услышал вместо положенного зачитанного отрывка «Во дни оны восставши Мариам» (Лк I, 39-49,56) совсем «новое» чтение — как Она стояла у креста Иисуса (Ин. XIX, 25-27). Помню, как хорошо, уместно прозвучало это «новое» чтение. И никакой беды не случится, если в Ильин день, например, вместо не очень-то подходящего отрывка Лк. 1У, 23-30 прочитать об исполнившемся пророчестве, что не в буре и не во огне — Господь (Лк. IX, 51-56). Или если на Водоосвящении вместо совсем неподходящего сомнительного текста Ин. У, 1-4 (стих 4 в древнейших рукописях отсутствует) настоятель изволит прочитать Евангелие праздника или другое по своему выбору... Мне представляется, что и на простых молебнах следовало бы вместо одного и того же зачитанного кусочка читать (и переводить, переводить) каждый раз новые избранные тексты Евангелия. Надо же понять значение того факта, что только в храме может русский человек услышать Священное Писание.

35

*...Священник, намереваясь служить обедню по римскому чину,
прежде всего употребляет несколько времени...
и на воспоминание имен живых и усопших,
за которых будет приносить бескровную Жертву,
дабы это перечисление имен во время самой обедни
не навело скуки на предстоящих.*

Свящ. Т. Серединский, О Богослужении западной церкви

Замечательно «перекликается» с этим рассказ Х. о своем покойном отце. Это был сельский священник, очень авторитетный в народе (крестьяне приходили к нему за советами, а то даже и для суда совести между собою). Он был молитвенник: бывало, придет на проскомидию задолго до службы — все поминает усопших. Но когда служил литургию, то поминал на ектений только имена покойных именинников и новопреставленных. Когда он получил известие о смерти сына, то и его поминал только тайно, считая неприличным тратить на это время общего Богослужения.

Так поступал очень благоговейный служитель. Не могу удержаться, приведу одну выдержку из письма Х.:

«...Своей любовью к богослужению я обязан прежде всего моему покойному отцу. Я помню свои младенческие годы. В субботу и накануне праздников вечером у в нас доме водворялась какая-то величая тишина. У икон зажигались лампы, отец уходил в кабинет и, стоя на коленях, долго молился. Мама говорила шепотом и, если мы начинали шуметь, строго одергивала нас, чтобы мы не мешали папе "читать правило". Ни я, ни мой брат и сестренки, мои погодки, конечно, не понимали, что это за «правило», но обстановка и поведение родителей говорили, что дома происходило что-то весьма важное. Утром отец шел к утрени и мама вместе с ним шла, и оба тащили нас с собой, кого на руках, а кого за руку. В церкви мы стояли у левого клироса, и я часто засыпал, свернувшись калачиком на ступеньках солеи. Но когда я просыпался, то мелькающие в предрасветной мгле огоньки лампад и темные лики святых наполняли детскую душу каким-то несказанным трепетом. Когда я подрос до 7 лет, то отец взял меня в алтарь пономарить. Я жадно смотрел за его действиями, — как он благословлял подаваемое мной кадило, как целовал престол и свои облачения, как это обычно делается, но аккуратно их складывал как святыню, и даже будучи настоятелем многоклирного причта, всегда делал это сам...»

Итак, не какой-нибудь там «обновленец», а лучший представитель старого духовенства находил достаточным поминовение на проскомидии. Проскомидия — это ведь и есть литургия, часть литургии, которая выделена в предварительное «тайное» совершение именно для того, чтобы не задерживать литургии.

Сегодня у нас не так. Поминовение на проскомидии — это, так сказать, самый низший разряд. Если заплатить подороже — помянут, назовут имена на общей зауспокойной ектений. А есть еще и высший разряд — это когда произнесут отдельную, «заказную» зауспокойную ектению, либо отдельную «заказную» литию, либо отдельную «вечную память», — в разных местах этот высший разряд выражается по-разному. В свое время (до денежной реформы 1961 года) отдельная зауспокойная ектения в Ленинграде стоила 25 рублей. За эти деньги диакон говорил отдельную ектению, а священник в алтаре — отдельный возглас; и таких отдельных поминовений бывало до двадцати раз... По этому поводу Х. писал мне:

«...Вы возмущаетесь тем, что в Никольском Кафедральном соборе служат отдельные зауспокойные ектений по 25 рублей за ектению; я скажу более того — не только служат, но даже держат на столе, где принимают

просфоры, «ценник», в котором указано, что за поминовение на проскомидии + на панихиде после обедни — 10 руб, за поминовение с произнесением отдельной ектений — 25 руб. Я когда-то сказал об этом митрополиту Григорию. Он страшно возмутился этой непристойностью и сказал мне, что предпишет убрать этот ценник. Но вот и владыки не стало, сам он уже переселился в горный мир, а ценник продолжает стоять на старом месте».

Другой, тоже очень достойный и понимающий человек написал мне: «Ленинградская торговля заупокойными ектениями — ужасная мерзость...» Дело не только в том, конечно, что эти поминовения на ектениях «наводят скуку на предстоящих» (иногда это длится до получаса). Главное — сам этот принцип торговли Богослужением — и притом торговли спекулятивной. В свое время можно было свалить все это на жадность духовенства; но вот сегодня духовенство — на окладах, освобождено от прямой «сдельщины», а торговля продолжается по-прежнему. Спекуляция уже успела превратиться в традицию. Кое-где печатаются типографские бланки квитанций «проскомидийных», «обеденных»... Это уже целая кощунственная бухгалтерия, система добывания средств. Только высшая церковная власть могла бы всех нас вразумить — вообще запретить возглашение имен на ектениях за деньги, запретить категорически, безапелляционно, с праведным гневом, как если бы это была продажа индульгенций. Почему же бездействует церковная власть?.. Это тема уже не литургическая.

36

Правду сказать, в больших городских храмах бывает иногда так много заупокойных записок и так много имен в старинных помянниках, что прочитать их священникам бывает решительно невозможно, и они читают притворно, по два-три имени из каждого помянника — «не читают, а в руках перебирают»... Один почтенный протоиерей рассказывал, как на панихиде бабушки обличили его в этом усовершенствовании и как он перед ними оправдывался: «Что же, по-вашему, у Бога — канцелярия, что ли?» Это верно; но если не канцелярия, тогда зачем записки? Есть среди мирян и более просвещенные люди, которые не стремятся проверить, читают ли их записки, для которых самый факт подачи записки, даже самого написания имен, а также связанная с этим денежная жертва имеют сакраментальное значение. Но и перед ними мы не можем чувствовать себя в полной чистоте совести, когда не успеваем прочитать всех имен на записках.

Не суеверие ли это, чтобы нам непременно священными своими устами прочитать эти записки? А если бы это делали сами миряне? Когда человек сам произносит дорогие ему имена, он действительно вспоминает их носителей, с любовью воспроизводит душевный их облик, лично общается с ними в церковной молитве. В будущем храме я попросил бы архитектора устроить «предложение» на древнем месте — отдельно от алтаря. Да и в старых храмах, пусть не сегодня, а завтра, нужно вынести «предложение» из алтаря, скажем, за левый клирос. Сюда, к открытой для всех проскомидии, пусть подходят все и сами читают или наизусть произносят свое поминовение.

Есть поминовение и на самой литургии, которого миряне сегодня не знают, которое сохранилось в «тайных» молитвах священника, может быть, еще от тех времен, когда не было поминовения на проскомидии. Это — поминовение в самое благодатное время, сразу после Освящения Даров, когда написано в Служебнике: «И поминает, ихже хочет, усопших по именем». Это возможно только при условии открытия молитв Евхаристии (об этом потом — ниже). В храме да воцарится тогда тишина — и каждый да поминает своих дорогих усопших по именам... Такой же момент есть в закрытом сегодня древнем тексте литургии и для поминовения тех, кто живет еще с нами на этом свете.

Я пишу о том, как это приблизительно должно быть завтра, потому что нельзя примириться с тем, как это творится у нас сегодня, и это будет не новшество, а возвращение к самой почитаемой древности.

37

По примеру Греческой церкви надо бы упразднить ектению оглашенных. Скажут: это трогательно древняя ектения, и народ ее терпит. Но как же молиться об оглашенных, которых не существует? Это все равно, как если бы мы стали молиться о диакониссах и пресвитерах. Кому говорить: «Помолитесь, оглашении»... «Оглашении, главы ваша преклоните»? Мы — не музейные демонстраторы и не актеры. Народ терпит (он многое терпит), но надо же подумать и о священниках и диаконах, которые, привыкая возглашать молитвы без молитвы, отвыкают молиться. Другое дело — помолиться бы о наших дорогих неверующих, но для этого нужно составить новую ектению и молитву священника.

В Великом посту назначена еще ектения о готовящихся к таинству Святаго Крещения (которое совершалось в Великую Субботу):

Елицы оглашении, изыдите, оглашении, изыдите.

Елицы ко Просвещению, изыдите: помолитесь, иже ко Просвещению...

Так напечатано в Служебнике. Что же делать — «изыдите» или «помолитесь»? Уже триста лет эта нелепость перепечатывается без исправлений; так перепугали нас старoverы. Только в редких изданиях правильное чтение отмечено на полях: не «изыдите», а «приступите»... Произносятся же все так, как напечатано — без смысла, и это очень характерно для нашего равнодушия. Впрочем, все равно ведь это анахронизм — нет ведь никого, иже ко Просвещению. А кающиеся (вот для кого бы ектению) смиренно «отстоят» и это совершенно непонятное празднoсловие.

38

«Иже херувимы тайно образующе»... Херувимов таинственно изображающе. Вот еще пример, как невозможен никакой новый перевод, возможно и крайне важно только объяснить и комментировать церковно-славянский подстрочник.

Сегодня можно констатировать «смещение центра» нашей литургии. Некогда «предложение» было расположено отдельно от алтаря, и процессия с Дарами шествовала к алтарю по храму под пение Херувимской. Следы этого сохранились и дoныне в текстах некоторых изданий Служебника: «...Я обходят храм, молящeся». У нас же теперь «предложение» закрыто иконостасом; и молитвы Евхаристии закрыты — заглушены пением (об этом потом — ниже). В результате Великий вход превратился в «великий выход» из святилища; а «Иже херувимы» стало для народа молитвенным средоточием литургии. В будущем храме — отделить «предложение» от алтаря и открыть молитвы Евхаристии. Тогда, только тогда все встанет на место.

Пока же, я думаю, не один я каждый раз бываю опечален от этой удивительной немusыкальнoсти, литургической бестактности нашего духовенства на Великом входе. Они должны торжественно выходить под пение хора, торжественно стоять до окончания пения. Нет — обязательно задержатся, идут в мертвой паузе... Или говорят на ходу.

Тут могут сказать мне: "Что-то уж слишком чувствительное отношение к церемониям. Церковь — не театр"... Но давайте объяснимся, условимся в принципе о стиле русского церковного Богослужения. Тут возможны только два направления. Либо — возвращение к простоте первоначального Христианства, и тогда вообще не нужно никаких церемоний. Либо — продолжение исторически сложившегося именно церемониального стиля церковного Богослужения. В данном случае у нас — торжественный обряд перенесения Даров на престол. Какое бы «символическое» (крайне спорное) толкование ни придать этому шествию с Дарами — его торжественность во всяком случае должна символизировать наше благоговейное отношение к таинству Евхаристии. А когда церемония совершается не церемониально, в пустой паузе — она превращается в отрицательный символ нашего небрежения; и к этому нельзя отнестись равнодушно.

39

«...Поминование на великом входе патриарха, епископа и "благочестивейшаго, самодержавнейшаго" — наше русское изобретение. Но откуда вы взяли, что у греков: "Всех вас православных христиан..."? Я ни в одном греческом служебнике этого не видел; там только "Всех вас (или нас, это звучит одинаково) да помянет Г. Б..." Так и у старообрядцев на Рогожском, сам слышал (служил архиепископ Флавиан, но и его не поминали). Так решил помянуть на великом входе и наш собор 1917-1918 г. Так и в "Богослужебных указаниях" на 1958 г. [6]. У литургистов эта формула не может вызвать ни малейших сомнений. После "помяни" уместно лишь краткое сокрушенно "мя" и "нас" и т. п. без всяких пояснительных титулов, а если пояснять, то тоже только в духе сокрушения и смирения, например: "мя студнаго и нечистаго", но никак не "православнаго" христианина...». *Из письма, 1959*

Вот оно что. А я думал — почему это всякий раз какая-то неловкость. «Православных христиан» — это значит ведь: «ортодоксальных христиан»... Титул «православный» — это награда, а когда он присваивается себе в первом лице, в нем явственно звучит похвальба и даже сектантство. То же, что с титулом «Богослов». Святой Иоанн Богослов, потом святитель Григорий Богослов, преподобный Симеон, Новый Богослов... Но когда люди сами себя величают «Богословами» — это ни с чем несообразная дерзость, которой мы не замечаем только потому, что привыкли.

Итак, «Всех вас да помянет»... Но нигде, нигде у нас этой единственно правильной формулы не произносят. Зато уж совсем вопреки Служебнику — всякие новопридуманные возгласения за митрополитов, архиепископов и епископов православных, священство, диаконство, монашество, весь причт церковный. И всегда досадно, что духовенство так много отводит само себе внимания. Я сам слышал, как один священник громко возгласил даже так: «Протоиерейство мое да помянет»... Впрочем, другой не забыл и мирян — избрал для них такое поминование: «Благотворителей, благоуказателей, посетителей, прихожан и богомольцев храма сего». Опять подумаешь: как можно доверять таким авторам церковную проповедь?

40

«Молитвы антифонов, равно как и молитву входа, священник, замечено в Служебнике, читает "тайно" и произносит во всеуслышание один лишь возглас или конечное славословие. Это отделение священника от народа при отпущении богослужения и его уединение от присутствующих в круг ему одному назначенных и ему одному доступных молитв стоит в противоречии с древне-церковною практикою. По воззрению древней церкви, и пастырь и пасомые, и священник и всякий верующий были полными участниками в совершении богослужения... В древнейшем списке литургии, Александрийском Людолфовом, прямо замечается о каноне евхаристии: «и повторяет народ слова епископа»:

... Как отозвалась замена гласных молитв тайными на самом строе церковной службы, легко понять из того, что она нарушила цельность богослужебного акта, разорвала его на две параллельные части и внесла разлад в то, что само по себе составляет одно нерасторгаемое целое. Что такое эта, если так можно выразиться, отдельная служба, представляемая мирянину подле другой параллельной, идущей в алтаре и отпущаемой священником? Мы слышим, например, возглас священника, но того, к чему он относится, что он подтверждает и уясняет, мы не знаем, потому что молитва, связанная с возгласом, читается священником тайно. А слышать один конец не значит ли слышать одни слова без мыслей?.. Что стало с евхаристическим канонам — этой таинственнейшей частью литургии — тою частью, которая сохраняет в себе осязательные следы древне-церковного духа и которая сосредоточивала на себе такую благоговейную заботливость со стороны древней церкви? Народу эта часть представляется в скудных отрывках. Часто притом выбранных не совсем удачно. Видимой связи между ними нет и не легко восстановить ее тому, кто не знаком с содержанием служебника и не читал самых молитв. А между тем евхаристический канон есть в высшей степени стройное и округленное целое, в нем так много высоких молитвенных элементов; и все это остается для народа недоступным. Древняя иерархия, сделавши богослужение вполне открытым для верных, представляя его в цельной и полной системе сознанию каждого, руководствовалась более верным и глубоким психологическим тактом, чем церковь позднейшего времени».

Проф. А. П. Голубцов,
«Историческое объяснение
обрядов литургии»

«В настоящее время все молитвы литургии, кроме заамвонной, у нас читаются священнослужителями тайно от народа. Вместо цельных молитв последний слышит лишь так называемые возгласы, то есть окончания молитв, содержащие славословие св. Троицы, большей частью в виде заключения причинного периода [7], или краткие извлечения, отрывочные фразы из середины их [8], между которыми нет видимой связи и не легко восстановить ее тому, кто не знаком с содержанием молитв и никогда не имел в руках Служебника. Совершенно обратное явление представляла в этом отношении литургийная практика первых трех-четырех столетий: там гласное, общенародное произнесение молитв предполагалось само собой, являлось своего рода *condition sine qua non* (непременное условие) самой литургийной службы...

...Трудно обозначить точно хронологический предел, с которого начала вытесняться древне-христианская практика общенародного произнесения литургийных молитв, и когда окончательно уступила она место тайному чтению последних. Есть основания утверждать, что перемена эта произошла приблизительно в пятом столетии, хотя начало ее было несколько раньше... В одной из своих бесед св. Иоанн Златоуст оставил нам осязательное доказательство того, что в его времена литургия продолжала сохранять свой прежний, вполне открытый характер и гласное чтение евхаристических молитв было делом обычным [9].

...В новые условия церковной дисциплины переносит нас 137-я новелла императора Юстиниана († 565), указывающая уже на существенное изменение столь крепко державшегося еще во времена Златоуста древнего обычая гласного чтения литургийных молитв. «Повелеваем, говорится в ней, чтобы все епископы и пресвитеры не тайно совершали Божественное приношение и бывающую при святом Крещении молитву, но таким голосом, который хорошо был бы слышен верным народом, дабы души слышащих приходили от того в большее благоговение, богохваление и благословение»... Но императорский указ, хотя и скрепявшийся авторитетом апостола (I Кор. XIV, 16-17, Рим. X, 10), не мог изменить, исправить дела и удержать начавшиеся движения в области богослужения. Новая практика, не будучи еще повсеместною, пустила однако же глубокие корни и имела за себя сильные голоса».

Проф. А. П. Голубцов.
«О причинах и времени замены гласного чтения
литургийных молитв тайными» [10].

Причинами перехода на «тайное» чтение евхаристических молитв, по мнению проф. А. П. Голубцова, были, с одной стороны, благоговейное стремление сохранить евхаристический канон от поругания толпы (в этой связи приводится рассказ Иоанна Мосха о детях, игравших в литургию и вызвавших словами Евхаристии огонь с неба), а с другой — начавшееся разделение между клиром и мирянами, не посвящаемыми во все тайны религии. По мнению А. П. Голубцова, имело влияние также и то обстоятельство, что в последующее время миряне все реже и реже приступали к Причащению, бывшему в первые три-четыре века общим для всех присутствовавших на литургии.

Все эти причины не уважительны. Закрытый характер литургии не помешал Л.Н.Толстому устроить поругание ее в «Воскресении». Напротив, можно с большой степенью вероятности утверждать, что Толстой не смог бы хулить литургию, если бы знал ее в древнем, открытом виде... Далее: если прятать от народа все, что священо, то выходит, что нужно скрывать от него и Евангелие. В значительной степени это и происходит сегодня: ибо читается Евангелие без перевода и в плохо отобранных отрывках. Но что же в этом хорошего?.. Разделение между клиром и мирянами есть явление отрицательное, сегодня это признают даже католики. Наконец, последнее: если христианин присутствует в храме, не намереваясь причаститься, — это не основание лишать его молитвенного участия в Евхаристии, которая, это известно по опыту, может и без Причащения оказать благодатное действие. А когда у нас, бывает, причащается вся церковь? Все равно — не слышит она молитв Евхаристии.

Можно полагать, что переходу на «тайное» чтение литургийных молитв способствовало также, попросту говоря, нерадение священства. Тут имело влияние еще и то обстоятельство, что молитва священника делала большой перерыв в пении. Мы и теперь, «декламируя» разговорной речью длинные молитвы, например, на Водоосвящении или при Венчании, последние слова их возглашаем распевно, чтобы воссоздать тон и вообще песенный стиль Богослужения. В литургии молитвы выпали, остались только распевные наши так называемые «возгласы»... Надо признать, что литургийные молитвы святителя Василия Великого действительно непомерно многословны для всенародного чтения. Молитвы святителя Иоанна Златоуста примерно в три раза короче. Не из этого ли сопоставления и пошло предание, что Златоуст «сократил» литургию святителя Василия? Как будто этим «сокращением» он хотел отнять всякий повод к переходу на «тайное» чтение этих молитв.

Как бы ни объяснять нам теперь это все исторически — факт тот, что сегодня у нас есть Евхаристия для священника, но нет Евхаристии для народа. Для народа осталось только Причащение, приготовленное тайно в закрытом алтаре... А ведь само это слово «литургия» значит — общее дело, общественное Богослужение. У нас это общее дело совершает один священник, возглашая для народа какие-то обрывки молитв Евхаристии. Народ же только присутствует, слушая не молитвы, а пение, искусственно растягиваемое со специальной целью — заглушить молитвы, которые читает священник. Священник при этом не может освободиться от горького «подсознания», что дивная красота этих молитв скрыта от молящейся церкви... Притом же сосредоточенное чтение одних слов, когда в это же самое время хор (а то и народ) поет другие слова — для священника очень трудно; и он постоянно боится, как бы пение не закончилось раньше его чтения, как бы не очутиться ему в тягостной паузе. Выходит, таким образом, что наша литургия неполная не только для народа, но и для самого священника. «Иже общия сия и согласные даровавый нам молитвы», — читает секретно от народа священник на Третьем антифоне; нет, неправда — это у нас уже не общие молитвы. И ведь кроме одной действительно тайной, личной молитвы священника в начале Херувимской — все литургийные молитвы составлены во множественном числе: мы... Кто же это мы, когда я сам себе читаю и только сам себя слушаю?

Мы говорим: литургия Златоуста. Но Златоуст ужаснулся бы, услышав свою литургию в положении нашего мирянина. Златоуст записал (привожу начало евхаристического канона в вольном русском переводе):

*Достойно и праведно
Тебя воспевать,
Тебя благословлять,
Тебя хвалить,
Тебя благодарить,
Тебе поклоняться
на всяком месте владычества Твоего.
Ибо Ты еси Бог
Неизреченный,
Неведомый,
Невидимый,
Непостижимый,
Вечный,
Неизменный — Ты,
и едиnorodный Твой Сын,
и Дух Твой Святыи.
Ты привел нас из небытия в бытие,
и отпадших нас — восставил опять,
все сделал,
доколе нас на небо возвел
и даровал нам Царство Твое будущее.
За все это
Благодарим Тебя,
и едиnorodного Твоего Сына,
и Духа Твоего Святаго —
за все, что мы знаем,
и чего не знаем,
за явные и тайные благодеяния Твои,
бывшие над нами.*

*Благодарим Тебя и за службу сию,
которую Ты изволишь принимать из наших рук,
Хотя Тебе предстоят
бесчисленные множества
архангелов и ангелов,
херувимы и серафимы,
многоочитые, окрыленные,
которые победную песнь поют,
воспевают, взывают, говорят:
«Свят, Свят, Свят Господь Саваоф»...*

Из всего этого Златоуст услышал бы у нас только возглас священника из закрытого алтаря: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще»... Оторванное от текста придаточное предложение. Не может быть никакого сомнения, что Златоуст не примирился бы с такой нашей нелепостью. Она должна быть исправлена. Но как это сделать?

41

...Из закрытого алтаря раздается возглас священника, и всегда в этом чувствуется что-то неладное. Все равно, как если бы разговаривать с гостем, крича из другой комнаты. Почему затворился священник от нас, молящейся церкви? Почему он произносит только оборванные концы фраз? Говорят, что он читает молитвы от нашего имени в то время, пока поют. Но зачем он скрывает от нас наши молитвы?

Священник затворился, а церковь осталась в распоряжении певчих. Им дела нет до священника, они поглощены исполнением какой-нибудь «Милости мира». Это — унылая или бравурная композиция, неестественно растянутая и кудрявая, с многократными повторениями слов... Трудно сказать что-нибудь об идейном содержании этой музыки; ее практическое назначение — как-то заполнить время «тайных» молитв священника. Он уже закрыт иконостасом, теперь надо заслонить еще какими-нибудь звуками секретные его молитвы. Регенту приходится терпеть его «возгласы», после которых приходится снова задавать или менять тон, так что после слов священника следует сначала не пение, а какое-нибудь там «си-соль-ми-си-ре-фа-ре-си», — и только после этого уже наконец «аминь». До сих пор с мучением вспоминаю, как в Смоленске будничным регент произносил при этом не названия нот, например, не «до-ля-фа», а громко возгласал: «у-лю-лю»...

Считается, что никак нельзя петь ничего «простого». Считается, что всякий раз нужно непременно менять «номера» и петь что-нибудь «новенькое». Ужасные провинциалы эти певчие, даже и в столицах... Так они загораживают своим пением от народа Евхаристию, молитвы которой в это время читает загороженный еще иконостасом священник. А народ мается от незнакомой, обычно к тому же и плохой или плохо исполняемой музыки. Кто старается уединенно молиться, кто размышляет о домашних делах, а кто и поворачивается уходить... И это — центральный момент Евхаристии! Если сумели мы так испортить свою литургию — то надо ли удивляться постигшим Церковь испытаниям?

42

До чего доходит непонимание литургии. В семинарии один иеромонах заметил, что служащий с ним благоговейный диакон тоже читает евхаристические молитвы; иеромонах остановился и строго запретил диакону читать молитвы.

В соборных служениях — как бы хорошо архиерею или старшему священнику читать литургийные молитвы вслух хотя бы для сослужащего духовенства... Но нет — каждый уединяется и смотрит в свою книжечку.

Молитву «Царю Небесный» и другие перед началом литургии духовенство читает «для себя» поперебой с чтением «для народа» заключительной молитвы Часов. Архиереи устраивают это среди храма, так что народ не знает, кого слушать. Трисвятое, «Верую», «Отче наш» духовенство читает в алтаре отдельно, «для себя», опережая пение. Удивительное непонимание.

Недостойное стремление клира отделиться от народа и «засекретить» от него общецерковные молитвы проникло и в другие службы. Вот, например, «бесконечно трогательная» (Флоренский) молитва Первого часа:

*Христе, Свете истинный,
просвещаяй и освещаяй всякого человека,
грядущего в мир! Да знаменается на нас
Свет Лица Твоего,
Да в нем узрим*

*Свет Неприступный.
И исправи стопы наша
к деланию заповедей Твоих,
молтвами Пречистыя Твоя Матере
и всех Твоих святых.
Аминь!*

Не редкость встретить священника, который произносит это приходу, вполголоса, а то даже заставляет певцов заглушать себя пением. Стихи на «Бог Господь», стихи на прокимнах (все это надо бы диакону петь) тоже всюду скрывается за пением хора. Великое Повечерие заканчивается краткой и сильной древней ектенией:

*Помолимся:
О ненавидящих и любящих нас!
О милующих и служащих нам!
О заповедавших нам, недостойным, молиться о них!
О в мори плавающих!
О избавлени плененных!
О в немощах лежащих!...*

И вот едва ли не повсеместно эти прошения произносятся нарочито неслышно для народа, во время непрерывного пения «Господи, помилуй». При хиротонии одновременно, не слушая друг друга, диакон или священник произносит ектению, епископ читает молитвы, а хор поет «Кирие, элейсон»... Что же нам смеяться над до-Никоновским «многогласием»: оно продолжается у нас и сегодня в святейших моментах церковного Богослужения, и корень этого зла все тот же — вера в магическую силу как бы то ни было произнесенных слов и отъединение клира от народа, сиречь от Церкви.

43

«Обновленцы» — вот тоже вконец испорченное слово в трагической русской истории. Впрочем, и по самой грамматической форме своей оно несет в себе момент некоторого пренебрежения (ср. «оборванцы» и др.) Странно, что люди сами себя могли называть так. Их программные документы, насколько я помню из поверхностных впечатлений, заключали в себе наряду со светлыми идеями и немало всякого вздора...

Но огромное впечатление с детских лет и на всю жизнь произвело на меня новое Богослужение, которое я наблюдал в храме покойного епископа Антонина в Москве. Можно в общем сказать, что теперь у нас в храме народ как бы только наблюдает со стороны "службу", которую совершает хор, диаконы и священники. И под аккомпанемент этой "службы", наблюдаемой со стороны, человек у нас молится и сам — то уединенно, то сближаясь с ней... И только в некоторые моменты, например: при общем пении "Кресту Твоему", "Отче наш" — Богослужение наше становится на несколько минут всенародным. Вот на таком уровне было все Богослужение в храме епископа Антонина. Вспоминаю наиболее существенные моменты. Престол вынесен на солею, так что иконостас оказался за ним и алтарь совершенно открыт. Ни регента, ни певчих в нашем понимании слова нет, все поет народ простейшими напевами. Стихиры поют за канонархом, короткими фразами; стихир мало, вообще всенощная очень сокращена. Все — на русском языке... Теперь-то я понимаю, что звучало это, конечно, довольно неуклюже, иногда даже и очень; но в то время не замечал, поглощенный открывавшимся смыслом. Особенно поразила и захватила меня литургия. У нас теперь она закрыта от народа не только иконостасом; самый текст ее заслонен пением хора, народ и не подозревает — какие дивные молитвы читает священник в алтаре во время этого искусственно растягиваемого пения. И только малые кусочки, краткие «возгласы» священник произносит вслух... В храме же епископа Антонина народ видел и слышал все, участвовал во всем... [11]

И далее следовало всенародное призывание Духа Святого... Это не был нервный экстаз, который так отвратителен нам у сектантов. Это было взволнованное мужественное (большинство в храме были мужчины) благодарение. «Евхаристия» и значит ведь «Благодарение». «За все, что мы знаем, и чего не знаем»... «Не отступил ни перед чем, все сделал» для свободного спасения человека. Была уверенность, что можно вот так прямо обращаться к Богу: «Ты, и едиnorodный Твой Сын, и Дух Твой Святой». Главное же, была глубокая, какая-то осязательная уверенность, что силою Божественной любви совершилось свободное спасение мира... Но невозможно, конечно, изобразить словами благодатное действие открытой Евхаристии. Надеюсь, Вы оцените хотя бы отчасти красоту этих древнейших молитв Церкви, обработанных самим Златоустом. Да и все молитвы в открытой литургии были так хороши, что никаких «частных» молебнов и панихид после уже не совершалось... Имена живых и усопших близких во время Евхаристии каждый поминал сам в торжественном общем молчании. Что еще вспомнить? Ектений были сокращены по количеству, но дополнены новыми (вероятно, реставрированными древними) прошениями, например, о младенцах и детях Церкви. Апостольские Послания и Евангелие читались на русском языке лицом к народу... Епископ служил без встречи, без шлейфа, без митры, посоха, орлецов, целований рук, поклонов и прочих архиерейских принадлежностей; но были у него светильники. Помню священников: никто никаких денег в храме не получал, все после принятия священного сана оставались на гражданской работе (тогда был ВР [12]) и вообще

было в этом отношении легче). Один священник был одновременно юрист, другой — инженер, третий — кустарь, чуть ли не сапожник... Служба была только по воскресеньям и большим праздникам, а также и вечером накануне. За исключением древней Евхаристии каждый раз что-нибудь обновлялось — менялось, формировалось, вплоть до появления не переводных уже, а новых русских и притом стихотворных канонов; я их не помню и о качестве судить не берусь...

Конечно, большое значение имели личная одаренность и чистота намерений реформаторов. В частности, епископ удивительно душевно читал евхаристические молитвы нараспев, в какой-то совершенно своеобразной мелодии; а священник, тот, что был и юристом, очень хорошо произносил их патетически, не нараспев (не знаю, как называется такая манера чтения). Но входить в личные характеристики здесь я не буду, и так я отвлекусь от темы, которая Вас занимает. Я вспоминаю все это в связи с Вашими как бы недоумениями о церковном Богослужении. Оно может быть прекрасно — может быть все светоносно, в каждом моменте может возбуждать высокие чувства — быть в этом смысле истинным служением Богу... О вкусах не спорят, можно по-разному относиться к опытам, о которых я вспоминаю; но и в другом "стиле" творческое отношение к священному писанию дало бы удивительные результаты. Если Вам больше по душе древняя икона, то и в службе церковной, я думаю, Вас привлекли бы опыты художественной реставрации эпох, когда писались иконы: лампы в полумраке, мужские хоры (непрерменно два "лика"), изысканные древние напевы, в которых запечатлелась духовная сила святых... Я способен оценить и это; но и здесь потребовались бы великие творческие перемены, в частности, большие сокращения текстов, борьба с электричеством, с дурными привычками певцов, да и самого народа... Словом, в наших условиях это невозможно...». *Из письма, 1963*

Итак, для открытой литургии потребовался бы открытый алтарь и русский язык, понадобились бы особенно одаренные служители — и даже особенно взыскательный народ. Проблема открытой Евхаристии относится таким образом к области церковной футурологии. И прежде всего это следует сказать о нашем брате — служителях... Сегодня мы можем только с великим ужасом вообразить, как многие из наших знакомых священников и архиереев стали бы читать открытые евхаристические молитвы. Тут как и с проповедью: редкому священнику можно было бы сегодня дать разрешение служить открытую литургию. Какой страшный риск: опошлить, испортить святейшее Таинство Церкви! Нужно прямо признать практически положительное значение того факта, что в закрытом чтении евхаристических молитв скрываются и уравниваются личные качества священнослужителей: ибо краткие наши «возгласы» мы все произносим более или менее одинаково, — и таким образом внешняя сторона Евхаристии остается у нас независимой от голоса, культуры, даже от настроения служителя.

Будущие формы открытой литургии могут быть найдены только в практических священных экспериментах. Заранее можно сказать, что молитвы святителя Василия Великого окажутся непригодными для открытого чтения вследствие чрезвычайной их много словности. В древнейшей рукописи литургии написано: «м повторяет народ слова епископа»; должна быть проверена и такая возможность, предлагающая, конечно, предельную краткость этой коллективно произносимой молитвы. А такое общее чтение не преобразится ли потом в общее пение евхаристических молитв?.. Не обязательно, чтобы все это решалось для всех одинаково.

Возникнут и некоторые принципиальные проблемы. Можно уподобить в этом отношении Евхаристию священному Писанию. Когда мы начинаем вполне понимать его в чтении на родном языке, то вместе с радостью открывающегося смысла нам открываются и трудные для современного человека недоумения и проблемы. Консерваторы думают, а иногда и прямо говорят: зачем церковному народу эта затруднительная ясность — нет, будем читать Писание на непонятном языке, нараспев, и пусть оно так и остается для народа под покровом священной таинственности. Видят даже некую особую мудрость иерархии в том, что от народа так закрыто Писание и так закрыта Евхаристия: мол, охраняется святыня. Да — но какую ценою? Ценою самой святыни! Ибо в конечном счете мы остаемся без Писания и без Евхаристии.

44

Но что же нам делать сегодня, какой совет дать сегодня сознательному христианину — как молиться ему во время совершения Евхаристии? Вопрос не новый — и были в популярной душевспасительной литературе издания, которые предлагали на этот случай скверные молитвы собственного изобретения, но никак не хотели открыть мирянину подлинных молитв Евхаристии.

Они напечатаны в Служебнике. Их нужно выписать и читать шепотом или в уме вместе со священником. В такой практике они очень скоро запомнятся наизусть. Первая молитва — во время пения «Достойно и праведно» приведена в одной из предыдущих заметок (40). Далее

Священник: *ПОБЕДНУЮ ПЕСНЬ...*

Хор: *СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ...*

Священник (и мы с ним): *С сими блаженными Силами мы, Владыко, Человеколюбие, возглашаем и говорим: Свят еси и Пресвят Ты, и едиnorodный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя, Ты мир Твой так возлюбил, что Сына Твоего едиnorodного отдал, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Он пришел, и все о нас устроение исполнив, в ночь, когда Он был предан, (скорее — Сам Себя предал ради жизни мира), взяв хлеб во святые Свои и пречистые, и непорочные руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, преподал святым Своим ученикам и апостолам и сказал: ПРИИМИТЕ, ЯДИТЕ...*

Хор: АМИНЬ.

Священник (и мы с ним): *Подобно и чашу после вечери, говоря: ПИИТЕ ОТ НЕЯ ВСИ...*

Хор: АМИНЬ.

Священник (и мы с ним): *Воспомявая сию спасительную заповедь и все, что ради нас было и будет: крест, гроб, тридневное Воскресение, на небеса Восхождение, одесную Отца пребывание, второе во славе Пришествие, ТВОЯ ОТ ТВОИХ...*

Хор: ТЕБЕ ПОЕМ...

Священник (и мы с ним): *Еще приносим Тебе словесную сию и бескровную службу и просим, и молим, и умоляем: ниспосли Духа Твоего Святаго на нас и на предлежащие Дары сии.*

В это время в алтаре совершается Освящение Даров. Здесь в церковно-славянском тексте Служебника наше русское нововведение — тропарь призывания Духа Святаго и стихи из Псалма 50. Это знак особо благоговейного отношения наших предков к святой Евхаристии:

Священник (и мы с ним): *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в Третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся.*

Диакон (и мы с ним): *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.*

Священник (и мы с ним): *Господи...*

Не, отвержи мене от Лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми от мене.

Священник (и мы с ним): *Господи...*

Эти чтения помогают усиленно сосредоточиться в молитве. Я недостойн давать советы; но одно, несомненно, опытно многим известно: в это время бывают благодатные озарения души. По слову апостола, это — причастие (общение) Духа Святого, вкушение силы грядущего века (к Евреям, гл. 6)... Некоторые находят нужным в этот момент помолиться о самом важном, о самом заветном. «Вспомните меня во время ТЕБЕ ПОЕМ», — писал мне один выдающийся христианин в очень трудных обстоятельствах. Молитве о других и посвящается вся последующая часть Евхаристии. Она начинается с таинственных слов — с молитвы о святых; вероятно, лучше сказать — с благодарения за святых:

Священник (и мы с ним): *Еще приносим Тебе словесную сию службу о в вере почивших праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, проповедниках, мучениках, исповедниках, подвижниках, и о всех праведных душах, в вере скончавшихся, ИЗРЯДНО (особенно же) О ПРЕСВЯТЕЙ...*

Хор: ДОСТОЙНО ЕСТЬ...

Священник (и мы с ним): *О святом Иоанне Пророке, Предтече, Крестителе, о святых славных и всехвальных апостолах, о святом (имя-рек), егоже и память совершаем, и о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже. И помяни всех усопших в надежде Воскресения в жизни вечной. (Вспоминаем имена). И упокой их, идеже присещает свет Лица Твоего. Еще молим Тя: помяни, Господи, всех епископов, верно преподающих слово Твоя истины, всех пресвитеров, диаконов и весь священный чин. Еще приносим Тебе словесную сию службу о святой соборной, апостольской Церкви, о пребывающих в чистоте и честном гражданстве.*

Священник: *В ПЕРВЫХ ПОМЯНИ...*

Хор: *И ВСЕХ И ВСЯ.*

Священник (и мы с ним): *Помяни, Господи, город сей, где мы живем, и все города, и все страны, и живущих [13] в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спаси их. Помяни, Господи, добро творящих [14] и помнящих о бедных, и на всех нас милости Твои ниспошли. (Вспоминаем имена).*

Во время краткого пения «И всех и вся» невозможно прочитать все это; приходится, как и поступают священники, продолжить чтение во время просительной ектений — повторной на литургии. Имена усопших и живущих — только некоторые, все имена должны быть уже ранее помянуты на ектениях. Часть текста оставлена в церковно-славянском переводе.

Должно признать, что молитвы после Освящения Даров несколько сбивчивы и оставляют впечатление, что образовались из добавлений разного времени. В будущем они должны быть пересоставлены. В литургии святителя Василия Великого заключительная молитва Евхаристии многословна, но по содержанию более цельна. Вот для примера отрывок:

*...супружества их в мире и единомыслии соблюди:
младенцы воспитай,
юность настави,
старость поддержи,
малодушные утеши,
расточенныя собери,
прельщенныя обрати
и совокупи святей Твоей Церкви:
стужаемыя от духов нечистых свободы,
плавающим славай,
путешествующим спутешествуй,
вдовицам предстани,
сирот защити,
плененный избави,
недугующия исцели.
На судищи и в рудах,
и в заточениих,
и в горьких работах,
и во всякой скорби, и нужде,
и обстоянии сущих
помяни, Господи.
И всех, кому потребно великое Твое милосердие,
и любящих нас, и ненавидящих,
и заповедавших нам недостойным молиться о них,
и вся люди Твоя
помяни, Господи Боже наш,
и на вся излей богатую Твою милость,
всем подая иже ко спасению прошения.
И иже мы не помянухом неведением, или забвением, или множеством имен,
Сам помяни, Боже...*

В таком настроении, в приобщении ко всеобъемлющей Божественной любви заканчиваются молитвы Евхаристии. Сознательное участие в них даже и без телесного Причащения может стать важным фактором в духовной жизни... Когда же предстоит Причащение, то хорошо прочитать из Служебника молитву святителя Иоанна Златоуста:

*Тебе предлагаем
жизнь нашу всю и надежду,
Владыко, Человеколюбче,
и просим, и молим, и умоляем:
сподоби нас причаститься
небесных Твоих и страшных Тайн,
сея священныя и духовныя Трапезы,
с чистою совестью,
во оставление грехов,
в прощение согрешений,
во общение Духа Святаго,
в наследие Царствия Небесного,
в дерзновение еже к Тебе,
не в суд или во осуждение.*

Есть сила благодатная во всех молитвах Служебника, которые закрыты сегодня от простого христианина. Только тайным соучастием в этих тайных молитвах — только таким неестественным способом может он хоть

отчасти приобщиться к Таинству святой Евхаристии. И все равно: вместе со священником он останется в совершенном отъединении от окружающего его в храме народа.

45

Стоишь в храме с мирянами и с негодованием наблюдаешь, как искажается у нас чин Причащения. Во-первых, сами батюшки причащаются слишком долго. По Служебнику они должны успеть совершить это под пение Причастного стиха; а у нас после стиха обязательно поют еще длинный «концерт», читают молитвы, снова поют... Заглянем в алтарь: священник читает для себя благодарственные молитвы (хотя по Служебнику это положено делать после отпуста, вместе с народом), либо просто прохлаждается, в то время как народ (иногда в давке переполненного храма) томится в ожидании. Отвратительно видеть это кастовое пренебрежение духовенства к мирянам, телу Церкви, проявляемое при святейшем Таинстве, самая сущность которого — единение во Христе всех верующих.

Причащение народа начинается с унижительной мелочи: убирают ковер... Когда Причащение ведется из одной чаши — есть возможность причащать мирян во святых вратах, в самых святых вратах — так, чтобы причастник почти входил в алтарь. Но нет — батюшки отодвигают Причащение подальше от алтаря на край солей. Уничтожение Причащения совершается и в пении: хор споев «Тело Христово» и надолго замолкает. Хорошо еще, если тут вступится новый хор и время от времени тянет то же «Тело Христово»... Следует разрешить исполнять во время Причащения «Вечери Твоя тайныя» Святителю Иоанну Златоуста. Вот где нужен концерт:

*Вечери Твоя тайныя
днесь, Сыне Божий,
причастника мя прими:
не бо врагом Твоим
тайну повем,
ни лобзания Ти дам,
яко Иуда,
но яко разбойник
исповедую Тя:
помяни мя, Господи,
во Царствии Твоем...*

Причащение заканчивается окриком диакона: «Все причастились?!..» Никому и ничему этот «возглас» не помогает, но стал уже дурным обычаем. Чаша уносится в алтарь — и наступает нехорошая пауза: священнику надо тщательно прибраться на престоле, а певцы споют поспешно, небрежно «Аллилуйя» и молчат. Да куда же вы спешите, спойте нам торжественную, красную «Аллилуйя» — и не 3, а 6, 9 раз, сколько будет нужно, чтобы не было этой глупой паузы. «Аллилуйя», «Видехом свет истинный», «Да исполнятся уста наша», ектения, — все это должно быть музыкально решено как единое целое, торжественное благодарение по святом Причащении.

45-А

Приложение. Запишу здесь окончание торжественного благодарения по святом Причащении — во глас второй Киевского распева. Мелодия в первом голосе: [...]

[6] Приложение: Формулы поминовения чиновначалия церковного..., С. 234-235.

[7] Например, Яко Твоя держава, Яко благ и Человеколюбец Бог еси, Яко подобает Тебе всякая слава и проч. (прим. Голубцова).

[8] Как то: Победную пестю погоще, Примите, ядите, Пиите от нея вси и проч. (прим. Голубцова).

[9] Беседа 18 на II Послание к Коринфянам, Беседа на Деяния. (прим. Голубцова).

[10] «Богословский вестник», 1905, сент. С. 68-77.

[11] Приводится текст евхаристических молитв до Освящения Даров. (Прим. о. С.)

[12] Так в рукописи.

[13] В Служебнике: «верою живущих».

[14] В Служебнике: «во святых Твоих церквах».

Акафисты

46

Акафисты имеют у нас двоякое значение для верующих. Одно — утилитарное, «обетное», когда человек «заказывает» для себя непременно «отдельный» акафист и считает долгом «отстоять» его, не вникая особенно в содержание.

На Урале в храмах после литургии бывает, что все наличные священники, диаконы и «церковницы» одновременно в разных местах храма читают такие «заказные» акафисты. Помню, в Златоусте регулярно приходила в храм женщина и заказывала акафист Пресвятой Троице. Акафист этот — «тяжелый», священники старались от него уклониться; читал его ей обычно диакон какой-то сверхъестественной скороговоркой, сам ничего не понимая. Женщина слушала и уж конечно абсолютно ничего не понимала; но через неделю-две снова являлась и заказывала: «В других церквах нет этого акафиста».

Более отрадно второе значение акафистов, которое они приобрели себе в последние десятилетия в качестве вечернего общественного Богослужения. Народ церковный сравнительно хорошо посещает такие общие акафисты, и с этим приходится считаться — наперекор отрицательным суждениям о содержании акафистов. Митрополит Антоний Храповицкий еще в начале века писал:

«Известно, что только два акафиста — Христу и Богородице, переведенные с греческого языка, отличаются высокими достоинствами, терпимы еще переводные акафисты Успению и св. Николаю, да переделанные из униатских архиепископом Иннокентием. Акафисты же святым и иконам Богоматери представляют собою повторение бессодержательных ублажений... Правда, они по плечу современным христианам, но мало служат духовной пользе, а более соответствуют религиозному утилитаризму. Совсем выводить их из употребления священник не должен, если это послужит к большому огорчению молящихся, но ему следует постепенно совершенствовать вкус последних уставным исполнением Богослужебного чина и обиходными напевами: тогда они сами предпочтут лучшее». (*Сочинения, 1900*)

Но «уставное исполнение Богослужебного чина» и предполагается ведь у нас в виде вечерни и утрени перед акафистом; и однако же народ церковный «предпочитает» собираться после этих служб специально к акафисту. Вот как нельзя более наглядное свидетельство, что наличная наша «уставность» не удовлетворяет запросов народа. В «службе» он не участвует и молчит, на акафисте — поет; в «службе» священник молится отдельно и секретно от народа, на акафисте — вместе с ним... После вечернего акафиста бывает возможность задержаться и попеть без устава простые любимые молитвы.

Действительно, в более древних переводных акафистах есть тексты, исполненные живого чувства, выраженного со своеобразной, иконописной красотой. «Иисусе предивный, мучеников крепосте, Иисус претихий, монахов радости»... «Иисусе, сило непобедимая. Иисусе, милосте бесконечная. Иисусе, красота пресветлая. Иисусе, лобы неизреченная»... «Иисусе, цвете благовонный, облагоухай мя... Иисусе, одеждо светлая, украси мя. Иисусе, бисери честный, осияй мя»... «Радуйся, апостолов немолчная уста. Радуйся, мучеников непобедимая дерзосте»...»... «Сего бо ради высокий Бог на земли явился смиренный Человек, хотяя привлеци к высоте Тому вопиюция: Аллилуйя». Это — образцы высшего порядка. Но много и текстов, снижающих такое впечатление. Среди недостатков переводных акафистов — их многословие (примерно около полутора тысяч слов в акафисте) и грубая искусственность формы: назидание, назначенное для слушателя, адресуется обычно не им, а Лицу, которому посвящен акафист.

Русский народ любил акафисты, и Синод разрешил составлять новые акафисты. Открылась как будто возможность русского литургического творчества в этой форме. Увы!.. Поучительна неудача, которая тут нас постигла. Скоро во множестве появились бездарные перепевы греческих акафистов — без их духовных и художественных достоинств, но с еще более искусственной молитвенной формой, с еще большим многословием... И даже с обязательным немислимым акростихом из русских слов, начальные буквы которых дают греческий алфавит. Например, мы замечаем, что во всех наших акафистах кондак III начинается словом «Сила», кондак XII — словом «Благодать»; это потому, что по-гречески это будет соответственно «Динамис» и «Харис» — слова, начинающиеся соответственно с четвертой и двадцать второй букв греческого алфавита... Русские акафисты — это произведения не искусства, а ремесла, изготовленные по одному шаблону с заданием «изобразить» житие святого или историю чудотворной иконы и заполнить все двенадцать икосов какими-нибудь ублажениями вслед за обязательным «Радуйся», а во всех двенадцати кондаках подъехать как-нибудь к «Аллилуйя». И все это словоплетение ведется непременно во втором лице, в нелепой, почти кощунственной форме назидательного рассказа святому о его же житии или Богоматери о Ея же иконе... Вот пример, как это получалось в сочетании еще и с известными политическими настроениями:

«Слышаше внезапно весть об убиении благоверного князя Андрея, буйнии мятежницы от народа, движимии безначалием и убийством ринушася град Владимир опустошати и расхищати: лик же священныхников и вси благочестивии людие притекаша к Тебе, Богомати, носяще чудотворную Твою икону, слезные мольбы на стогнах града вознесоша Ти, да прекратиши безумное умов движение, и мир во граде водвориши. Тогда убо дивное зрелище бысть: идеже бо святую икону Твою пронесоша, толпы народа смиряхуся, и падиши на колена, со слезами и рыданием моляхуся: .. Радуйся, от пагубного духа века сего нас отклоняющая. Радуйся, повиноватися властем нас научающая. Радуйся, дерзновенно возстающих противу Богоставленной власти обличающая. Радуйся, крамолы нечестивых сынов погибельных разрушающая. Радуйся, юныя умы от заблуждений на путь правый направляющая. Радуйся, душевредная учения низлагающая».

(Акафист в честь иконы
Б. М. Владимирская,
Икос, IV)

Сегодня мы не только слушаем, но и сами своими устами читаем это все, мы, до самого высокого начальства включительно. Что это с нами?.. Вот еще образец:

«Вси людие Псковстии, со князем своим и освященным собором, изнесоша гроб твой честный, святыи благоверный княже Всеволоде-Гаврииле, из храма святого великомученика Димитриа, и егда приближашася с ним ко вратом Пскова, именуемым Смердим, абие ста гроб твой недвижим дондеже по повелению твоему новая врата в стене града пробиша, и теми гроб твой пронесоша в соборный храм Святыя Троицы, дивящася сему чудеси и вопиюще ко Господу: Аллилуйя».

(Акафист святому князю Всеволоду, Кондак IX).

Но цитировать подобные в разных отношениях недостойные места из наших акафистов — это значило бы переписать едва ли не большую часть их текста. За редкими исключениями, воистину — они ниже критики, эти печальные памятники великого упадка. И когда вспомнишь, что посетители акафистов почти не слышат в храме Евангелия и совсем не слышат молитв Евхаристии и учительных чтений — становится не по себе от сознания, что мы систематически создаем одностороннее и даже искаженное представление о Христианстве в нашем церковном Богослужении. А мы еще не прочь иногда и посетовать благодушно, что иные завсегдагаи акафистов, в сущности, — очень уж поверхностные христиане... Но серьезному человеку нечего делать на этих акафистах.

Русские акафисты свидетельствуют одновременно и о неудаче нашего литургического развития, и о потребности в нем. Прежде всего необходимо строго ревизовать и привести в относительно приличный вид существующие акафисты: особенно невыносимые тексты — изъять; другие подправить, подсократить, пересоставить, освободить от мертвой схемы греческого акростиха и перевести описательную часть от второго лица в третье; может быть, акафисты «иконам» объединить в один общий Богородице, собрав в него лучшие цветы акафистного красноречия и варьируя только привычные народу конечные припевы, в зависимости от иконы, пред которой читается акафист; сократить непосильное для составителя и утомительное для слушателя число кондаков икосов и припевов...

Но все это будет, конечно, только ремонт. Думается, что русское литургическое творчество, достойное этого имени, не примет формы акафиста.

47

Обмен письмами, 1964:

«...Акафист как жанр церковной поэзии уступает канону и еще более древнему жанру кондака. Со стороны содержания он лишен того глубокого богословствования, той проникновенности, какая свойственна древнехристианским гимнам и молитвам с именами Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и других им подобных витий церковных. Это мнение не мое, а авторитетных русских иерархов — митрополита Филарета, который рекомендовал вместо введения акафистов соблюдать совершение положенных уставом служб суточного круга — до повечерия и полунощницы включительно с пением всех положенных на данный день стихир, канонов и прочих песнопений.

Такою же отрицательную оценку акафистов давал архиепископ Антоний Храповицкий. Но все эти рассуждения при всей их бесспорности теряют свою убедительность, как только мы входим в храм, наполненный народом, и слышим, с каким воодушевлением этот народ поет акафист. Вот она, "теплота веры, исполнь Духа Святаго"! Она-то и восполняет "немоци немощных" — как самого произведения, так, очевидно, и его автора и тех, кто решился заменить уставные службы совершением акафиста».

«Бесспорно, акафисты удовлетворяют молитвенной потребности известной части церковного народа. Тем более важно было бы по возможности исправить тексты акафистов, нередко настолько несовершенные, что следовало бы назвать их непригодными. Не стану подбирать особо отрицательных примеров, приведу один "обычный" кондак из акафиста пред Казанской иконой Божией Матери:

Кондак VIII: Странно и сумнительно маловерным слышати, како от иконы Твояе токи благодати истекают, благоухание животворящее исходит, мы же, веруя слову, ременному Тобою, Владычице, к первоначальной иконе: "С тобою Моя благодать и сила", уповаем, яко и с сею иконою благодать Твоя выну; темже благоговейно предстояще лобызаяем, поклоняемся ю яко Тебе Самей сущей, честь бо иконы на первообразное восходит, и Твоя благодать сею иконою знамения и чудеса содевает всем, с верою притекающим к Тебе и вопиющим Богу: Аллилуйя.

Что это? Это поучение об иконопочитании, обращенное не к маловерным людям, а к Божией Матери. В этом тексте — искусственность и фальшь, немыслимые в молитве. Верно, что вопреки всякой такой «поэзии» благодать Божия действует в сердцах молящихся. Но я-то, Божией милостью священник, могу ли я по совести так на этом и утешиться, успокоиться?...

И потом — всему свое время. Одно дело — акафист для любителей по вечерам после уставной службы. Но совсем другое дело, когда акафист, какое-нибудь бездарное сочинение барона Нольде, вторгается в середину воскресной всенощной. У нас есть соборные храмы, где акафисты непременно включаются в чин всенощного бдения под каждый день воскресный, под каждый двенадцатый праздник, даже под Рождество Христово, даже под Троицын день, даже при выносе плащаницы, даже в дни святой Пасхи, даже при поминовении усопших. Эта акафистомания совсем не духоносна, просто это люди, как говорится, совершенно сбились с панталыку — невежественные, церковно-некультурные люди. Как будто на всенощной или в службах Страстей, Пасхи, поминовения усопших мало воистину благодатных моментов, которые надо бы только не портить, только хорошо исполнять... Но некому нас урезонить, усовестить; и никому до этого дела нет...»

«С каким воодушевлением этот народ поет акафист»... А я сказал бы: горланит акафист. В свое время будущий отступник протоиерей Осипов хвастал, что это он привез из Эстонии такой обычай и этот нудный напев... Есть священники, которые распевают акафисты в состоянии некоей блаженной простоты. И есть священники, которые испытывают отвращение к акафистам, но участвуют в них «из уважения к народу» — лицемерно. Интеллигентный мирянин может не посещать акафистов; может не посещать и всенощных, когда они испорчены акафистом. Но интеллигентный священник принужден будет лицемерить... В других условиях мы объявили бы «забастовку священников» — просто решительно отказались бы от участия в акафистах или в чине Погребения Божией Матери (об этом — потом, ниже). Но что предложили бы мы народу взамен акафиста, скажем, вечером в воскресенье? Не повечерие же и полунощницу... Заменить акафист могла бы торжественная вечеря с антифонно-народным пением, с хорошим учительным чтением — что-нибудь вроде «песенной вечерни» христианской древности.

Пока же высшая церковная власть должна бы изгнать акафисты хотя бы из воскресных и праздничных всенощных. Тут и народ ни при чем, это завели глупые служители, а народ был бы только рад такому вмешательству.

«Требы»

48

«Брат в церковь почти никогда не ходил», — вспоминала сестра Владимира Сергеевича Соловьева. И так же поступают сегодня многие верующие соотечественники великого христианина. Наши «переполненные храмы» в городах — это особенные любители, церковники, «празднолюбцы», как выражаются стихиры, это ничтожная часть верующего населения. Остальные «не ходят»... Почему? Только ли потому, что «стесняются»? Эта причина может иметь место в провинциях. Но вот — Москва с ее четырьмя десятками храмов: здесь я лично знаю многих христиан, которые в церковь «почти никогда не ходят».

Если бы Владимира Соловьева пригласили говорить проповеди или читать популярные лекции в храме — он, я думаю, туда бы ходил. Мирянину у нас нечего делать в церковном Богослужении; он должен только слушать и молиться, во всем остальном без него обойдутся... Что же слушать и как молиться? Воображаю себе нашего мирянина в храме. Вот он в субботний вечер пришел ко всенощной. Умилился, молится. Но вдруг на клиросе заорали и завизжали какую-то незнакомую композицию: очень досадно, зачем они это?.. Или начинается нудное «вычитывание» псалмов, канона. И вот он томится, переминается с ноги на ногу, скучает, размышляет о постороннем; уж не пойти ли домой? Русское церковное Богослужение представляет собою для современного посетителя унылую пустыню плохого чтения и плохого пения с редкими благодатными оазисами молитвы. Хорошо, если из детских впечатлений, когда нас принудительно приучали к церковности, мы успели полюбить эти задушевные моменты — и теперь ждем их за общей «службой». Если же нет — наш посетитель уйдет из храма без охоты когда-либо возвратиться. Вот почему многие из нас «не ходят» в храм; нас не привлекает русское церковное Богослужение.

...Но вот — случай, когда те, кто «не ходят», появляются в храме. Это — так называемая «треба», живая, насущная потребность: они пришли окрестить ребенка, похоронить родственника или друга... Вот — случай, когда для нас, служителей храма, возникает долг и возможность, возможность в легкодоступной «малой форме» ответить этим редким посетителям храма красотой обряда, явить им славу Христианства. Больно вспомнить... С первых же дней священства я столкнулся с удивительным общим взглядом русского духовенства на «требы» как на какой-то нарочито пониженный и неряшливый вид церковного Богослужения. Считается, что «требы» нужно служить походя, с разговорами в небрежной манере, нередко в грязных ризах. Считается, что «требы» нужно петь плохо, как придется, и вовсе не беда, если священник служит тут без певцов, говоря, например: «Мир всем» и сам себе отвечая: «И духови твоему»... Это, так сказать, литургическое выражение поповской жадности настолько в порядке вещей, что священник, который пригласил бы певцов на «требы» за свои деньги, возбудил бы среди собратьев подозрения и насмешки. В богатых городских храмах, где несколько священников, «требы» совершаются иногда особенно гадко, по особенному дьявольскому чину, когда священники одновременно служат молебен и панихиду, и крестят младенцев, и отпевают покойника, образуя кошунственное смешение звуков и впечатлений.

«Холодные сапожники». Это выражение употребил однажды мой бывший гражданский шеф, насмехаясь над бухгалтерами, которые не уважают своей профессии. Это выражение вспомнил я, когда стал священником и увидел, как действуем мы на так называемых «требах». Живо ощутил я, что мне стало бы стыдно показаться моим «мирским» родным и знакомым в этой подчас чуть ли не антирелигиозной деятельности духовенства... До смерти не забуду случай, когда я дежурил в кладбищенском храме и принесли хоронить учительницу. Принесли товарищи; гроб поставили сначала у церкви и долго совещались. Потом решились — внесли ее в храм, уплатили в свечной ящик деньги. Это была удивительная покойница: она скончалась с улыбкой — и продолжала улыбаться в гробу... И надо же было — на грех отлучился у меня в это самое время слепой бас, которого я приспособил для пения, который умел составить хорик из любых трех голосов. И пришлось мне в присутствии столь важных, столь дорогих гостей совершать плохое, недостойное отпевание... В тот вечер я записал в дневнике, что вот работал ты бухгалтером — и Церковь от того не страдала; а стал служить священником — и приносишь вред Церкви.

Увы! И впоследствии меня не раз посещало верное соображение, что антицерковная традиция насмешливого отношения к «попу» возникла отчасти из нашей церковной традиции плохого, недостойного совершения «треб», в котором священник выглядит как человек, сам не уважающий своего служения.

49

Холодные сапожники. Свердловск, 1946. Знакомая семья. Старушка-мать рассказывает о сыне — Николае Ивановиче. Он в церковь давно уже не ходил, и она не знала — верующий ли он человек. Но вот война, попал он на фронт — и писал оттуда примерно так: мама, очень опасно, не знаю, жив ли буду через час. Прости, если я в чем огорчил тебя. Не забывай «Московскую» остановку!.. Это была остановка трамвая у Церкви, он стеснялся писать: помолись за меня!

Кончилась война, и Николай Иванович вернулся домой невредим. Мать говорит ему: ну, теперь поедем, Коля, на «Московскую» остановку? Да, да, конечно, поедем. В храме она заказала благодарственный молебен. Дождалась конца обедни и протолкалась вперед... Боже, что тут поднялось! Священник служил молебен спиной к алтарю, давая одновременно крест; по углам «церковницы» читали одновременно три акафиста; слева другой священник одновременно служил панихиду; справа вопили младенцы — это третий священник начинал крестить их... «Пойдем, мама, отсюда», — сказал Николай Иванович.

Больше он в храм опять не ходил. Я познакомился с ним: хороший, молчаливый человек. Глубоко верующий человек: Бог говорил с ним в военной грозе... Смастерил себе собственную философию — Бог, мол, везде — и в церковь не ходит.

А я ведь знаю, что в этом храме — три совершенно отдельных помещения: основной храм и по бокам в полуподвалах еще два помещения, так что во времена раскола здесь служили одновременно три «деноминации», не мешая друг другу. Эти боковые помещения заняты под церковный склад, а в храме устроено столь печальное безобразие.

50

Холодные сапожники. Ленинград, 1953. Зашел днем в храм на Охтинском кладбище. Пусто, дежурит «церковница». Вскоре принесли покойника. «Церковница» берет простую скамейку, ставит ее поперек церкви и говорит: «Ну, кладите же!» Мужчины послушно (видно, редко бывают в храме) стали поворачивать гроб также поперек церкви, вдоль скамейки. Но «церковница», лучше же сказать, просто тетка, указывает им ставить гроб наперевес, поперек скамейки: (В рукописи рисунок гроба поперек скамейки).

Гроб покачивается, а тетка говорит: «Ничего! Куда он денется. А то вдруг еще принесут: мы рядом их и положим!» Из алтаря бодро пробежал священник с кадилом, поспешая «служить на могилках». Видимо, балансирующие покойники здесь уже традиция. Ожидать, когда еще принесут, я не стал: страшно было подумать, какое отпевание устроят они со своей теткой.

51

Холодные сапожники. Ленинград, 1953. Я прикомандирован к лютеранскому пастору «показывать ему Православие». Это европейски образованный, солидный, глубоко верующий христианин. Я вижу, как привлекает его благочестие нашего народа, сердечная теплота нашего церковного Богослужения. Трогательно видеть, как он по собственному почину покупает и ставит свечечку... Мы обмениваемся впечатлениями. «У них», оказывается, все построено на проповеди. Крещение — речь, венчание — речь, похороны — речь; и «дыханием собственной груди» должен оживлять священник общую молитву. А если не дал ему Бог дара слова, или нет сегодня у него «настроения»? У нас же — сойдемся трое мало-мальских певцов, скажу я: «Благословен Бог наш», — и заговорит тысячелетний обряд, в сравнении с которым любая «речь» покажется бедной. Но не умеем мы пользоваться неопценным нашим богатством, и это сознание было особенно грустно, когда я показывал и сам видел мою Церковь со стороны.

В кафедральном соборе после пышной архиерейской службы пастор пожелал увидеть «православное Крещение». Последовало замешательство; я понимал его причину.

Мы увидели кошмар, обычный у нас при массовом Крещении. В храме стоял многоголосый плач примерно полусотни младенцев; и в этом невообразимом шуме, в толпе растерянных восприимчивых ходил измученный священник, бормоча священные слова, которых никто не слышал, и совершая священнодействия, которых никто не понимал... Новостью для меня здесь был самый способ Крещения, которое совершалось здесь особенно непристойно: священник перекувыркивал младенца вверх пятками и в этом перекувырнутом вертикальном положении чиркал его головкой об воду... Так остроумно исполнялось здесь многократное и настойчивое требование церковного начальства «не обливать» при Крещении.

Когда кончилось, наконец, дикое зрелище, мой пастор молчал... Видимо, ему было стыдно за нас. Помню смущенный, вороватый вид священников, пойманных на месте преступления этой ревизией благоговейного иностранца. Все священники в соборе — с высшим церковным образованием, и страшно было, как могли они так опуститься?.. В соборе можно прекрасно оборудовать отдельный баптистерий и, не ожидая скопления младенцев, крестить их там по одному, по два, по три с разумным сокращением чина, вполне благолепно. Да можно было бы и массовое Крещение с любовью сделать замечательным церковным торжеством. Вот уж здесь-то ведь дана нам, кажется, полная возможность устраивать церковную жизнь; а мы безобразничаем.

52

«...Я живу рядом с Никольским собором, люблю этот храм и часто бываю в нем; и постоянно вижу такое безобразие, что в одном углу отпевают, в другом молебен служат, в третьем крестят, в четвертом молитву дают (сорокадневную). И что же Вы думаете — одобряют ли это присутствующие в храме верующие? Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь похвалил за это батюшек, — мол, вот хорошо делают, стараются обслужить и духовно удовлетворить всех желающих. Ничего подобного. Зато не раз слышал реплики о том, что духовенство старается «зашибить» побольше денег, не упустить от себя ни одного рубля. А однажды я наблюдал, как, глядя на описанную картину современного многогласия, двое смеялись, и один другому говорил — „попы-то работают, как многостаночники“. Больно мне это было слушать...». *Из письма, 1956*

Ленинград, 1970. Собор Александро-Невской лавры. Здесь лучший в городе хор, лучшие напевы и вообще, кажется, едва ли не лучшая постановка церковного Богослужения. И вот — даже здесь я вижу, как во время литургии молодой батюшка служит молебен. Он служит шепотом, стараясь не помешать никому и вместе с тем угодить «заказчику» — глупой суеверной старухе, для которой ее молебен поважней литургии. Разве не могла бы она подождать? Зачем он так унижает себя, литургию?.. Опять я вижу этот шаромыжный дьявольский чин. Эта мерзость неистребима.

53

Чин святого Крещения. В первоначальном, простейшем виде он описан в главе VIII книги Деяний святых апостолов:

«...Между тем, продолжая путь, они приехали к воде и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься! Филипп сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его».

Сравнивая с этим чин Крещения в нашем Требнике, мы видим удивительную, удивительную его перегруженность молитвословиями и священнодействиями. Неважно, как исторически это получилось; но очень важно, что сегодня нам во многом мешают этот исторический груз... Очень проблематична символика дуновений: как будто священник «выдувает» из человека нечистого духа. Филипп этого не делал — и нам бы делать не нужно. Проблематичны и многословные «запрещения», адресованные самому Дьяволу.

«Отъиди в свой тартар, даже до уготованного дне суднаго. Убойся Бога»... «Отступи, познай твою суетную силу, ниже на свиниях власть имущую»... Зачем эта сомнительная риторика? Надо бы лучше сосредоточить все внимание на отречении человека от сатаны:

*Отрицавши ли ся сатаны
и всех дел его,
и всех аггел его,
и всего служения его,
и всея гордыни его?*

«Отвещает оглашенный, или восприемник его, аще есть крещаемый варвар (чужеземец), или отроча (ребенок), и глаголет: отрицаюся». Это повторяется трижды. Но Требник как будто не верит столь торжественному отречению и заставляет повторять его снова трижды уже в прошедшем времени: «отрекохся». И это новое повторение не увеличивает, а снижает торжественность отречения. «И дуни, и плюни на него»... А это сегодня смешно. «Сочетавание Христу», еще более обесценивается от многословия: оно повторяется в общей сложности четырнадцать раз. Символ веры, полный его текст, читается не один раз, а три раза. Зачем? Как будто авторы чина видели какую-то магическую силу в этих бессмысленных повторениях.

Филипп не освящал воду; у нас это — специальное священнодействие при каждом Крещении по чину Великого Освящения вод в праздник Богоявления. Потом следует странная молитва — чтобы не спрятался в святой воде демон темный и не сошел бы туда с крещаемым дух нечистый... Не нужно бы этой молитвы. Далее следует молитва на освящение масла и помазание маслом членов тела крещаемого. Зачем это отвлекающее помазание? После Крещения «умывает священник рuce, поя с людьми псалом тридесять первый». Псалом этот в большей части церковно-славянского текста совершенно непонятен; но «глаголется весь, трижды»... По Требнику крещенного младенца приносят через семь дней для омовения. По этому случаю читаются еще две молитвы. Потом читаются две молитвы «на пострижение власов» — ненужные молитвы, ненужное пострижение. Одна великая и две сугубые ектений с поминовением императора и синода...

В целом виде, как он напечатан в Требнике, чин Крещения сегодня нигде, решительно нигде не исполняется. Сокращения же его по личному разумению служителей, как правило, недостаточны и далеко не всегда удачны. Вот насущно необходимая творческая задача литургических экспериментов и дискуссий. Чин святого Крещения должен быть разумно сокращен и переработан в двух вариантах: Крещение младенцев (с идеей будущего доброго христианского воспитания) и Крещение взрослых (с идеей духовного возрождения к новой, истинно христианской жизни). Внутри этих двух вариаций — еще разделение типов Крещения: торжественное, «песенное» Крещение в храме или в баптистерии и Крещение вне храма в стиле апостольской простоты. В Требнике предусмотрено Крещение первого типа — с кадиллом, с диаконом и хором, с торжественной процессией по кругу. Когда нет этих возможностей — не надо бы священнику говорить ектению и самому себе отвечать собственным пением, изображать в какой-нибудь комнатухе процессию вокруг какого-нибудь тазика или кастрюли... Зачем? Можно выработать особый чин «домашнего» Крещения — и он, лишенный церковной музыки и обстановки, должен быть составлен особенно вразумительно. Да и во всех четырех видах Крещения непременно должно быть в каждом свое чтение Писания по-русски и в каждом свое краткое огласительное слово... Все это нужно именно сегодня — и ничего в этом направлении еще не делается.

54

Боимся церковного творчества — и угрожаем всякому новаторству на путях суеверий.

Откуда-то взялся обычай — закатывать волосы младенца в воск и бросать в купель. Первоначальный смысл пострижения в блаженное подданство Христу утрачен; молитвословия «на пострижение власов» — совершенно невразумительны; а вот это — наглядно, понятно: не потонут волосы, значит — будет жить ребенок. И все наклоняется к купели с живейшим интересом... Это гадание над плавающими волосами стало у нас прямо-таки непременной частью чина Крещения, и мы никак не отважимся запретить его.

Самый верный способ ликвидировать это гадание — ликвидировать это никому не нужное пострижение. В провинциях в чин Крещения включается иногда («по просьбе верующих», в которой «нельзя отказать» — конечно, за особую плату) молитва святых семи отроков, проспавших в вертёпе 372 (так) года, из II части Требника. Крестили ребенка, чтоб был здоров; теперь надо прочитать и эту молитву, чтоб спал — не кричал... Священник постоянно встречается с несовершенным восприятием Крещения со стороны главным образом

законнически-бытовой и врачебно-чудотворной. Здесь разные степени и оттенки; предел их я сам сподобился видеть однажды, когда после Крещения спросил — не нужно ли матери взять сорокадневную молитву: оказалось, что нужно бы, да нельзя, потому что сама-то она — некрещеная; ради такой необходимости согласилась креститься.

Суеверия стали бы исчезать, если бы каждое Крещение ребенка было вместе с оглашением для его родителей, восприимчивых, всех присутствующих. «О еже просветитися нам Просвещением разума и благочестия, наитием Святаго Духа»... Но нет — вместо просвещения эти люди с ребенком, пришедшие в храм один раз за многие годы, именно в храме-то и получают уроки суеверий. Здесь и учатся они гаданию на плавающих волосах... А если бы родители пожелали все-таки что-то понять, поприсутствовать при Крещении своего ребенка — их выгонят церковные старухи как «нечистых». Так и уйдут они без всякого просвещения — с впечатлениями только от суеверий, да еще от платежей в церковную кассу... А этот что-то непонятное говорящий и делающий, дующий на ребенка священник и в самом деле похож на волшебника.

55

Объявлена циркулярная война против так называемого «обливательного» способа Крещения. Священники, его практикующие, находятся под постоянным страхом церковных наказаний. Вот вопрос, в котором иерархия проявляет некоторую активность — и оказывается неправой.

Как же крестить? Осталось уже очень мало священников, которые умеют совершать так называемое «полное погружение» младенца в купели. И мало признать, что такое Крещение оставляет всегда отвратительное впечатление. Юного наследника Царства Божия священник грубо хватает ладонью за личико... Все вокруг поглощено состраданием к ребенку и страхом — как бы не утопил его священник. Если младенец и в самом деле задохнется — опытные ревнители «погружательного» Крещения советуют:

— Ничего страшного! Вы поверните его головкой вниз, хлопните ладонью по попочке — и он закричит...

Если ребенок вырос уже из первых месяцев младенчества, он закричит, барахтается и из последних силенок сопротивляется священнику, который вступает с ним в борьбу, стремясь непременно утопить его с головкой в купели. Как все это недостойно, унижительно, оскорбительно для Таинства, для младенца, для священника.

И вот, однако же, совершенно безапелляционно считается, что только такое «полное погружение» при Крещении единственно «православно».

Несведущие люди указывают, что само греческое слово «Баптизма» (Крещение) означает собственно погружение, и что поэтому никаких разговоров здесь и быть не может: крестить — для нас это будто бы и значит погружать... Но это неверно. Словари дают за «Баптизма» значение не только погружения, но также и омовения, как это видно и из священного текста Евангелий:

Мк. VII, 4: И от торжища, аще не покуплются, не ядят. И ина много суть, яже прияша держати: погружения сткляницам и чваном и котлом и одром.

И (пришедши) с торга, не едят, не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение [15] чаш, кружек, котлов и скамей.

Мк. VII, 8: Оставльпе бо заповедь Божию, держите предания человеческая, крещения чваном и сткляницам...

Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш...

Лк. XI, 38: Фарисей же видев дивися, яко не прежде крестися прежде обеда.

Фарисей же удивился, увидев, что Он не умыл рук перед обедом.

Несведущие люди указывают далее на постановление древнего собора, запрещающее давать священный сан «клиникам» — крещенным на одре болезни. Естественно, их крестили без погружения; следовательно, говорят несведущие люди, древняя Церковь считала Крещение без погружения неполноценным... Но и это неверно. Соборное постановление говорит о «неполноценности» не Таинства, а человека, оттянувшего свое Крещение до смертного страха:

«Аще кто в болезни просвещен Крещением, то не может быти произведен во пресвитера: ибо вера его не от произволения, но от нужды. Разве токмо ради после открывшихся добродетели и веры, и ради скудости в людях достойных.

(Неокесарийского собора. Правило 12).

А какова преемственная практика, каково «предание» о Крещении? Было ли «полное погружение» младенцев при Крещении принято нами от Греческой церкви? Оказывается, что нет — не было такого предания. Вот что писал об этом корифей русской церковной истории проф. Е. Голубинский:

«...Указывали еще до-Никоновские русские, а за ними указывали и старообрядцы, будто греки заимствовали от латын обливание в таинстве Крещения. Но это есть недоразумение: греки не заимствовали от латын обливания, а при крещении младенцев употребляли и до сих пор употребляют такое погружение, которое может быть смешиваемо с латинским обливанием и принимаемо за последнее. Греки всегда твердо учили, как и до сих пор учат, что крещение должно быть совершаемо через погружение... Но через настоящее или полное погружение они крестили и крестят только взрослых, что же касается до младенцев, то в виду опасности утопления или, как выражаются наши славянские служебники, залитая, они большей частью крестили, как и до сих пор крестят их чрез погружение неполное или не совсем настоящее: младенец поставляется в купели, погруженный в воду по шею, а на голову его священник трижды возливает воду горстью правой руки... В прениях с Арсением Сухановым греки говорили последнему о своем крещении: "Мы в крещении обливаемся, а не погружаемся в купели, тако мы изначала прияли и держим, это у нас именуется погружение, что трижды на крещаемого святитель руку возводит и низводит, егда воду лиет на него"... И у нас в России это крещение детей чрез неполное погружение было более или менее распространено с древнего и до позднейшего времени»...

(«К нашей полемике со старообрядцами», М., 1905 . С. 129 и сл.).

Итак, «полное погружение» младенцев при Крещении — это не Предание, не священная древность, а русское старообрядческое изуверство, возмнившее стать «православнее» древней Церкви. Это примерно то же самое, как еще не очень давно считалось у нас «лучше» крестить детей не в теплой, а в ледяной воде... Нет, не будем суеверны — подогреем воду и будем крестить ребят по древнему чину, ласково, благолепно.

56

Крещение взрослых становится все более актуальной проблемой. В древней Церкви Крещение взрослых было правилом; у нас оно выглядит исключением. Нередко крещаемый взрослый воспринимает Таинство по-детски — как обряд, который упустили совершить над ним в детстве, и только. У нас нет подготовительного периода «оглашения» взрослых, и то, что называется «оглашением» в чине Крещения, не бывает таковым в действительности. Есть тревожные признаки, что Крещение взрослых бывает не связано с духовным возрождением человека, с его покаянием — с изменением душевной жизни и практического поведения. Бывают случаи и Крещения просто суеверного — чтобы замуж выйти или поправить другие житейские обстоятельства... Вместе с другими причинами, несомненно, здесь имеет значение и недостаточно ясное литургическое содержание Таинства, в частности, отсутствие огласительного слова в чине Крещения.

Вот где надо бы «полное погружение» — великолепный символ обновления, о чем писал апостол Павел в главе 6 послания к Римлянам. Надо бы устроить круглые баптистерии-бассейны или совершать Крещение на реке... Сразу же встал бы вопрос о чувстве стыда от полного обнажения перед священником и другими присутствующими. Можно бы учредить на этот случай особые холщовые хитоны. Можно бы восстановить древнюю должность диакониссы... Пока же нет этих возможностей — надо откровенно пойти на приличное «обливание», как это давно уже сделали братья-католики. Но напрасно некоторые неумные батюшки устраивают Крещение в тазике и требуют при этом полного раздевания мужчин и женщин... Архиереи должны бы запретить это унижение Таинства и человека.

57

*Трижды человек в жизни дивен бывает:
родится, женится и умирает.*
В. Даль. Пословицы русского народа.

Церковное Венчание стало уже редкостью, суждения об этом чине, что называется, не актуальны. Но есть один момент, который, мне кажется, должен быть принят во внимание уже и сегодня. В Требнике митрополита Петра Могилы есть заимствованное у католиков «обещание»; которое произносят, повторяя за священником:

ЖЕНИХ:
*Я, имя-рек,
Беру тебя, имя-рек,
как законную супругу,
и обещаю тебе
любовь,
верность,*

*супружеское уважение
и не оставляю тебя до смерти.
В этом да поможет мне
Трединый Бог и все святые Его.*

НЕВЕСТА:
*Я, имя-рек,
Беру тебя, имя-рек,
как законного супруга,
и обещаю тебе
любовь,
верность,
супружеское послушание
и не оставляю тебя до смерти.
В этом да поможет мне
Трединый Бог
и все святые Его.*

Помню отзвывы, когда я служил этим чином: «крепко венчает»... Помню всеобщее взволнованное внимание, напряженную тишину в храме, когда новобрачные повторяют за священником, строка за строкой, эти торжественные обеты. Конечно, на всю жизнь они не забудут радостных слов, произнесенных в церкви ими самими. Вот пример, мне кажется, полезного заимствования у католичества. А то у нас в Требнике какая-то недосказанность «Не обещался ли еси иной невесте?» — спрашиваем мы в нашем чине Венчания. А что же обещаем этой невесте?.. Говорим о «брачных обетах», а в церкви их не произносим.

Все это хорошо; ну а если, не приведи Бог, неудача, крушение, развод! Что ж, тогда и разойтись надо церковно, прилично, мирно, с уважением друг к другу. Должен быть церковный обряд развода, взаимного разрешения брачных обетов, горячей молитвы об исправлении сломанной жизни... Церковь должна во всем нам помочь, обо всем помолиться, все упорядочить в нашем существовании — все, кроме зла и неправды.

58

*Женщина, когда рождает, терпит скорбь,
потому что пришел час ее;
но когда родит младенца, то уже не помнит скорби
— от радости, потому что родился человек в мир.
По Иоанну, гл. 16.*

Мы не слышим этой радости в молитвах о матери по нашем Требнику. Напротив, священника поражает странная близость, некая принципиальная одинаковость текстов молитв по случаю рождения ребенка и по случаю «убийства» ребенка (аборта);

Рождение:

...Сам и сию рабу Твою, днесь родившую сие отроча, помилуй и прости вольная и невольная ея прегрешения: и сохрани ю от всякого дьявольскаго мучительства... Призри с небесе, и виждь немощь нас, осужденных, и прости рабе Твоей сей, имярек, и всему дому в немже родися отроча, и прикоснувшимся ей и zde обретающимся всем...

Аборт:

...Сам рабу Твою сию днесь суцу во гресех, во убийство впадшую волею, или неволею, и зачатое в ней извергшую, помилуй по велицей Твоей милости: и прости ея вольная и невольная прегрешения: и сохрани от всякаго дьявольскаго кознодействія... Призри с небесе, и виждь немощь нас, осужденных, и прости рабе Твоей сей, имя-рек, суцей во гресех, убийству впадшей, волею или неволею, и в ней зачатое извергшей. И всех обращающихся, и прикоснувшихся ей...

Рождение выглядит столь же печально и столь же греховно, как и «убийство»... По-видимому, здесь отразились недостойные воззрения авторов на святую материнство.

Давно, давно уже надо бы пересоставить заново молитвы по случаю рождения ребенка в духе евангельских слов Христовых. И давно, давно уже надо бы освятить церковной молитвой все время беременности. Христос говорил о Своей Голгофе: «Час Мой»; и это же слово Он произнес о болях рождения «час ее»... О скорбях беременности и материнства, об этой наибольшей степени человеческой незащищенности думал Христос, когда говорил: «Горе же беременным и кормящим грудью в те дни»... (по Матфею, гл. 24). А мы — почему мы не вспоминаем, не напоминаем о беременных и кормящих грудью в молитвах Требника, в ектениях, в святой Евхаристии?

Вопрос связан с грандиозной темой об отношении Христианства к «земле» — ко всему житейскому, к полу... Об этом много писал В. В. Розанов. Помнится одна литургическая частности: кто-то из его корреспондентов писал, что наше «о плодоносящих» на сутубой ектений многие в народе понимают как молитву о беременным. Интересно, что такое же толкование мне привелось случайно услышать и в наши дни. Приходится разъяснять, что нет — это анахронизм, молитва о приносящих плоды земледелия и садоводства... А молитвы о матерях и младенцах — нет. Тут какой-то давнишний недосмотр, великая литургическая ошибка.

59

Один выдающийся священник однажды высказал мнение, что следовало бы установить разные чины Погребения: один — для тех умерших, которые были постоянными посетителями храма, участвовали в литургической жизни Церкви; другой — для тех, кто был когда-то крещен, но в храм «не ходил», чье принесли только тело... Я думаю, что священник в данном случае совершенно не прав. Кто поставил нас так судить? При всем уважении к постоянным посетителям храма — нужно признать факт, что многие из нас в своей практической жизни бывают несколько не более христиане, чем те, кто «не ходит». Обычно — это «мужики» (мужчины), о которых родные говорят, что он хоть и «не ходит», но святыню «предпочитает» (почитает) и религию в общем-то «не опровергает» (не опровергает)... Это — очень важная, но уже не литургическая тема.

Увы! Есть другая дифференциация чинов Погребения. В том же самом храме на Охте, где я видел некогда балансирующий гроб на скамейке (Заметка 50), недавно отпевали моего покойного друга. Вдова приняла меры — и все получилось, по отзывам, довольно прилично. Отпевание было не «коллективное», фоб положили на драпированный стол, был парчовый покров, стояли светильники, пел хор... Все это было устроено за специальные дорогие доплаты. А не хочешь доплачивать — так будь готов к церковному унижению, к какому-нибудь издевательскому «отпетию», как выражаются холодные сапожники. И мы уже так привыкли к этой коммерческой дифференциации, что и вообразить не умеем — когда же наконец она прекратится.

60

*...Она подумала: «Как жаль все-таки,
что его не отпевают по-церковному!
Погребальный обряд так величав и торжествен.
Большинство покойников недостойны его...»*

В этой цитате из романа Б. Пастернака имеется в виду прилично совершаемый чин Погребения. Когда в одном храме устроили для всех хороший траурный катафалк со ступенями, то старушки говорили: «Господи, да неужели и нас будут отпевать так?!»...Это как бы чествование усопшего в приличном чине Погребения есть почитание тайны — тайны неповторимой судьбы человека, всякого человека, всей тайны жизни и смерти.

И в текстах чина Погребения есть этот мотив чествования. Он идет из глубокой христианской древности — из молитвенных собраний на могилах мучеников. Псалом 90: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится»... Псалом 118: «Блажени непорочнии в путь, ходящий в законе Господни» (искаженный перевод; по-русски с еврейского: Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем). Все это — чествование праведника. То же — в изумительных тропарях:

*Святых лик обрете Источник жизни
и дверь райскую.
Да обряцу и аз путь покаянием,
погибшее овца аз есмь.
Воззови мя, Спасе,
и спаси ся.*

*Агнца Божия проповедавшее
и заклани бывшие якоже агнцы,
и к жизни нестареемой, свящи,
и приносящей преставльтеся,
Того, прилежно, мученицы, молити
долгов разрешение нам даровати.*

*В путь узкий хождиши прискорбный,
вси в жити крест яко ярем вземшиши
и Мне последовавший верою,
приидите, насладитесь,*

*ихже уготовал вам почестей
и венцев небесных.*

Здесь две темы: прославление праведных и наши молитвы о праведных, о себе самих... Но где же молитва о том, кого отпевают? Ее нет, и это так необычно, что мы произвольно молимся словами тропарей от его лица и от лица всего грешного человечества:

*Образ есмь неизреченныя Твоя славы,
аще и язвы ношу прегрешений.
Ущедри Твое создание, Владыко,
и очисти Твоим милосердием,
и возжеленное Отечество подаждь ми,
рая паки жителя мя сотворяя.*

И только в последнем тропаре появляется наконец «персональная» молитва о нашем дорогом усопшем:

*Упокой, Боже, раба Твоего
и учини его в рай,
идеже лица (хоры) святых, Господи,
и праведницы сияют яко светила
(светильники).
Усопшаго раба Твоего упокой,
презирая его вся согрешения.*

Четвертая тема — назидание нам, присутствующим при отпевании. Назидание в сочетании с молитвой:

*Кая житейская сладость
пребывает печали непричастна?
Кая ли слава стоит на земли непреложна?
Вся сеней немощнейша (тени слабее),
вся соний прелестнейша (обманчивей сна);
едином мгновением и вся сия смерть приемлет.
Но во свете, Христе, Лица Твоего
и в наслаждении Твоя красоты
егоже избрал еси
упокой, яко Человеколюбец.
Ныне житейское лукавое
разрушается торжество суеты,
дух убо оскуде от селения (лишился обитания),
брение очернися (прах почернел),
сосуд раздрася (сосуд разбился): –
безгласен, нечувствен,
мертвен, недвижим,
егоже посылающе гробу,
Господу помолимся,
дати сему во веки упокоение.*

Этот мотив назидания, поучения присутствующим занимает много места в чине Погребения. В одной из стихир «на последнее целование» речь ведется от лица самого усопшего:

*Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща,
восплачите о мне, братие и друзи...*

И далее – о внезапности смерти, о равенстве всех на Суде, где только от дел своих каждый прославится или постыдится. И мольба, мольба о молитвах... Этот прием — речь от лица усопшего – более развит в чинах Погребения священников и монахов, откуда и переложил это в русских стихах А. К. Толстой в поэме «Иоанн Дамаскин»:

*Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я –
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада.
Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внимлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,*

*Не слышу братского рыдания,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает;
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленья —
Прими усопшего раба
В Твои блаженные селенья!*

Но разве перепишешь все драгоценные тексты? Насколько богаче они прославленного «День гнева» католического Средневековья... И — «эх, не на те бы слова» написана гениальная музыка.

И тут же должно признать, что как и все наше (греческое) церковное Богослужение, чин Погребения перегружен словами. Если совершить отпевание во всем по Требнику — оно продлилось бы часа два. Это слишком долго не потому, что мы ленимся, а потому, что непосильно для внимания. Нужно уложиться в полчаса; мы это и делаем, но выбираем далеко не самое лучшее. Надо сократить ектений и каждения. Не надо бы совсем читать тропари канона, не надо бы и петь все ирмосы. Не надо бы читать «индугенцию» (о ней — ниже). Зато надо бы подобрать несколько хороших стихов из псалма 118 — и читать их, петь же только припевы. Надо бы составить и читать хорошее огласительное слово от лица усопшаго — и не только с прошением о молитвах за него, но и с призывами проверить, исправить нашу жизнь, которой предстоит таинство смерти... Наконец, надо не «бросать» усопшего и родных, а «проводить» их, непременно устроить торжественный вынос гроба хотя бы до паперти храма под пение нашего потрясающего траурного «Святой Боже». Все это — вполне в наших возможностях, которые мы не осуществляем.

61

...Я часто читаю «Блаженны» над гробом. Таинство смерти. Участвуя в нем, я едва ли не всякий раз убеждаюсь, что человек достоин любви. Он был незаметен, как все, грешен, как все; но вот в этом очень маленьком круге родных и друзей открывалась тайная красота души его, о которой никто кроме не знал. И когда кончилась жизнь — мы увидели вдруг, что он заработал себе вот эти искренние, благодарные слезы любви... Уж если мы так горячо «желаем» его — то кольми паче Бог! И вот, я читаю «Блаженны» над гробом и думаю: какое-то из этих «Блаженств», хотя бы только одно, хотя бы только отчасти, уж наверно исполнено этой оправданной жизни, которую я не знал. А если знал — то с волнением догадываюсь об этом... На погребении «Блаженны» звучат как призывы и как утешения. Это не глухая стена невыполнимых заповедей, а «многая двери» Царства Небесного. По слову Златоуста, «Блаженны» — это золотая цепь добродетелей, в которой блаженно нам взяться хотя бы за одно только звено... «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», — помилованы: значит, нуждаются в помиловании, значит, не святые, не сверхчеловеки. И они будут помилованы — не по нашим законническим расчетам, а «по суду любящих Имя Твое, Аллилуйя»!.. *Из письма, 1961*

Если даже и не всегда это именно так, все равно: очень важно, чтобы присутствующие услышали над гробом «Блаженны». Непременно читать их; но отнюдь не надо читать между ними тропари. Ибо они совершенно несоизмеримы с Евангелием, они просто недостойны идти так вперемежку со словами Самого Господа.

62

«МОЛИТВА РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ, от иерея над преставльшимся чтомая

Господь наш Иисус Христос, Божественною Своею благодатию, даром же и властью, данной святым Его учеником и апостолом, во еже вязати и решити грехи человеков рек им: примите Духа Святаго, ихже отпустите грехи, отпустятся им: ихже удержите, удержатся: и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена на небеси, от оных же и на ны друг-друго-приимательно прешедшею, да сотворит чрез мене смиренного прощено и сие по духу чадо имя-рек от всех, елика яко человек согрешит Богу словом или делом, или мыслию, и всеми своими чувствами, волею или неволею, ведением или неведением. Аще же под клятвою или отлучением архиерейским или иерейским бысть, или аще клятву отца своего или матери своей наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некими грехми яко человек связася; но от всех вины и юзы да разрешит его (ю): елика же за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему (ей), человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятая и Преблагословенная Владычицы, нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных апостол, и всех святых, аминь».

Эту грамоту со вписанием туда имени усопшего священник громко читает над гробом, и затем, кто-нибудь вкладывает ее в руку покойного. Так сказать, документ, пропускающий в Царство Небесное. Властью апостольского преемства дается отпущение всех грехов, разрешение всех клятв... Документ покупается в свечном ящике под именем «молитвы». Ведется бухгалтерский учет «молитв», приход, расход, т. е. продажа, остаток «молитв». Чем не индульгенция?

Вот ответ специалиста, 1959:

«...Относительно разрешительной молитвы. Древнейшей из известных в науке молитв об усопших является "Боже духов и всякия плоти..." существовавшая уже в IV в. В средние же века, пожалуй, с XI-го и далее, появляется большое количество молитв об усопших, причем многие из них создавались на основе молитв из чина исповеди. Одной из причин этого было то, что в древности после исповеди духовник, как правило, налагал епитимию. Исповедник, выполнив епитимию, являлся к духовнику, докладывая об этом и духовник читал молитву на разрешение епитимий. В условиях широкого применения епитимий естественно возник вопрос: «А как же быть с теми людьми, на которых была наложена епитимия и которые скончались без ее разрешения?» Вот и создавался обычай, по которому духовник приходил на погребение и читал молитву, разрешающую умершего от епитимий. Вот откуда наша разрешительная молитва. Такое ее значение видно из ее содержания. Она читается от лица духовника, в ней упоминаются грехи, за которые обычно налагалась епитимия — подпадение под проклятие и клятвопреступление, упоминаются и другие грехи, в которых человек «с сокрушенным сердцем покаялся». Молитва охватывает и грехи человеческой немощи, которые мы забываем. Как видите, эта молитва не имеет значения разрешения грехов на исповеди, тем более индульгенции. Но так как ее стали читать и не духовники, то в Требнике была помещена эта молитва в сокращенном виде и под названием не «разрешительная», а «прощальная». Греки в настоящее время вернулись к древней практике и читают вместо нее «Боже духов и всякия плоти...». У нас это трудно сделать, можно вызвать ненужный ропот. Поэтому мне кажется, что лучше было бы читать прощальную молитву из Требника, а «разрешительную грамоту» читать и полагать в руки тому умершему, который исповедовался перед смертью, или если на его погребении присутствует духовник, в прошлом исповедовавший его, поскольку предсмертная исповедь часто не совершается не по вине умершего».

Интересно, что и в нынешнем тексте Требника есть следы того особого значения, которое имела в древности молитва «Боже духов и всякия плоти». Перед последним прощанием «глаголет первый от священников, или архиерей прилучився, молитву: БОЖЕ ДУХОВ... велегласно, пришед близ умершаго». Почему «пришед близ»? Это особое приближение к гробу напоминает о «прощальном» значении этой молитвы у греков, вернувшихся к древней практике.

Что же касается нашей «молитвы разрешительной», то ее, а лучше сокращенную «молитву прощальную» из Требника мог бы читать только лично духовник покойного. А все остальное, что мы сегодня с этой «молитвой» выделяем, — от лукавого. Священник лжет, когда велегласно удостоверяет, что покойник, которого он при жизни в глаза не видел, будто бы «о всех сих сердцем сокрушенным покаялся»... Лучше какой угодно «ненужный ропот», чем такая неправда в церковном Богослужении.

63

«...Вы мечтаете о возрождении русской церковности. Но в ней немало явлений, глядя на которые думаешь: а зачем бы этому и возрождаться? Несколько лет тому назад я гостил в деревне и видел похоронную процессию. Не буду описывать ее в подробностях, которые вы и без меня знаете. Главное внимание привлекал приглашенный из города молодой священник. Он был в ризе, надетой на гражданское платье, и махал потухшим кадилом. Время от времени, довольно часто, родственники и соседи давали ему деньги, и он засовывал их себе под ризу в карман; тогда процессия останавливалась, и он ужасной скороговоркой служил панихиду. Зависимость действий священника от подаваемых ему денег была прямая и демонстративная. После я узнал, что священник с высшим церковным образованием. Вот занятие! Как-то без всякой пропаганды для всех было ясно, что в этом его «служении» нет никакой идейности (разве только «идея» накопить побольше денег). На поминальном обеде сын покойного, приезжавший тоже из города, так прямо и сказал священнику в лицо, впрочем, без всякой насмешки или обиды, что если бы папаша умер в городе, то там его похоронили бы с музыкой, а в деревне — так уж надо с попом... Священник слушал и думал что-то свое, вероятно, о горьком своем положении.

Теперь такие процессии и в деревне уже не совершаются, но церковная власть никогда не догадалась бы сама запретить это. Скажите спасибо, что ускорено отмирание подобных явлений, и совсем не нужно бы им никогда возрождаться. Или взять вот это маханье кадилом. Вы к этому привыкли, а новому человеку со стороны это кажется смешно и бессмысленно. Исторически это происходит, очевидно, из недостойного представления, что Божеству приятен душистый дым; ну, пусть это даже и останется у нас символом «благоухания духовного»; но зачем же это энергичное маханье кадилом на каждую икону, на людей? Некоторые батюшки так привыкают к этому маханью, что всю службу (заупокойную) так непрерывно и двигают рукой с кадилом, как будто, извините, качают какой-то насос... Это мелочь, но из таких мелочей и состоит вся наша церковность. Или понаблюдайте за молодыми людьми, с каким насмешливым вниманием

смотрят они, как «запрягают» архиерея и на прочие всякие финтифлюшки архиерейской службы. Это только внешность, не дух конечно, но она прямо выражает и внутреннее, духовное оскудение церковных людей...

Или так называемое «пастырство». Был в евангельские времена этот образ из пастушеского быта, который однажды, согласно Евангелию по Иоанну, применил к Себе Христос — «Пастырь Добрый». А теперь каждый священник называет себя «пастырем»; а нас, простых смертных, неловко ему называть овцами, так он называет нас «пасомыми». И это произносится совершенно серьезно! Когда подумаешь обо всем этом грузе нелепых обычаев и идейных заблуждений, которыми обременена церковность, то является и такое соображение: если суждено ей обновляться и возрождаться, то не лучше ли начинать это с нуля, с чистого пустого места? Пусть сначала отомрет то, чему не нужно бы никогда возрождаться. Однажды я держал в руках церковный календарь, изданный в Риге во времена оккупации. Видимо, решили там возрождать православие. Что же они напечатали? «Сретение — зима с летом встретились. Память ап. Луки — время выносить лук на гряды. Воздвижение — хлеб с поля двинулся...» И т. п. Эту чепуху из крестьянского быта мы называли религией. Теперь от нее остались в деревне еще обязательное пьянство в бывшие церковные праздники. Пусть это поскорее умрет навсегда...». *Из письма, 1964*

Когда прерывается традиция, то очень важно уберечь ценности непреходящего значения. При выполнении этой задачи бывает, что консерваторы должны стать модернистами.

По Требнику чин Погребения начинается не в храме, а в доме. Сначала служитя лития, а затем начинается отпевание. «И начинаем пети: СВЯТЫЙ БОЖЕ... со страхом и всяким умилением. И взявше мощи усопшаго, отходим в храм, предъидущим священником со свечами, диакону с кадильницею...» Процессия приходит в храм, и здесь продолжается отпевание, после которого снова процессия — на кладбище. Раньше у нас священник так и ходил всюду за гробом, и это наемное участие в уличных шествиях, иногда очень далеких и продолжительных, надо признать, унижало священника. Если обычай похоронных процессий будет где-нибудь восстановлен, то священник должен быть от них освобожден. «Святой Боже» в процессии может и без священника петь народ; можно чередовать это пение с оркестром; можно петь это и под сопровождение оркестра (попробовали бы так сделать)... В больших городах похоронные процессии ныне уже немислимы, но и здесь возможно воссоздать настроение торжественного шествия хотя бы у дверей храма — встретить и проводить покойника траурным пением. «Святой Боже...» В этих словах и музыке — вся наша боль и вся наша надежда. Напрасно мы сами отказываемся от исполнения этого столь значительного элемента в чине Погребения.

Каждение положено по Требнику и в чине Крещения, и в чине Венчания. Х. рассказывал, как в деревне (вероятно, дореволюционной) батюшка грозился, что если ему не обещают положенную плату — то в наказание устроит он, ко всеобщему ужасу, свадьбу с кадилом... Кадило стало у нас специфическим признаком службы заупокойной. Как и многое другое в нашем церковном Богослужении, каждение испорчено неумеренным повторением, когда священник, что называется, из рук не выпускает кадила. И самый жест «махания» кадилом у нас должен быть пересмотрен.

[15] В греческом тексте производные от βαλτίζω — погружать, окуна́ть. (Древнегреческо-русский словарь, под ред. С. И. Соболевского. М., 1958.)

Архиерейская служба

64

15.XI.1843... Давно не видал я архиерейской службы. Первое впечатление поразительно: в ней род какого-то драматического величия. Потом становится монотонно. Особенно утомляют бесконечные ектении. О рабская Византия! Ты сообщила нам религию невольников. Проклятье на тебя всамделе, все, что есть самого великого в христианстве, того нет в этом позолоченном храме форм, которые деспоты придумали, чтобы самой молитве преградить путь к Богу. Везде они — и они. Нет народа, нет идеи, всеобщего равенства! Иерархия подавляющая, пышность ослепительная, чтобы отвести глаза, отуманить умы, — все, кроме христианской простоты и человечности.

Дневник А. В. Никитенко [16].

Интеллигентные христиане с грустью признавались мне, что не узнают преемника апостолов в литургической фигуре русского епископа. Эти бесчисленные жесты благословений, расточаемых архиереем по всякому пустячному поводу, непрестанное целование у него рук, поклоны, беготня с омофором, светильниками, рипидами, орлецами, — вся эта раблепная суматоха вокруг епископа искажает самую сущность церковного Богослужения, превращая его в форменный «культ личности», в служение «владыке». Из духовенства никто не молится, все боятся — как бы не ошибиться в церемониях. Святитель и сам находится в плену у сущих пустяков этого ритуала человекослужения.

На иконы Спасителя, Божией Матери, угодников кадят трижды, а архиерею — трижды по трижды. На первые три каждения он отвечает благословением одной рукой, но ему продолжают кадить; на вторые три каждения он еще раз благословляет двумя руками, как бы запрещая этим жестом надоевшее каждение. В этом и других подобных моментах, которыми изобилует архиерейская служба, нет никакой литургической красоты — напротив, в них присутствуют разрушительные элементы смешного. Что-то произошло со всеми нами, уже вышли мы из того возраста, когда эти церемонии могли кому-нибудь нравиться. Сегодня они не воодушевляют нас в храме — напротив, они унижают святителя.

Не удивительно, что уже почти не находится верующих молодых людей, желающих участвовать в архиерейском церемониале. А без целой свиты прислужников наш епископ, при существующем чине, совершенно беспомощен и, можно сказать, «недействителен». Иногда в таких случаях архиерей унижает сан пресвитеров, заставляя их прислуживать себе за иподиаконов. Иногда один и тот же незаменимый келейник бегаёт вокруг епископа, стараясь поспеть за двух иподиаконов, посошника, книгодержца... Жалкое зрелище. Один архиерей умолял благочестивых священников, недостаточно внимательных к ритуалу: «Вы уж, пожалуйста, не молитесь — это не ваше дело, я за всех помолюсь». Но и архиерею некогда молиться, ему приходится то и дело командовать во время Божественной службы: «Кланяйтесь мне! Берите у меня благословение! Снимите с меня омофор!»... Бог даст — скоро сама жизнь церковная заставит архиереев заняться исправлением своего ритуала.

65

Смирненная иноческая мантия приняла у наших архиереев обратное значение весьма пышной (шелк, бархат), цветной, звучащей (бубенчики), фантастической одежды, в которую можно облачиться только при помощи двух прислужников, с опасным шлейфом, который нужно за архиереем носить... Раньше со шлейфом управлялся маленький мальчик, теперь шлейф носит прислужник, который иногда по росту выше архиерея. Кому нужно это безобразие? Вспоминаю, как у покойного патриарха Тихона была из кремлевской ризницы прекрасная древняя мантия без шлейфа — как длинная пелерина; в ней патриарх ходил, поворачивался безопасно.

Торжественное облачение архиерея посреди храма. Диакон с кадилами (как перед иконой). «Да возрадуется душа твоя»... «Тако да просветится свет твой»... Да это ведь молебен архиерею! На Часах вместо «Молитвами святых отец наших» — мы возглашаем: «молитвами святого владыки нашего»... Это низкая лесть, этого нет у греков, у наших же старообрядцев.

Прекрасен архиерейский Малый вход на вечерне и на литургии. Следовало бы только упорядочить его подготовку (Заметка 32) и следовало бы отменить второе осенение светильниками с солей: оно излишне, ибо все четыре стороны уже получили осенение с кафедр; главное же — оно разрывает хор священнослужителей, половина которых уходит в алтарь, в то время как вторая половина задерживается архиереем у солей. У старообрядцев нет этого излишнего второго осенений... Далее наступает воистину торжественное действо: каждение под алтарное пение «Достоин еси» или «Спаси нас, Сыне Божий». И так досадно, что прославление Сына Божия сразу же прерывается и переходит в прославление архиерея — в пение «Ис полла эти деспота», что в переводе значит: «Многая лета, тебе, деспот»... Нет, не надо бы этого прославления архиерея, надо бы многократно продолжать прославление Христа во все время каждения, под общенародное пение. Это очень заметно украсило бы службу, попробовали бы так сделать.

Начинается пение Херувимской — и молитвенное внимание народа отвлекается прислужниками и архиереем, который появляется в святых вратах лицом к народу. Зачем? Умывать руки! В детстве я думал: уж не изображает ли он Пилата? Это совсем не древность, это русское новшество недавнего времени, этого нет у греков и старообрядцев.

Проскомидия в архиерейской литургии имеет одно начало, но два конца. Сначала священник совершает проскомидию полностью; и архиерей во время великой ектений читает заключительную молитву проскомидии. Но во время Херувимской архиерей подходит к жертвеннику, срывает покровцы... Проскомидия священника разрушается и совершается архиереем с половины заново.

И всюду — «орлецы», круглые коврики с изображением орла над городом. На листе с таким изображением стоит будущий архиерей перед своим рукоположением, когда читает исповедание веры. Там это имеет смысл. Но зачем бегают прислужники, подкидывают эти круглые коврики всюду, где хотя бы на секунду остановится архиерей? И это — не Византия, а позднейшее русское новшество.

...И все это — рассуждения без хозяина. Архиереи могли бы очень хорошо со всем этим распорядиться, все это исправить своею высокою властью. Но они предпочитают покорно исполнять эти явные несуразности своего ритуала.

Ленинград. 1954. Рассказ семинариста с Украины. Там у них к одному епископу приехали крестьяне просить священника в Радоницу на отдаленное кладбище. Он пообещал и... забыл о том. Когда приехали за священником — оказалось, что все уже заняты. Тогда, чтобы не нарушить архиерейского слова, епископ взял епитрахиль и поехал на кладбище — сам ходил, служил на всех могилах.

Так возвышает архиерея скромность и человечность. Они этого не понимают, совсем не понимают. Смотришь — хороший, милый человек, став епископом, теряет естественность обращения, начинает на каждом шагу «играть» архиерея, а то и в самом деле впадает в мнительную гордость, не терпит возражений, принимает во дворе, опаздывает на службу... Это сбивает с толку восточный деспотизм, культивированный в нынешнем ритуале архиерейской службы.

[16] Дневник, Т. 1. М.: Голситиздат, 1955.

Современные новшества и потребности

67

Обмен письмами, 1963:

...Меня ужасает прогрессирующее в нашей среде вырождение чувства красоты. Это вырождение началось не со вчерашнего дня. Всевозможные проявления варварства в области церковной эстетики в XVIII и XIX веках — красноречивое тому свидетельство. Но там были особые причины — давление сверху денационализировавшихся правящих кругов. Теперь совсем другое — полное оскудение не только творческих сил, но и вкусов в самой толще. Пройдите по кладбищу, посмотрите, какие кресты сейчас ставят на могилах. Уверен, что даже при раскопках первобытных захоронений не найти предметов, которые говорили бы о такой деградации чувства пропорции. Смогли бы сейчас наши церковные люди, даже при наличии всех внешних условий, построить простенькую каменную или деревянную церковку, которая бы ласкала взор? По силам ли нам сейчас вообразить создать что-нибудь новое, например, составить новую службу или хотя бы сочинить новый «подобен»? Ведь даже для тройного «Господи, помилуй» мы не в состоянии придумать иной мелодии, кроме «молитвенной», т. е. тоскливой, навеянной такими романсами, как «Не ходи, Грицю» и «Маруся отравилась». Облик русского батюшки и до революции как-то плохо вязался с понятием «пресвитер». Вспомните, какая была шляпа, какая осанка, как наперекор воле Церкви (определенно выраженной) отрачивались и окружались ореолом святости длинные волосы, как они холили и выставлялись напоказ. Но до революции батюшка все же стыдился бы показаться на людях с косой или с женским гребешком на затылке, не стал бы поднимать волосы вверх, запихивать их под шляпу, ходить по улице замаскировавшись под такого доброго молодца, которому не хватает только кнутовища в руку. А теперь? Теперь вместе с атрофией эстетического чувства наступила атрофия элементарных рефлексов стыда. Помню, в 1948 году я впервые услышал про одного приезжего священнослужителя, у которого, по потребности, мог обнажаться из-под традиционных власов светски-стриженный затылок, а самые власы могли совершенно исчезать под напыленной на них шляпой. Мои знакомые (из духовной среды) рассказывали про это открытие со смехом и недоумением — так это выглядело мало правдоподобно и гадко. А сейчас это можно наблюдать на каждом шагу. Оставляя совершенно в стороне вопрос о том, диктуется или не диктуется этот поразительный фокус необходимостью, я хочу лишь отметить, что с ним сжились, что многих он вполне устраивает. Уж это одно говорит о многом. А чем вы объясните это все более и более возрастающее тяготение ко всякого рода стекляшкам, висюлькам, кокетливо расцвеченным поясам на подряснике? Много ли вы в истории древней Церкви встречали «протоиереев»? Даже Иисус Христос никогда так не именовался. А сейчас у нас добрая половина священников украшается этим наименованием, несмотря на то, что в древности и епископы-то всегда назывались только «иереями» — священниками. Что же я хочу сказать? А то, что сейчас не приходится говорить ни о каком творчестве. Наоборот, надо всячески освобождаться от его уродливых плодов. Этим я вовсе не хочу сказать, что движение вперед принципиально невозможно. Но сейчас самым большим шагом вперед было бы возвращение назад, и чем больше назад — тем лучше. Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду не слепое отношение к прошлому, а разумное и что это прошлое я не ограничиваю какой-нибудь эпохой Стоглавого собора. Нелепости, конечно, могли иметь место и в прошлом. Некоторые наши отечественные литургисты имели слабость вылавливать их, например, в древних рукописях. Такой ученый издатель и описатель все что угодно пропустит в своем труде, но если в одной из тысячи рукописей найдет какое-нибудь суеверное заклинание, обязательно напечатает его *in extenso* [17]. И что же в итоге? Улов, надо сказать, не богатый. А самое главное — в прошлом это не держалось, курьез оставался курьезом, отсыхал, отпадал, отсеивался очень быстро. Сейчас наоборот — нелепые новшества живучи, прилипчивы, почти неистребимы»...

Недавно я имел счастье держать в руках и просматривать греческие богослужебные рукописи X— XIV веков, на пергаменте. Там тоже везде это чувство меры, подтянутость, нет этого благочестивого расплывания. Вот одна деталь. В молитве «Спаси Боже люди Твоя» и «Владыко Многомилостиве» я нигде не встречал больше трех имен: 1) Приснодевы Марии, 2) Предтечи Иоанна (деисис), 3) или св. дня или св. храма — и все. Если есть упоминание об апостолах или о преподобных и Богоносных отцах, то уж без всяких имен, и далее: «И всех Твоих святых». А у нас сейчас...»

«...Мне понятна глубокая справедливость ваших замечаний об оскудении чувства красоты в церковной среде. В частности, мне показалась особенно меткой ваша критика внешнего облика прежнего и нового духовенства. И все это так грустно, так грустно!.. Я хотел бы заметить, что многое в указанных вами моментах объясняется отсутствием у нас истинной церковности, то есть свободного и широкого общения. Уродливые крестовины на кладбищах, пошлые напевы, фокус с волосами и одеянием священников, фальшивые титулы и стекляшки, — эти и многие другие некрасивые и порочные явления, я думаю, скоро исчезли бы в условиях истинной церковности, в результате открытого обсуждения, просвещенной критики, иерархического воздействия...

...Вы полагаете, что единственно правильный путь — это возвращение назад, по-видимому, к эпохе поздней Византии. Не смея вступать в неравный спор, я хотел все же заметить, что именно из Византии получили мы в наследство наше явно чрезмерное молитвенное многословие. В Византии Евхаристия закрыта была от народа, и никакого чувства меры не видно в том, что главная часть литургии у нас скомкана, а третьестепенные расширены. И культ деспота-архиерея мы получили из Византии... Правда, оттуда же мы получили и непревзойденные образцы христианской поэзии. Наше литургическое наследие можно наглядно изобразить как кладовую, где драгоценные иконы мирового значения сохраняются и не различаются среди бездарных стилизаций. Хотелось бы в первую очередь на этих драгоценностях сосредоточиться, их обновить в художественном исполнении, а все остальное сократить, в частности, совсем упразднить всякое наше дьяческое чтение. Библейские псалмы, вернее, их избранные, только избранные стихи и отрывки, конечно, заслуживают исполнения в пении. А если в пении, то почему бы также и не во струнах и органе?... Но нельзя предусмотреть все будущие пути развития церковного искусства. Так или иначе, поиски ли новых форм, реставрация ли древностей — ни то, ни другое в наших условиях практически невозможно. Пока не будет восстановлена истинная церковность, конечно, не может быть и речи о возрождении церковной культуры.

Тем не менее мы можем и должны хотя бы в одиноких размышлениях в частной переписке духовно готовиться к будущему возрождению церковного Христианства. В этом плане разрешите обратиться к вам с вопросами большого принципиального значения.

1. Понятны трудности, с которыми связано современное истолкование предания о Вознесении Господнем. Тем более удивительно, что совсем недавно Римская церковь приняла новый догмат о Вознесении Божией Матери. Интересно знать — как это формулировано и комментировано, и не поможет ли это и нам в истолковании предания о Вознесении Господнем.

2. Не стану входить в подробности, передаю общее впечатление от наших церковных служб на Успение Пресвятыя Богородицы. Мне представляется, что самые древние песнопения основной службы Успения, равно как и уставное «Слово» св. Андрея Критского, ничего не говорят о телесном Вознесении. Но вся позднейшая служба, т. е. чин Погребения, представляющий переложение службы Великой Субботы, прямо говорит о Воскресении и Вознесении Богоматери. В основу этой службы положено известное предание: апостол Фома прилетает с трехдневным опозданием, просит открыть гроб — но тело Богоматери исчезло... Это и называется Воскресением:

*«Почто радость со слезами,
Богопроповедницы, растворяете?
Пришел Близнец, свьше вразумляем,
приглашаише апостолом:
видите вы пояс и уразумейте,
Дева воскресе от гроба»...*

Пояс — какая-то подробность предания, доказывающая Воскресение. Сразу сделаю вам чистосердечное признание: предание это представляется мне очень сомнительным, а чин Погребения — совершенно недостойным сочинительством. Не имея возможности основательно проверить это непосредственное впечатление, я только всегда всячески уклонялся от участия в чине Погребения Божией Матери. И в этом предании, и в этой службе я чувствую нечто унижительное для нашей святыни.

Какова же действительная древность и надежность упомянутого предания? Когда составлена служба? Не было ли в церковной литературе дискуссии о подлинности предания, о ценности службы?..»

«...Мне очень близки ваши мысли относительно чина Погребения Богородицы. Я всегда считал и считаю, что этого чина не следовало бы вводить в обиход. Мне представляется совершенно непонятным благожелательное отношение к этому чину митрополита Филарета Дроздова, который сам перевел его с греческого языка. Чин этот первоначально предназначался для Успенского богослужения в Гефсимании и как будто имел служить средством противодействия влияниям тамошних католических богослужений на православных богомольцев. Чин этот всем своим тоном и духом резко отличается от уставного Богослужения, положенного на день Успения Пресвятыя Богородицы. Самую мысль приспособления к празднику Успения песнопений Великой Пятницы и Великой Субботы считаю порочной и недопустимой; а новые песнопения — непригодными по содержанию и бездарными по форме. У меня нет под рукой этого чина. Но чего стоит хотя бы такое обращение: «Увы, мне, сладчайшая Мариам!» Оказывается, в единственном числе говорит здесь о себе... «лик апостольский». А сколько там нюансов сомнительных даже с догматической точки зрения!

Кстати, известно ли вам, что один ныне здравствующий архиерей составил чин Погребения архиерейского с «Непорочными», похожими на великосубботние. Там имеются, например, такие слова: «Архиерею, како умиравши!»

Новые детали архиерейского Богослужения, про которые вы спрашиваете, это протодиаконский поклон на великой ектений в начале литургии при упоминании имени архиерея, поклон не Господу, к Которому должна быть обращена молитва, а самому архиерею, за которого молимся (дурно понятый «долг вежливости»); взаимные поклоны друг другу «иподиаконов», несущих дикирий и трикирий; две протодиаконские огромные свечи при каждении храма (вместо одной); таскание жезла впереди архиерея по всему храму (жезлоносец должен оставаться у кафедры)...

Пользуясь тем, что письмо еще не отослано, хочу восполнить перечень тех мелких деталей архиерейской службы, которые мне представляются в той или иной мере неудачными:

Стояние диакона «бочком» во время вел. ектений на литургии (опять нововведение по соображению «вежливости»).

Отсутствие примикирия-священосца, что особенно бросается в глаза при всякого рода входах и выходах»...

Торчание жезлоносца прямо против архиерея во время «Призри с небесе, Боже» и во время других благословений.

«Карусельное» расположение участников каждения во время каждения тетрапода, плащаницы и т. п.

Каждение на полиелее в алтаре без участия «иподиаконов», которые почему-то «дожидаются» на солее возвращения архиерея и диакона из алтаря...

Неимоверное замедление ритма «Аксиос», особенно при архиерейской хиротинии. Новохиротонисуемый архиерей с каждой принадлежностью своего сана обходит всех архиереев по очереди и земным поклоном испрашивает у каждого отдельного благословения на ее возложение.

Хиротония архиерея через возложение малого омофора, который к тому же снимается буквально через две минуты. Старообрядческие архиереи, кажется, вообще не употребляют малого омофора, а обычный омофор не "отлагают" ни разу за всю литургию.....

«...Очень благодарен вам за краткий отзыв о чине Погребения Пресвятыя Богородицы. Кстати, мне подумалось: ну, а если бы вот сами вы стали епископом — решились ли бы вы отменить это новшество в епархии или даже только у себя в соборе? Вряд ли. Собственно, беда-то отнюдь не в факте появления нового чина, а в его порочном копировании Великой Субботы и в его неприемлемых текстах. Чин Погребения Божией Матери воображается мне не траурным, а светлым, «голубым», без сомнительных преданий, с евангельскими воспоминаниями Ея святого Материнства, с идеей желанной, радостной кончины... Но сотворить такой чин мы не умеем, а запретить чин непригодный не смеем — и приходится нам пока что утешать себя хоть тем, что народ все равно не понимает этих забракованных текстов.

Благодарю вас и за перечень новшеств, которые вы заметили в архиерейской службе за последние десятилетия. Со стороны покажется, что мы занимаемся пустяками, а между тем эти мелочи интересно характеризуют литургическое «творчество» последнего времени и в общем-то подтверждают вашу мысль, что ничего хорошего ожидать здесь пока не приходится. Но должен заметить, что в некоторых замечаниях вы несправедливы. — «Торчание» жезлоносца перед архиереем просто не было раньше заметно, потому что это был мальчик и стоял он в таких случаях ниже амвона. — «Карусельное» расположение участников крутового каждения красиво и возникает совершенно естественно; а как же иначе? — Иподиаконы (почему-то вы пишете это слово в кавычках) остаются теперь на солее во время каждения алтаря потому, что не имеют священного права входить во святые врата и обходить вокруг престола. — Ношение перед архиереем жезла (символа епископской власти) имеет не только идейное, но и практическое значение — приготавливает процессии путь, раздвигая народ. Ведь носим же мы на Великом входе архиерейскую «шапку», как называет митру славянский Чиновник.

Если при архиерейской хиротонии возлагать не малый, а большой омофор, то ведь все равно его нужно, вы пишете, через две минуты снимать. Если же его не снимать и вообще отменить это многократное переоблачение архиерея во время литургии, то это вы уже начинаете трудный разговор о реформе — об упрощении архиерейских церемоний. Покойный епископ Антоний, «реформаторскую деятельность которого я наблюдал в мои детские годы, поступил очень просто: он совсем упразднил все эти принадлежности архиерейской службы, которые причиняют всем и самому архиерею столько хлопот — и встречу, и жезл, и орлецы, и даже митру. И по моим детским впечатлениям эта простота прямо соответствовала глубокой духовной торжественности открытой литургии. А я имел возможность сравнивать это тогда с чрезвычайной и очень культурной пышностью церемониала только что восстановленного патриаршества.

Кстати, об этих патриарших служениях мне как-то особенно задушевно запомнился самый младший участник — очень маленький мальчик в стихарчике со свечкой у царских врат; когда же они затворялись и в алтаре начиналось Причащение, он уходил и оставлял горящую свечу одну перед вратами... Свеча, огонек — какая это символика и какая глубочайшая древность. Как же мы некультурны, что это упразднили, а взамен стали изобретать всякие новые художества, вроде того, как вы пишете, что будущий архиерей на коленях «выпрашивает» себе всякую принадлежность облачения у каждого участника своей хиротонии. А если их двадцать? Этого не было, это совсем недавно придумано.

Отмеченные вами обращения к отсутствующему и другие новшества по линии «вежливости» естественно продолжают основную направленность архиерейского ритуала, которую можно условно назвать культом личности епископа. А сам святитель, наоборот, так явно «невежливо» слушает Евангелие «в шапке», причащается отдельно один, и т.п. Не на этой ли почве и помешался автор, который запроектировал свои похороны по чину Великой Субботы? «Архиерею, како умиравши»... Самое тревожное здесь именно в том, что сочинил это архиерей» [18].

О «волосах». Что-то мы совсем заблудились в этом пустячном вопросе. По-видимому, идея «волос» — в том, чтобы выделить клирика и монаха из мирян. Когда миряне носили длинные волосы, то у клириков и монахов, наоборот, было «пострижение» в клир и в монашество. С течением времени на Востоке каким-то там образом все это перевернулось: миряне носят короткие волосы, а клирики и монахи «постригаются» только символически, в литургическом чине, на деле же, наоборот, «отращивают» себе длинные волосы. Эта новая традиция длинных волос у священников стала уже настолько привычной, что темные элементы в церковном народе считают ее неперемнным признаком неповрежденного «православия»... В угоду им многие русские священники и ныне носят еще эти длинные волосы. Но как быть с этими длинными волосами вне храма, в штатской одежде? Оставить их на плечах — будешь «похож на Робинзона Крузо» (А. П. Чехов). Ходить по улице в рясе — сегодня это было бы то же самое, как если бы ходить по улице в ризе... Вот и приходится священнику, не желающему расстаться с нехорошей традицией, устраивать смешную маскировку, недостойную сана священника. Уместно вспомнить здесь слово апостола: «Не сама ли природа учит вас, что если мужчина растит волосы, то это бесчестье для него» (К Коринфянам I, гл.ХI). А в последнее время появились эксцентрики, которые заплетают свои православные волосы в косы, в женские прически — и в таком виде облачаются в священные ризы, предстоят алтарю... В высшей степени удивительно, загадочно — как архиереи и народ церковный могут терпеть это кошунственное уродство.

Верно отмечено, что «волосы», фальшивые титулы, стекляшки, все это — явления одного порядка. Как правило, чрезвычайно уродливы «наградные кресты». И титул «протоиерея» уродлив, когда все кругом — протоиереи. То же самое с титулом «архиепископа». Среди многих епископов возможен только один первый епископ — архиепископ. Это титул главы национальной Церкви. А у нас половина епископов — «архиепископы»; это все равно, как если бы они стали величать себя патриархами... «Преосвященный» — в этом титуле выражена высочайшая степень освященности иерарха. Но нам этого мало, у нас — «преосвященнейший» или даже «высокопреосвященнейший». Эта высокопревосходнейшая степень уродлива.

В этой переписке явилась совсем новая тема — Чин Погребения Божией Матери. Говорят, что еще полсотни лет тому назад этот чин с нехорошим текстом справлялся в единственном месте в России — в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры. А теперь он совершается в каждом приходском храме... Новшество явилось и широко распространилось на наших глазах, — и не было об этом никакого соборного решения. Правда, Московская Патриархия помогла внедрению новшества изданием в 1950 году службы Успению со включением неудовлетворительных текстов. Вот пример мирного развития (в данном случае — плохого развития) церковного Богослужения.

68

Обмен письмами, 1964:

«...Известно, что традиция требует индивидуальной исповеди кающихся, и в Требнике определенно сказано: "Приводит духовный отец хотящего исповедаться единаго, а не два или многия". Отступления от этого уставного указания Русской церковью допускалось только в одном случае — на корабле во время его гибели. В этом случае иерей имел право совершить общую исповедь. Но в Кронштадте о. Иоанн ввел общую исповедь для всех приходивших в храм для покаяния. Для людей, которые руководствовались больше буквой закона, чем его духом, это был соблазн, происходящий не где-то в глуши необъятной матушки Руси, а на глазах у Святейшего Синода, в епархии председательствующего в Синоде митрополита. Синод мог запретить о. Иоанну это делать, и последний, получив запрещение, конечно, не пошел бы на разрыв с Церковью и подчинился бы синодальному определению. Но облагодатствование общей исповеди, совершаемой о. Иоанном, было так очевидно, сила Святаго Духа так действительна в кающихся, что подобное запрещение со стороны Святейшаго Синода было немислимо.

В пору "расцвета" обновленчества, когда необновленцы лишались своих храмов и были вынуждены "прилепляться" к другим церковным общинам, общая исповедь получила широкое распространение. Позднее

условия военного времени, сокращение храмов и числа священников еще более содействовали укреплению этой новой литургической практики таинства покаяния. Из исключения, каким она была когда-то в Кронштадтском Андреевском соборе, она стала общераспространенным явлением, несмотря на то, что святейший патриарх Алексей не одобрил ее и подтвердил необходимость совершения индивидуальной исповеди.

Говорить о том, как будут в дальнейшем изменяться богослужебные формы, — это значит брать на себя задачу выше своих сил и возможностей. Одно ясно, что хороший духовник и общую исповедь сумеет провести на должной высоте, а плохой и индивидуальную портит».

«Порицая в свое время общую исповедь, наш патриарх, несомненно, имел в виду практику, которую наблюдал в Ленинграде. А это была профанация общей исповеди — не исповедь, а проповедь на тему о покаянии, в заключение которой произносилось отпущение всем всех грехов. Не вспоминая исключительного явления, каким была общая исповедь у о. Иоанна Кронштадтского, можно так изложить в общих чертах чин современной общей исповеди там, где она совершается прилично:

- 1) общая молитва перед исповедью;
- 2) краткая проповедь о покаянии;
- 3) исповедание во грехах — испытание совести под руководством священника, который обзревает типичные нарушения идеала христианской жизни и получает ответы кающихся: «грешен»;
- 4) общая тайносовершительная молитва «Господи Боже спасения рабов Твоих», при чтении которой кающиеся вставляют свои имена;
- 5) целование креста и Евангелия;
- 6) при этом в отдельных случаях — дополнительное тайное исповедание грехов не названных или особо оговоренных при общем испытании совести и отдельное разрешение этих грехов священником по формуле: «Господь и Бог наш Иисус Христос»...

Сопоставляя такой чин исповеди с исповедью индивидуальной, мы видим в них полное совпадение всех элементов. Не знаю, как исторически сложилась традиция индивидуальной исповеди. Мне представляется ясным, что цель требования исповедовать «единого, а не два или многия» заключалась в соблюдении тайны исповеди; а это и при общей исповеди может быть хорошо обеспечено. Зато со стороны самого содержания исповеди, испытания совести — общая исповедь может быть, как правило, не хуже, а лучше исповеди индивидуальной. Даже если на исповедь пришло только 20 человек — лучше будет для каждого из них, если я проведу с ними общую исповедь, покаюсь сам вместе с ними в продолжение, скажем, 40 минут, чем если бы я стал заниматься с каждым отдельно по 5, даже по 20 минут: все равно я не сумел бы провести с каждым столь тщательное испытание совести, как это можно сделать именно на общей исповеди. Я не беру здесь чрезвычайно редкий случай, когда действует духовник, обладающий на это особым талантом от Бога; он-то, может быть, разгадывает человека со взгляда и ему-то, может быть, и действительно лучше поговорить наедине с каждым в отдельности. Да, бывают священники, у которых звание «пресвитер» действительно соответствует древнему слову «старец» в смысле именно духоносной способности старчества, руководства в духовной жизни... Но таких духовников у нас чрезвычайно мало, а я говорю с точки зрения священника рядового, не обладающего особыми дарованиями, но тем не менее серьезно намеренного исполнить свой долг. Со стыдом вспоминаю, как в первые годы священства однажды (в Вербное воскресенье) перед литургией исповедаться у меня пожелала без малого вся церковь. Люди просили общей исповеди, а я тогда проводить ее не умел и отказался, сославшись на запрещение патриарха... И в продолжении нескольких мучительных часов я проводил «индивидуальную исповедь», о которой, говорю, мне до сих пор стыдно вспомнить. А какая могла бы состояться здесь великолепная общая исповедь!.. Вообще профанация таинства чаще имеет место как раз не в общей, а в индивидуальной исповеди, только это не бывает заметно со стороны. В семинарии у нас инспектор стоял за службами в таком месте, куда доносились голоса исповедующих священников. После он рассказывал, как один монах, простой добродушный украинец, исповедовал каждого по очень простому способу, напоминающему чин приема в Сечь запорожцев у Гоголя: "Отче наш" знаешь? А ну, перекрестись!... Другой батюшка, вкусивший литературы, почему-то на каждой исповеди склонял имя Тургенева. У меня у самого был тогда случай: одна дама решительно заявила на исповеди, что ни в чем она не грешна; а когда я хотел отстранить ее от исповеди, то она с искренним возмущением заявила, что имеет на работе похвальную грамоту! Конечно, на хорошей общей исповеди она гораздо лучше осознала бы свое действительное положение, чем из моих поспешных уговоров... Нет, общая исповедь, проведенная с соблюдением упомянутого выше распорядка, оказывается, как правило, лучше исповеди индивидуальной.

Общая исповедь — не упущение, а достижение нашего времени. Но нужно бы еще много поработать, чтобы довести этот чин до совершенства, с каким должно быть все исполняемо в Церкви. Как часто бывает, например, что испытание совести ведется по случайным импровизациям священника, по заповедям не Нового, а Ветхого Завета, и т. п. Разработать бы надежную схему общего исповедания, собрать бы лучшие

образцы кратчайшей покаянной проповеди, все это рассмотреть, обсудить, исправить, рекомендовать. Это было бы не администрирование, а подлинно церковное делание — просвещенный общий совет. Но никто у нас этим не занимается и никому до этого дела нет».

«Мне по этому вопросу труднее говорить, потому что я не священник, но я исхожу из слов, которые говорит нам на исповеди священник: "Внемли убо, понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши". Да, исповедь есть врачевание и духовник — врач. Но всякому известно, что от врача требуется внимательно-сострадательное отношение к больным. Бездушных врачей осуждают, как плохих, и к ним не хотят идти лечиться. Для хорошей исповеди, мне кажется, нужно не только сокрушение о грехах самих кающихся, но и сострадание к этим людям, как к несчастным, со стороны духовника. Образ сострадательного духовника являет Сам Христос Спаситель при обращении к Нему грешников (блудница, разбойник, отречшийся Петр). Но, к сожалению, наши духовники часто забывают об этом. Некоторые даже не читают положенных в чине исповеди молитв, проникнутых духом сострадания к несчастным грешникам. Духовники скорее сосредоточивают внимание на сакраментальном акте завершения исповеди, не зная, что сама разрешительная молитва "Господь и Бог наш..." с ее внушительными словами "прощаю и разрешаю..." существует в нашем Требнике лишь с конца XVII в., и пришла к нам «случайно» с Запада, а у православных греков и поныне ее нет и исповедь сводится у них не к объявлению о прощении грехов, а к молитве за согрешивших. Большого сказать не могу, чтобы не впасть в осуждение, памятуя свое мирское положение...»

«...Должен признаться, что всегда меня несколько смущает эта формула: "властию Его мне данную прощаю"... Я — не судия, я «точию свидетель семь...», недостойный представитель Церкви Христовой; а в формуле этой нет речи о Церкви, в ней отражается католическое представление об юридической власти клира. Можно заметить, что формула эта, отсутствующая в древнем православии греков, отсутствует и у нас в самом важном, так сказать, в решающем случае: исповедь болящего, возможно, предсмертная и в нашем Требнике заканчивается не сакраментальной формулой, а молитвой. «...И аще будет больной прежде сего исповедался: то абие причащает его святых Тайн. Аще ли же ни, повелевает иерей мало отступить ту сущим, и вопрошает его о согрешениях различных... И по исповедании глаголет иерей молитву сию: Господи Боже наш, Петру и блуднице слезами грехи оставивый, и мытаря по-знавгигаго своя прегрешения оправдивый, пришли исповедания раба Твоего (имя-рек), и еже Ти согреши, вольных его грехи и невольных, словом или делом, или помышлением, яко благ презри. Ты бо един власть имаши отпущати грехи. Яко Бог милостем и щедротам еси и Тебе славу возсылаем...» Ни о какой прощающей и разрешающей формуле здесь не говорится. Странно, как это так — столь важное дело до сих пор не приведено у нас в полную и совершенную ясность».

Ничего не приведено в ясность. Смиранный ученый христианин пишет, что нуждается не в сакраментальной католической формуле, а в сострадательной молитве священника. Вот еще авторитетное свидетельство такого же рода: «Во время исповеди очень многие, если не все, больше всего нуждаются, чтобы священник помолился с ними» (свящ. А. Ельчанинов, Советы молодым священникам).

Проверь себя — способен ли ты быть таким духовным врачом, это не всем дается. Есть охотники заводить себе «духовных детей», исповедовать их непременно уединенно. Это может быть очень хорошо; но горе им, если нет у них на это особой харизмы от Бога... Если ты не чувствуешь в себе этого особого дара — не унывай, в служении священства и без того много дела. Зато хорошо проводи хорошо подготовленную Общую Исповедь. Будь здесь не следователем, а свидетелем и участником общего покаяния.

Но как провести хорошо Общую Исповедь? Поразительна, мягко выражаясь, «недоработанность» нашего Требника в чине Исповедания:

"..... — Рцы ми: не паля ли еси со скотом, или со птицею?
— Рцы ми, чадо: не убил ли еси человека волею или неволею?..."

Безумец, который попробовал бы вести такое следствие на Исповеди, вызвал бы скандал в церкви. Мы уже, что называется, махнули рукой на Требник в этом вопросе и проводим Исповедь кто как сумеет... На частной Исповеди нашу нищету скроет, а то и выручит нас сам исповедник. Но что делать на Общей Исповеди? Здесь драгоценные души отдаются во власть всякого рода шпаргалок и импровизаций, нередко исполненных глупости, пошлости, заблуждений... Только смиренное покаянное чувство помогает слушателям переносить это.

Из общецерковного, соборного опыта надо бы заполнить это пустое место Требника. Надо бы составить и дальше все улучшать, улучшать — варианты краткого учительного слова перед Исповедью. Надо составить — и дальше все улучшать — образцовый чин и полный текст Общей Исповеди, с таким испытанием совести, которое охватывало бы всю духовную жизнь человека. Надо выделить из Общей Исповеди и вывести в Исповедь тайную грехи непристойные. Надо выяснить наконец и для всех разрешить вопрос о заключительной молитве Таинства Покаяния... Все это насущно необходимо — и ничего этого не делается.

Обмен письмами, 1963:

«На стр. 58-59 № 11 ЖМП за 1962 г. написано: "Одним из спасительнейших и существеннейших проявлений Церкви является Богослужение, без которого невозможна духовная жизнь и духовное возрастание членов Церкви.. Ни в чем так полно не проявляется вся сущность православия, как в Св. Евхаристии — средоточии всех таинств Церкви. Вся природа Церкви евхаристична, и без Евхаристии немислима Церковь... Большое значение имеют авторитет и личная жизнь пастырей, так как лучшей проповедью является сама христианская жизнь"... Дальше: "В противоположность воззрениям протестантизма Православная Церковь учит, что общественная молитва, совершаемая без священника, ни в коем случае не может заменить Богослужения".

Такие мысли высказываются теперь, когда количество храмов резко сокращается, а количество священников, особенно таких, личная жизнь которых могла бы явиться лучшей проповедью, и вовсе не велико. Я уж не говорю об изменении роли священника в действующих приходах (получаются какие-то вольнонаемные культработники — от слова «культ», а не «культура»). Но в каком же положении оказываются верующие там, где храмы уже не действуют? Кто «окормляет» (какое странное и неприятное слово придумано!) таких верующих? По теории ЖМП получается, что таких верующих нельзя считать даже православными христианами — членами Церкви. Кто же они? И в чем может выражаться их общественная религиозная жизнь? Не ближе ли к слагающимся условиям жизни стоят «неритуалистические» церкви, о которых идет речь в начале стр. 58 журнала, то есть, попросту говоря, и наши сектанты, беспоповцы и тому подобные? Разве Иисус Христос не сказал: "Где двое или трое соберутся во Имя Мое"... и т.д...»?

«...Прежде всего нужно иметь в виду, что печатный орган, о котором вы пишете, имеет крайне ограниченный профиль — как по выбору тем, так и по их трактовке. Вероятно, вы успели уже заметить, что в этом издании не бывает никакой апологетики, никакой проблематики, никакой самокритики... Хорошо, если изредка появится интересный отчет о книгах или посещениях. Как правило, все остальное — только всяческое благоглаголанье благопотребное (выражение В. С. Соловьева), в котором напрасно искать пищу для души. Цитированной вами статья я не читал, но, судя по приведенным вами выпискам, она не составляет исключения из этого печального правила.

"Без Богослужения невозможна духовная жизнь". "Без Евхаристии немислима Церковь". Это — всего только риторические обороты. Уважаемый З. уже обращал наше внимание на православных подвижников, которые без общественного Богослужения и без Евхаристии достигали высочайших вершин духовной жизни. А мы и с Евхаристией никуда не годимся. Мы бываем похожи на бездельников, которые хвастались бы тем, что хорошо обедают, и ожидали бы за это награды. Горе нам, книжникам и фарисеям.

Признаю себя недостойным говорить о таинственной святине Евхаристии. Но непременно нужно заметить, что она не является у нас общественным Богослужением, ибо совершается втайне от церковного народа. Вероятно, и Вам приходилось наблюдать, как в самые важные моменты Евхаристии наш православный мирянин вдруг преспокойно поворачивается и начинает проталкиваться к выходу. Это потому, что он не участвует в Евхаристии, просто не замечает ее. Для народа у нас есть Причащение, и есть отдельные души, на которые это таинство оказывает мощное благодатное действие. Но Евхаристия осталась у нас только для священников... Замечательно, что эта проблема, занимавшая наших русских реформаторов, теперь, через сорок лет, неожиданно для нас встала в центре внимания Римской церкви.

...Но это — не про нас разговор. Наши условия вы оцениваете вполне верно. Едва ли не большинство уже членов нашей Церкви остались без храма и священника. И неизвестно, долго ли это продлится. Как возрастает здесь значение какой-нибудь старушки, которая может окрестить младенца, может почитать что-то над гробом... Знаменательно, что эти два таинства, так сказать... встречи и проводов человека, могут быть совершаемы без священника, любым членом Церкви. Не может быть никакого сомнения в законной чести иерархии; но речь у нас идет не о чести, а о работе... Будь мы менее беспечны — давно уже надо было подработать хороший краткий чин такого крещения и такого погребения без храма и священника. И не отлучать от Церкви, а научить надо бы людей, как им церковно вести себя, например, на Пасхе, на новоселье, на свадьбе и т. д., если нет храма и священника и если даже и двое или трое не могут быть собраны во Имя Христово.

Вы знаете, что я давно уже не служу, и это дает мне возможность лучше судить о значении современного русского священства со стороны. Сначала позвольте вас поправить в том отношении, что нельзя противопоставлять «культ» и «культуру». Именно в церковности, в культе получила начало всякая наша культура. «Вся культура — из храма» (Фрезер). И я должен сказать вам, что если бы наш современный священник, будучи, разумеется, вполне приличным и порядочным человеком в других отношениях, сумел бы в доверенном ему храме организовать общественную молитву так, чтобы она была наивозможно более впечатляюща, «культурна», — ничего больше от него нельзя и требовать в наших условиях. Но этого-то мы и не делаем.

Слово «окормляет» взято из мореплавания, оно соответствует существительному «кормчий» (от «корма» корабля). Быть кормчим, рулевым в плавании по житейскому морю, истинно руководить духовной жизнью другого человека — это дано далеко не всякому священнику. В Греческой церкви духовникам давалась на это

особая архиерейская грамота. У нас есть наставники, к которым ездят за сотни километров, их и раньше было очень немного. Но очень опасно, если вообразит себя духовным руководителем священник, не имеющий на это дарования от Бога. Самое большее, что он должен был бы делать, — это проводить хорошую, «культурную» общую исповедь. Но этого-то мы и не делаем.

То же нужно сказать о даре проповеди. Одна глубоко верующая женщина написала мне из большого города, где много церквей и священников: «Вот было бы хорошо, если бы запретили говорить проповеди». Я часто бываю готов с ней согласиться. Мы сами унижаем нашу святую, мы говорим страшно плохо не только по форме, но, главное, и по самому содержанию, нам лучше молчать, не произносить с амвона ничего "от себя". Пусть как можно лучше говорит само Богослужение. И в качестве составной части Богослужения нам нужно хорошее (только хорошее, только очень хорошее) краткое учительное слово, чтобы мы читали его народу, как это бывает с пасхальными посланиями Патриарха. На большее мы теперь не способны; но этого-то мы и не делаем.

"Лучшей проповедью является сама христианская жизнь". В целом можно сказать: такой проповеди у нас нет. Священник находится в этом отношении только наиболее на виду. Условно можно назвать это христианским представительством. Неверующий с тайным интересом присматривается к священнику на улице, в автобусе, на вокзале... О, да это совсем такой же хмурый, такой же озабоченный о себе, только о себе человек, как и все мы вокруг. Что-то не чувствуется в нем радости его веры, нет в его взоре вдохновения добра, душевного света... Таково поверхностное впечатление — и так подавляюще часто оно оказывается верным и по существу. Почему все мы, верующие, в нашей практической жизни ничем не отличаемся от неверующих? В этих печальных размышлениях есть и свое утешение: да, мы на деле ниже своей веры; но зато неверующие на деле выше своего неверия, — вот мы и сравнялись. Свет Христов просвещает всех, всех».

«Христианское представительство» довольно часто требует помимо светлой репутации еще и подготовленности к тому, что можно назвать домашней проповедью. Например, я приглашен на свадьбу, в смешанное общество верующих, полуверующих, атеистов — приглашен не в качестве священника, а просто как друг или родственник. Неужели я останусь только безмолвным участником какого-нибудь там «нового обряда» или мещанских обычаев и суеверий? Неужели буду только выпивать и закусывать?.. Нет, как христианин, я должен буду в удобный момент произнести хорошую приветственную речь, которая произвела бы благодатное воздействие, запомнилась бы новобрачным и всем участникам радостного торжества... Я очень хотел бы иметь образцы или конспекты такой свадебной приветственной речи. А если нет у меня ничего в запасе — то лучше мне и не показываться на этой свадьбе.

Похороны, участие в поминальном обеде. Помню, когда я служил псаломщиком, то осуждал моего настоятеля, что он за столом молчит или говорит о погоде... Но вот сам я стал священником — и тоже молчал или говорил о погоде... Моя вина, великая вина. Но там у нас было за столом хоть зауспокойное пение. А когда не может быть пения? Чрезвычайно важно не промолчать — подготовиться, сказать именно здесь столь значительное христианское, единственно верное слово... Слышал, что Х. всякий раз очень хорошо выступает в подобных случаях. Хотел бы я пойти к нему в псаломщики — записать лучшие образцы и конспекты. Вот это и есть самое настоящее современное литургическое творчество.

70

«...Простому человеку переживание тайны бытия открывается в непосредственном чувстве, особенно когда он выходит из круга привычного существования. Случалось ли вам когда-либо участвовать в старинном обычае расставания при отъезде близкого человека? Мне хочется назвать это таинством разлуки. Все присаживаются на несколько секунд и молчат; потом встают, молятся и начинают прощаться... И вот в эти немногие секунды, когда царит общее молчание — как бы останавливается время, и вас охватывает живое ощущение тайны. Тайны не только будущего, но и настоящего, тайны всего...

Где мы? В этот момент и неверующий, я думаю, бывает тронут, и его прикасается что-то». *Из письма, 1963*

Этот древний домашний «чин расставания», хотя он и в таком виде очень хорош, следовало бы утвердить еще и хорошим текстом гласной молитвы, которую могли бы прочитать старший или старшая из провожающих, когда все встали после молчания.

Прикосновение к тайне времени совершается также и при домашней встрече Нового Года. Чоканье бокалов — это пошлость, это можно потом, а торжественный момент боя часов надо встретить общей молитвой. Благодарить за прошедший год, молиться о прощении прошлых грехов, просить благоволения и помощи на год предстоящий. Хорошие выражения на эти темы содержатся в чине церковного молебна на Новолетие. Тут есть еще сторона, на которую не обращали прежде внимания. Мы встречаем Новый год от Рождества Христова... Обо всем этом надо хорошо сказать в приветственной речи. В статье «Праздник и культура» (журн. «Декоративное искусство» № 10 за 1968 г.) Г. Померанц писал, что «без часа благоговения в церкви Рождество с его колячками так же немислимо, как веселый Новый год без благоговейного прислушивания к бою часов. Момент благоговения — внутренняя необходимость полного праздничного мироощущения.

Стрелка часов, приходящая к 12, успешно выполняет в нашем секуляризованном быту функцию Причастия и позволяет понять, в чем заключается эта функция: в чувственно-предметном прикосновении к Вечности...» Да — но зачем немая «стрелка часов», когда у нас есть способность человеческой речи? Думается, что молитва и речь за новогодним столом, если они будут хорошо составлены и хорошо произнесены, получают тайное одобрение и у неверующих гостей. Ибо без этого слишком уж явно видно всем несоответствие между величию Тайны, к которой мы прикасаемся, и какими-то там бокалами и прочей мещанской обрядностью.

71

«Помяни, Человеколюбие Господи, души отшедших раб Твоих, младенцев, кои во утробе православных матерей умерли нечаянно от неведомых действий, или от трудного рождения, или от некоей неосторожности, и потому не приняли святого таинства Крещения. Окрести их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею благодатию».

Эта молитва приписана от руки на последнем листе старого семейного молитвенника. Трогательный пример робкой «самодеятельности», литургического творчества, когда случай не предусмотрен в Требнике и Молитвослове. «Окрести их в море щедрот Твоих»; это должно быть сказано в будущем чине церковного Погребения младенцев, которые скончались до Святого Крещения.

Да, должен быть такой чин. Практически в какой-то неизвестной нам форме он существовал уже в древней Церкви, когда не было еще нашего обычая крестить малых детей. Если умер ребенок — неужели христиане хоронили его «как собаку», без общей молитвы? Всякого рода «догматические» домыслы на тему о том, «спасутся» ли некрещенные младенцы, или фатально обречены на адские муки, как полагал, кажется бл. Августин, — все это уже начало схоластического упадка, и все это падает перед практической, жизненной потребностью христианской любви. А вот слово Евангелия:

«...Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие» (по Марку, гл 10).

Это было сказано о некрещенных еврейских младенцах... Вся эта тема не только литургическая, но таково фактическое положение дела, что мы должны принимать литургическое решение, не дожидаясь, что скажет об этом схоластика.

Особая и несравненно более трудная проблема — огласительное слово на погребение младенца, крещеного или некрещеного. Смерть ребенка — в этом событии как нельзя более остро ставится вопрос о Промысле Божию. Правильно, православно ли поступаем, когда все, что ни случится, приписываем благой воле Божией? А может быть следует думать, что в бессмысленной смерти ребенка проявилось действие Мирового Зла, Дьявола — что это (не без нашей общей вины) есть поражение доброго Промысла? Вот — «нерешаемость», вечное наше недоумение, на которое мы никогда не получим ответа ни у какой схоластики. Думается, что только под таким знаком вопроса и может быть сказано искреннее слово на Погребение младенца.

72

«...Некогда я побывал на ревизии в одном приходе, и там протодьякон, человек уже старый, но всем интересующийся, рассказал мне, как он спросил однажды у своего настоятеля:

— Спасутся ли татары?

Настоятель там был «проповедник», с провинциальным апломбом. Он отвечал протодьякону важно, что сразу сказать не может — почитает, подумает. На другой день приходит настоятель в алтарь и между делами говорит любознательному протодьякону:

— Да, вы спрашивали о татарах: нет, не спасутся. Ничего не поделаешь!»

Из письма, 1961

Инаковерующие и неверующие. Апостол Павел призывал христиан «совершать молитвы, прошения, благодарения (евхаристии) за всех человеков, за царей и за всех начальствующих» (к Тимофею, I, гл. 2). Сегодня мы молимся всецерковно, гласно только за начальствующих. Остальные инаковерующие и неверующие для нас как будто не существуют, как будто и в самом деле прав был смешной настоятель. У него было недостойное представление о Церкви, как о некоей провинции «спасающихся», куда попадают по

случайностям рождения в той или иной национальности. Но не так «угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (к Тимофею, там же). Идея Церкви, всечеловеческого Тела Христова — сверхразумна, она вне схоластических определений. Как и выше в вопросе о некрещеных младенцах, литургическое решение выносит не догматическая «теория», а живая практика христианской любви. Уединенно, «частным образом» мы как нельзя более искренне, не сомневаясь нисколько, горячо молимся о наших дорогих неверующих, живых и усопших, прозревая сквозь условности их случайных так называемых «мировоззренческих» заблуждений мистическую духовную глубину личности... Мы молимся так дома — и это же должно получить выражение и в нашем церковном Богослужении.

73

Ужасы устремились на меня...
Книга Иова, гл. 32.

Вот еще случай, когда так нужна и так горестно отсутствует церковная молитва: похороны самоубийцы. В лютеранском служебнике (или не помню, как еще называется у них эта книга) я читал замечательный образец пасторской проповеди на таком погребении. К сожалению, ничего я не записал, запомнил только главные мысли. Человеку было очень тяжело, он очень унывал, ужасны были ураганы, заставившие искать упокоения души в безумном поступке. А вокруг была такая душевная холодность, такое безучастное отношение, что несчастный не подумал в своей беде к нам обратиться. Мы виноваты в этой страшной смерти. Покаемся же, проверим себя, свое душевное устройство, свое отношение к ближним... Как известно, лютеране не молятся об усопших; но вот — нашли в самоубийстве суровый урок для живущих. А мы молимся за усопших, мы справедливо считаем это великим преимуществом нашего исповедания — и оставили без молитвы такой исключительный случай, когда от нас требуется особенно усиленная церковная молитва.

74

Многословие — сходная проблема церковного Богослужения и домашней молитвы. В Молитвослове издания 1896 года молитвы утренние, например, составляют в общей сложности около 1.700 (тысячи семисот) слов. «Со страхом зовем в полунощи...» Ночная молитва? «Приидите, поклонимся» — обращение ко многим участникам. Иноческое келейное правило? Псалом 50 и восемь молитв... В общем, на добрые полчаса времени. Нет, нашему трудящемуся современнику это не подходит. Впрочем, в самом Молитвослове напечатана рекомендация:

Зри. Если мало имеешь времени и вскоре обязан приступить к занятиям по должности, то из положенных молитв лучше произнести только некоторые со вниманием и усердием, нежели читать все поспешно и с малым вниманием.

По этому хорошему принципу каждый из нас практически осуществляет сегодня какую-то свою «реформу устава» утренней молитвы. Незачем читать Псалом 50, когда всю тему утреннего покаяния можно вложить в слова напечатанной раньше молитвы мытаря из Евангелия: «Боже, милостив буди мне, грешному». В двух молитвах есть тема благодарения за прошедшую ночь и за наступающий новый день в этой жизни; но благодарение это может быть выражено и в напечатанном уже раньше кратком воззвании: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Конечно, если не скользить по ним привычно-бездушно... И т. п. Некоторые избирают из восьми иноческих молитв какую-нибудь одну и приспособливают ее к своему «мирскому» профилю. В молитве преп. Макария Великого говорится: «И избави мя от всякия мирския злыя вещи»; а мой друг Х. молится: «И избавь меня от всякого лихого слова и дела»... Некоторые новые христиане пробуют составить свою, совсем новую утреннюю молитву — и, возможно, будут в этом их творчестве выражения, достойные общего внимания. В домашнем Богослужении мы вольны распорядиться каждый по своему разумению. Но хорошо было бы иметь рекомендуемые уставы утренней молитвы — минут на 5, максимум на 10, чтобы нам духовно сосредоточиться, и не только о себе, но непременно и о других помолиться, живых и усопших, и хоть несколько строк из Писания прочитать — и поспеть к занятиям по должности.

[17] полностью

[18] Письмо А.Э.Краснова-Левитина.

«Многословие» в молитве хотя бы тем уже хорошо, что наше сознание дольше привязано к святым словам.

Если при этом нет даже полной погруженности в смысл произносимых слов, а только отвлечение от пустяков, суеты, забот, нечистых мыслей, и то это очень много. А если к этому — переживание хоть 1/100 читаемого, то душа приобретает этим неисчислимые сокровища...

Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и действие слова независимы от психологии говорящего. Если бранное, грязное слово сквернит и ранит душу произносящего и даже слушающего, то святые слова молитв, даже рассеянно повторяемых, тонкими штрихами покрывают нашу память, ум, сердце и производят над нами благоую работу, нам неведомую».

Свящ. А. Ельчанинов. Отрывки из дневника.

С уважением выписываю эти замечания, хотя такая откровенная «инфляция» священного слова формально как будто прямо противоречит Евангелию. Все дело в адресе — для кого это говорится.

Мы уже забыли о литургическом разнообразии, которое было в древней и еще в средневековой Церкви. Русский летописец свидетельствовал, что послы князя Владимира были в восторге от церковного Богослужения, которое увидели в Царьграде X века. Это было торжественно-церемониальное, музыкальное, «песенное» Богослужение. Его и приняла было сначала Русь для своих приходов. Но вскоре пришли с Востока уставы другие, монастырские, характерным качеством которых было утомительное многословие чтений, перенесенное в храм из монашеского келейного правила. Причинами такой всеобщей перемены в русском церковном Богослужении историки считают незначительный состав клира, отсутствие искусных певцов, неблагоприятные условия татарского нашествия. Можно полагать, что была и еще причина: глубокое уважение русского народа к монашеству, стремление подражать и приобщиться к его молитвенному подвигу в церковном Богослужении.

«Монах есть непрестанный свет в очах сердца. Монах есть тот, кто имеет такой же навык к добродетелям, какой другие к страстям. Монах есть бездна смирения, в которую он низринут, и в которой потопил всякого злого духа...» Это — из «Лестницы» преподобного Иоанна. Мы преклоняемся пред монашеским идеалом христианской жизни. На этом своем особенном пути монахи установили для себя свой особенный строй молитвы — да, очень многословной, очень утомительной молитвы. В Студийском и Иерусалимском типиконах была специальная должность «будильщика», который ходил по рядам молящейся братии. «Молитва за мир», — так уже почти в наше время определял призвание монашества старец Силуан. Для такого монаха, посвятившего жизнь молитве, церковное Богослужение, как и келейное правило, — это аскеза, труд, борение, подвиг, изредка венчаемый моментами духовных озарений... И не нам учить монахов, как им молиться — какое должно у них быть церковное Богослужение.

Но каждому свое. Вот пришел («забежал») в храм наш современник, чтобы отдохнуть и укрепиться душой в своем особенном «мирском», семейном, общественном служении. Можно ли спрашивать с него монашеского многословно-молитвенного подвига, можно ли предлагать ему такое церковное Богослужение, которое будет для него только трудным испытанием терпения? — Никоим образом. Из глубокой древности доносится к нам суждение монаха о том, каково должно быть у нас, у мирян, церковное Богослужение. В упоминавшейся выше (заметка 18) статье проф. Н. Д. Успенского цитирован памятник V века, в котором идет речь о бывшем тогда принципиальном различии в монашеском и мирском отношениях к церковному Богослужению. Послушник жаловался игумену, что старец не позволяет ему петь в келье. Игумен, уговаривая инока не покидать старца, сказал ему, что церковное пение прилично мирским священникам — «чтобы привлекать народ в храмы»... Таково наше призвание, которого мы не исполняем.

Будущие формы церковного Богослужения должны быть привлекательны — и в этом качестве они должны быть разнообразны. Среди них может оставаться и нынешняя наша полумонашеская очень многословная, очень утомительная форма, которая тем не менее еще и сегодня достаточно привлекательна для определенной части народа. Но она не может быть монополюсна. Вероятно, здесь правильна будет аналогия с многообразием направлений в искусстве... Где-то у бл. Августина есть выражение, что разнообразием украшается Церковь Христова.

«...Мы не в состоянии были прийти в себя от усталости, и наши ноги подкашивались. Да поможет нам Бог закончить эту неделю. По-видимому, ноги у них из железа, однако в стране русских нет иной заметной болезни, как только подагра и неизлечимая боль в ногах, начиная с царей и кончая бедняками, — все это происходит от продолжительного стояния в церквах...»

Мы умирали от усталости, ноги наши подкашивались от непрерывного стояния с раннего утра до вечера. Но мир Божий да почитет на мирянах, мужчинах и женщинах, детях и девушках за их терпение, и стояние, и твердость с раннего утра и до сих пор...

Вещи, достойные изумления! Каких удивительных обычаев и поразительных подвигов мы были свидетелями среди этого народа! Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги. Они не устают и не утомляются. Всевышний Бог да продлит их существование»...

Страстная неделя в Москве.
Из воспоминаний архиепископа Павла Алеппского
(посетившего Русь с патриархом Антиохийским [19]
при царе Алексее Михайловиче).

«Молитва ногами»... Русские смиренно приняли с Востока чужие уставы и взялись так прилежно их исполнять, что гости с Востока сами не могли этого вынести. Исстари русский народ смотрел на церковное Богослужение как на некий благочестиво-утомительный физический подвиг.

В нашем духовенстве и до сих пор еще действует некая как бы даже установка на «изнеможение» народа в храме. Показательны в этом отношении паремии на вечернях под Рождество, под Богоявление, в Великую Субботу. Они положены были когда-то затем, чтобы занять внимание народа на то время, пока духовенство уходило из храма, чтобы совершать Крещение новых христиан. Ныне духовенство отсиживается себе в алтаре, а народ томится на ногах, слушая совершенно непонятное церковно-славянское чтение паремий. Ну, можно было бы для соблюдения стиля прочесть получше две-три паремии с торжественным пением положенных припевов в алтаре и с народом. Но нет — мы читаем восемь, тринадцать, пятнадцать паремий до полного изнеможения.

Другой пример — всенощная под Воздвижение. Вынос креста совершается после Великого славословия, сюда перемещается центр службы. Надо бы по возможности перед этим ее ускорить, облегчить ожидание выноса, после которого предстоит ведь еще долгое прикладывание ко кресту... Но нигде этого не делают.

А однажды я пришел ко всенощной под Воздвижение и услышал... акафист, который читали в алтаре. Так я выноса креста и не дождался, хотя было уже около девяти часов вечера. Народ продолжал терпеливо стоять; но я как-то совсем не умилился от такого его терпения. Напротив, оно внушает тревожные мысли.

77

«...Я хочу сказать дальше, что даже и в храме я одинок. Не берусь давать характеристику современной церковности в целом, но могу передать мои непосредственные личные впечатления. Здесь одни женщины, сплошное женское царство. Вероятно, вы возразите словами ап. Павла, что во Христе нет уже ни мужского пола, ни женского. Но у нас получается так, что в Церкви нет мужского пола, а есть только женский. Редкие мужчины здесь либо вертятся около церковной казны, либо эксцентрики и обломки (вроде меня). И даже те мужчины, которые призваны руководить церковностью — священники, — и те заметно подпали под влияние женского пола. Просто невозможно уже слушать проповеди — так явно неискренне приспосабливаются они к самому что ни на есть бабьему восприятию. Невозможно представить, как могла бы слушать такую проповедь даже самая благожелательно настроенная мужская аудитория.

Много хороших слов было сказано о древней красоте православного церковного Богослужения — а я этой красоты что-то не вижу, не понимаю. В частности, пение: чем слабее и никудышнее составы певческих хоров, тем более они почему-то хватаются за разные трюки в исполнении песнопений, и слушать это бывает мучительно, мучительно, я подчеркиваю это. Диаконские прошения однообразны, псаломнические чтения непонятны и крайне утомительны. Каждый раз меня поражает терпение, с которым этот женский народ, белые платочки, выстаивают длинные службы. Мне это не подходит, ничего не поделаешь. И с грустью я выхожу из храма». *Из письма, 1961*

«Женская церковь». Как правило, эти простые русские христианки принимают нашу литургическую данность совершенно без критики, не задумываясь ни о каких исправлениях. Для них все в храме Божиим хоршо. «Мне в церкви все время плакать хочется, почему — не знаю»... «Когда долго не побываешь в церкви, то душа черствеет».

Этот женский церковный народ не заставляет нас думать об улучшении Богослужения, и это успокаивает недобросовестных служителей. Среди духовенства есть три вида отношения к народу. Одни и сами из него не выделяются по своей простоте. Другие понимают, что не все у нас ладно, и стараются по возможности поставить церковное Богослужение на доступную им высоту — для себя и для народа, который они искренне уважают, благочестие, смирение, терпение которого их вдохновляет... Третьи смотрят на верующих женщин свысока, насмешливо называют их «бабками» (Ленинград), которым нетрудно потрафить — и исполняют свое ремесло как-нибудь, как придется. Замечено, что такое отношение к родному народу и к священному

служению несет в себе духовный упадок и нравственное разложение. Одна выдающаяся христианка со сдержанным возмущением сравнивала свой научный коллектив и духовенство большого городского храма, который она посещает. На работе у нее — непременные постоянные, повседневные улучшения, предельная лаконичность изложения, высокая требовательность к себе. В храме же — все настолько привычно, что уже не воспринимается вниманием, даже в проповеди «заранее известно все, что будет сказано»; служба «тянется», на всем печать какой-то духовной несобранности, просто лени: даже и молодые служители «совершенно не прогрессируют в развитии, даже хотя бы только в дикции»; и вообще «такого отношения к делу в науке не потерпели бы»... Циники не подозревают, что среди «бабок» стоит свидетельница великого обвинения.

Из памятных наблюдений:

Челябинск, 1947. На епархиальном совещании духовенства один протоиерей предложил преподавать Причастие по биркам или талончикам, полученным на Исповеди.

Челябинск, 1948. Здесь кафедральный протоиерей завел такой чин: когда он возглашает на всенощной «Слава Тебе, показавшему нам свет» — в алтаре внезапно включается усиленный электрический свет.

Свердловск, 1950. Здесь диакон на сугубой ектении при возглашении: «Труждающихся, поющих» — делает реверанс в сторону певчих.

Ленинград, 1953. Некто из архиереев заказал «достать» ему греческий и латинский тексты возглашения «Призри с небесе, Боже...» Он будет говорить это сначала на славянском, а потом еще на две стороны на незнакомых ему языках.

Ленинград, 1953. В переполненном Преображенском соборе священник говорит на всенощной праздничный отпуст: «молитвами... честнаго и славнаго Ея Введения...» Сам слышал.

Ленинград, 1953. В одном из сельских приходов я совершил в Успение крестный ход вокруг храма. После службы подходит староста и говорит, что нужно совершить еще «заказной» крестный ход, за что уже получены деньги — 50 рублей.

— ???!!!

— А у нас бывает, что так по несколько раз ходят священники вокруг храма, если кто отдельно заказывает.

Ленинград, 1954. Во время каждения храма на всенощной в семинарии женщина подала мне рубль. Я подивился, но приезжий диакон-заочник, кажется, из Ростова-на-Дону, высказал предположение, что эта женщина, верно, тоже приезжая: у них на юге духовенство действительно собирает с молящихся деньги во время каждения.

И тому подобное. Такие примеры современного новаторства я запоминал и записывал с чувствами не только грусти, но и некоторого горького утешения. Я утешал себя тем, что при таких явлениях сегодня не может быть и речи о какой-либо «свободе творчества» в русском церковном Богослужении, и что, стало быть, совершенно права наша иерархия в своей консервативности. Да, пока «видимая» Церковь состоит у нас из старушек и неинтеллигентных священников — нам надлежит только сохранить, только сохранять в неприкосновенности нам преданное, пусть, и не во всем совершенное церковное Богослужение. Смирная душа найдет в нем сокровища для духовной жизни; хороший священник пробьется к сердцам прихожан; интеллигент зайдет в год раз — и умилится... Так должны мы продержаться до лучших времен — когда образованная часть русского общества всерьез повернется к Церкви.

Но нельзя, оказывается, законсервировать все в полной неподвижности. Художества единичных эксцентриков в конце концов не прививаются; но в более широком плане литургическое развитие и сегодня продолжается. В каком направлении? Можно назвать положительными приобретениями (хоть и не доведенными до нужного совершенства) Общую Исповедь, всенародное пение Символа веры, Молитвы Господней на литургии... Во многом же остальном надо признать, что литургическое развитие совершается в общем с отрицательным знаком снижения церковной культуры.

Изучая происхождение таких отрицательных новшеств последнего времени, всякий раз непременно встречаешься с фактором либо нерадения, либо недостаточной церковной культуры у самих церковных руководителей. Не случайно, что именно в архиерейском ритуале появляются в первую очередь эти скверные новости. Вот диакон при возглашении на ектений имени архиерея делает ему реверанс. Это нововведение — совсем недавнего происхождения. Почему архиереи ему не воспротивятся?... Или взять еще для примера эту новую манеру диаконов кричать прошения на литии. Я хорошо помню, что это произносилось тихо, помнят

это и архиерей, и протоиерей, слушающие безобразный крик, да и по самому происхождению своему, они должны знать это, вечерняя лития должна носить нарочито тихий, приглушенный характер. Когда появились первые новаторы-крикуны, это было в двадцатых годах, архиереи могли решительно остановить это — и не было бы сегодня этого искажения литии. Или такое нововведение последнего времени как акафист на всенощной. «Акафист?... Не благословляю — не положено». Стоило проявить такую непреклонность — и не была бы испорчена русская всенощная. Труднее бороться с пошлыми напевами; но и тут возможны увещания, настойчивые рекомендации лучшего. «Сухая корочка» отступила бы перед активным сопротивлением. Но если сопротивления в самом начале нет — дурное новшество быстро «прилипает», к нему привыкают, оно становится традицией, от которой уже труднее будет освободиться.

79

«...Хоть я и плохо понимаю в деле, а должен сказать, что, как мне кажется, лучше древней "абстрактной" иконописи ничего еще не создано, и открыли ее совсем не церковные искусствоведы... В храмах за свечными конторками продаются иконки нового церковного производства. Вот, казалось бы, возможность, при современной-то технике пустить в народ лучшие образцы древней иконы. Хотя бы хорошие цветные репродукции, наклеенные на доски. Но вместо этого мы видим самую низкопробную крашеную фотографию с самых что ни на есть скверных образцов. Собственно, нельзя бы даже и называть иконами эти жалкие базарные изделия. Неужели культура совсем ушла из Русской Церкви?» *Из письма, 1963*

Ушла, уходит культура. В Москве есть храм Воскресения в Сокольниках, выстроенный перед революцией. Давно уже я заметил, что все храмы Воскресения — обычно красного цвета, (может быть, по цвету пасхального облачения?). Храм в Сокольниках выполнен в красном кирпиче, это была образцовая, высочайшего качества, лучшая в городе кирпичная кладка. Была — потому что она недавно заштукатурена и храм выкрашен, конечно, в «поднебесный» (голубой) цвет... Это было такое варварство, как если бы оштукатурить и выкрасить в голубой цвет здание Исторического Музея на Красной площади. А внутри — что они наделали, мошенники: живописали на стенах картины, о которых вспоминаешь с негодованием, которым никак бы уж не место в этом храме... И все это проделано на глазах у самого высшего начальства.

[19] Макарий, участвовал в Соборе 1666-1667 гг.

«Инославные» впечатления

80

*Мне все более кажется,
что наши декоративные, пышные богослужения
должны кончиться, уже кончились внутренне.
Они искусственны, не нужны,
они не питают более жаждущих душ
и должны замениться иными, более активными
и более теплыми видами религиозного общения.*

Свящ. А. Ельчанинов.
Отрывки из дневника

Сопровождая лютеранского пастора в Ленинграде, я посетил с ним молитвенное собрание наших так называемых «баптистов». Когда я сказал, что это и есть наш русский протестантизм, пастор был явно огорчен, даже обижен: в «баптистах» он увидел карикатуру на свое лютеранство.

Говоря о «баптистах», следует прежде всего воздать должное их практическому служению. Со стороны нашей «православной» инертности мы особенно ценим эту их духовную активность, постоянное стремление исправить жизнь, проявить свою веру в повседневном поведении. И как ни парадоксально это звучит, нам должно поучиться церковности у этих сектантов. Ибо у них и сегодня есть христианская община, духовная и всякая другая взаимопомощь, приходское братство... Явления, которые давно уже у нас отсутствуют.

При нашей искренней симпатии к «баптистам» тем более примечательно то непреодолимое отвращение, которое внушает нам, «церковникам», их установившаяся уже литургическая обрядность. Казалось бы, в наших особых условиях — какое выгодное у них положение: простота собраний, всем понятный язык... Но эта внешняя как будто свобода проповеди и молитвы загнана у них в начетнические и ханжеские штампы, из которых они не могут, да и не хотят выйти. Церковные традиции они отвергли, а сами оказались в плену у традиций провинциальной «штунды» XIX века. Осуждая наше почитание икон и креста, видя в этом языческое идолослужение, они сами проникнуты совершенно идолопоклонническим отношением к

ветхозаветной Библии. Проповедь занимает у них место, которого они не в силах заполнить, для этого надо было бы в каждой общине иметь несколько выдающихся ораторов. Таких ораторов у них нет, и даже в Москве их проповедь производит удручающее впечатление. По радио проповедь «баптиста» можно отличить прямо со второй-третьей фразы, так она банально-специфична... Если бы кто-то из них предложил исполнять в собрании какой-либо церковный древне-христианский гимн, например, «Свете тихий» или Великое славословие, — это встретило бы резкий отпор: ведь этого нет в «Гусях»! Так называется у них свой непреложный устав — сборник иностранных, только иностранных песнопений. Некоторые из них в оригинале, может быть, и хороши, но переводы все крайне плохи, иногда просто неграмотны. А в напевах — какая-то выдающаяся бесцветность, прямо удивительная бездарность. Молитва у «баптистов» бывает либо пресвитерская, скомпонованная из стандартных фраз, либо экзальтированная, импровизированная кем-либо из народа, начинающаяся обыкновенно словами «дорогой Господь»... Слушать это невыносимо. Если бы в городе совсем не было никакого храма, ни нашего, ни католического, — то и тогда я не смог бы посещать молитвенных собраний «баптистов».

Оставляя в стороне вопросы о таинствах, о почитании икон, о молитвах за умерших, — мы имеем у русских «баптистов» исторический опыт литургического обновления. Его разительная неудача объясняется отсутствием у исполнителей церковной и общей культуры. Не знаю, как иностранные, а наши русские «баптисты» представляют собой контингент христиан какого-то специфически сниженного и суженного духовного склада. Один выдающийся современник передавал мне свое впечатление, что когда войдешь к ним на собрание, то чувствуешь себя под каким-то уж очень низким потолком... В Москве был случай, когда одна женщина после долгих колебаний по моему совету решилась — попросила братьев «баптистов» посетить ее больного алкоголика сына. «Баптисты» согласились, но поставили неперемное условие: убрать иконы! Оказалось, таким образом, что это — законники, похожие на современников Христа. Вот такое же несвободное и некультурное отношение у них к своему обряду молитвенных собраний. Кто-то сказал, что если бы апостол Павел появился сегодня среди нас, то нашел бы, что молитвенные собрания «баптистов» по внешности наиболее близки первоначальному христианству. Это верно; но столь же верно и то, что, побывав на таком собрании, апостол бы вышел оттуда в величайшем негодовании.

81

«...Мне по моему бедному разумению кажется, что «соединение церквей» должно совершиться сначала в просвещенном церковном сознании всех. Мы уже достаточно просветились — понимаем, что разнообразие обрядов не разделяет, а украшает Церковь. С волнением я захожу в католический храм; я вижу здесь Христа Спасителя, Матерь Божию и святых, Евхаристию — единое, родное христианство, с чертами древности, даже более глубокой, чем у нас (например, открытый алтарь). Мне очень не нравится на собраниях русских протестантов, всяких «баптистов» и прочих; но и там — Христос, о Нем они говорят, Ему они молятся и это наши люди, которых не сумела удовлетворить традиционная русская церковность». *Из письма, 1962*

Можно предвидеть интерес русских христиан к католическому церковному Богослужению. Ведь это — традиция, выходящая из общего с нами Источника. Куда же пришла она после двух тысяч лет своего «соседнего» с нами литургического развития? Сегодня можно сделать чрезвычайно полезные сравнения.

Мы входим в католический храм. По внутреннему устройству он близок к древнехристианской базилике: алтарь открыт... Наш иконостас — плод позднейшего творчества, для нас священного и родного, но очень спорного на будущее. Зачем, какой смысл так загораживать алтарь от верующих? Вместо благоговейных очей народа на святыню «смотрит» задняя, неряшливая сторона, «спина» иконостаса. Священник у нас скоро привыкает к этому анти-церковному своему одиночеству за иконостасом и, не чувствуя на себе ревнивого к святыне взора молящихся, в некотором смысле опускается: вразвалку стоит, присаживается, разговаривает, сморкается, почесывается, зеваает, смотрит на часы... Все эти действия немислимы у католического священника перед открытым престолом. Можно сказать, что на нашем иконостасе совершился отрицательный исторический опыт: желая показать благоговение к алтарю, повысили древнюю алтарную преграду, превратили ее в глухую стену, которой заслонили святилище от церковного народа, — и получили результат обратный... Что касается иконостаса с внешней его стороны, то о вкусах не спорят; во всяком случае впечатление от иконостаса не стало бы менее внушительным, если бы он был расположен не впереди, а позади престола. Закрывать же алтарь, когда это нужно, можно по древнему Восточному чину завесой. В этом древнем католическом алтаре мы не видим галош, пальто, шапок, зонтов, умывальников, зеркала, мыла, одеколона, плевательницы, щетки и прочих отнюдь не литургических предметов, которые обязательно присутствуют у наших престолов. В древности и у нас этого не было, но иконостас, закрывший алтарь от народа, можно сказать, соблазнил нас в этом отношении: наш алтарь представляет теперь почти кошутственное сочетание с вестибюлем, и к этому по необходимости привыкают даже и очень благоговейные священники. Надо же им переодеться, даже и переобуться (не служить же в валенках или в босоножках), умыться, причесаться, провериться в зеркале, поговорить о делах, даже закусить при дежурствах, до недавнего времени, даже и посчитать деньги... Все это делается у нас у престола, во «святая святых». С этим никак нельзя примириться, совершенно необходимо отделить от алтаря внеслужебное пребывание нашего духовенства. Во многих местах это можно сделать уже сегодня. Служба в костеле еще не началась, ожидающий народ (как и у нас — женский народ!) поет из своих молитвенников гимны на родном языке. Но вот звонит колокол, звучит орган — и из ризницы выходит в сопровождении служителей облаченный священник. Под пение антифонов из Псалма 50 он идет по храму и кропит народ освященной водою. Не

имеет ли это какого-то сродства с нашим приходским обычаем совершать Водоосвящение перед литургией в храмовый праздник? Нужно быть ученым специалистом, историком-литургистом, чтобы разбираться в подобных отдаленных сравнениях. Я же могу только в самых общих чертах сделать сопоставление нашего и католического обрядов в самом главном — в Божественной литургии. Снова звонит колокол, звучит орган. На этот раз священник шествует из ризницы, неся в руках принадлежности Евхаристии. Стоя у ступеней престола, он читает входной псалом и исповедание грехов. Это соответствует покаянным входным молитвам наших священнослужителей. Поется «входное», изменяемое, как и у нас, по праздникам. Священник поднимается к престолу и читает молитву Входа. У католиков Вход совпадает с началом литургии, у них нет нашей ложной проблемы Малого входа, о которой шла речь выше в заметке 32.

«Кирие, элейсон, Христе, элейсон...» Католики хорошо сделали, что оставили это без перевода, на высоте невыразимого до конца смысла. Наше русское «Господи, помилуй» — слишком грубо по смыслу и крайне неблагозвучно для пения. На этом месте, после Входа, у нас и была великая ектения, от которой осталось сегодня только возгласение «Господу помолимся» пред «Святым Боже» в архиерейской литургии (проф. А. П. Голубцов). Вместо «Святой Боже» католики поют тоже ангельское «Слава в вышних Богу» — и далее древнее Великое славословие, совершенно то же, что и у нас, но без прибавления молитвы «Сподоби, Господи».

Общая молитва, чтение апостольское, «Аллилуйя», чтение Евангелия. Как похожи здесь Западный и Восточный обряды. После распевного чтения Евангелия на латинском языке священник восходит на амвон и торжественно повторяет чтение на родном языке присутствующего народа; и сразу же говорит поучение. Вот от этой древности мы отступили: Евангелие не переводим, проповедь от него оторвали... Не знаю, как в других местах, а в Ленинграде у католиков в последние годы совершилась реформа, распевного апостольского и евангельского чтений по-латыни не бывает вовсе. Евангелие читается на амвоне сразу по-русски. И никого это не смущает и не возмущает: ведь все равно из латинского чтения никто не понимал ни единого слова.

После проповеди — сразу же — Символ веры. Мы не видим у католиков Великого входа, а то, что могло бы быть принято за проскомидию, совершается у них очень быстро; под тихую музыку органа священник тут же у престола наливает в чашу вино и воду. А после Причащения тут же и ополаскивает чашу... Наш (византийский) чрезвычайно усложненный чин проскомидии образовался только к XIV веку.

Канон Евхаристии. «Господь с вами». «Вознесем сердца». «Благодарим Господа Бога нашего»... Единые для христиан Востока и Запада слова — из самой глубокой священной древности. Первую молитву Евхаристии священник поет громко, на латинском языке — и так же, как и у нас, она переходит в пение Сил Небесных: «Свят, Свят, Свят»... И дальше совершенно те же слова, что и у нас. Затем читается священником тайно под это пение. Перед «Благословен грядый» — пауза и Освящение Даров в торжественном общем молчании. Пение продолжается, затем опять «Господь с вами», краткая молитва и «Отче наш». До реформы Молитву Господню пел священник один, а теперь поет хор с органом и добрая половина народа — так привычны уже стали всем латинские слова этой Молитвы... Как и у нас, священник причащается отдельно, а потом преподает Таинство мирянам. Затем литургия очень быстро заканчивается. Священник преподает последнее торжественное благословение. Складывает принадлежности Евхаристии и под пение гимна уходит в ризницу.

Сопоставляя в этих главных чертах католическую и нашу литургии, можно заметить, что католическая литургия значительно проще. И нам должно оставить невежественное мнение, будто наша литургия «древнее» католической. Как раз наоборот. Вот суждение беспристрастного специалиста: «Римская литургия отличается консервативностью. Она, например, как-то упорно сохраняет свой архаический канон, да и самый ритуал ее потерпел лишь небольшие изменения. Он в чистоте сохраняет основу древнехристианской литургии и не заставляет изучающего ее ломать голову подобно запутанным нашим литургиям восточным» (проф. И. А. Карабинов. Лекции).

Так же, как и у нас, у католиков молитвы священника закрыты от народа; да и когда молитвы читаются вслух — на латинском языке пониманию народа они недоступны. Стало быть, были общие причины как на Востоке, так и на Западе закрыть от народа литургию священника. Я писал уже, что причины эти не уважительны (Заметка 40). Но у католиков дело поставлено лучше: они хоть видят все, что совершается. В центральный момент Евхаристии у них — всеобщее благоговейное внимание, абсолютная тишина. А у нас — и в это время торгуют, разговаривают, ходят по храму, даже выходят из храма.

В католическом Служебнике — ноты, по которым поет священник все свои возгласения и молитвы. Там же и картинки, изображающие позу священника в главных моментах литургии. Ноты и позы эти (единые для всех католических священников во всем мире) очень хороши. Можно возражать против столь единообразной регламентации, но должно признать, что в ней проявлено старательное отношение к церковному Богослужению, и этому надо нам поучиться.

Органная музыка — очень большое преимущество католического церковного Богослужения. Кажется, что органа именно и недостает нашему общенародному пению. Орган очень хорош у католиков в паузах, которые он преобразует в минуты прекрасной музыки; так бывает во время приготовлений священника у престола, во время Причащения его и мирян. Думается, что ни один даже и посторонний посетитель католического храма

не останется равнодушен к звучанию органа. Опять вспоминаются слова А. П. Чехова в письме из Италии: «А когда слушаешь орган, то хочется принять католичество».

Мы не слышим за католической литургией имени Папы. Казалось бы, догмат о «непогрешимости» должен был отразиться и литургически. Нет — католики поминают Папу и епископа только однажды, да и то в тайной молитве. У нас поминовение патриарха и епископов очень часто. На проскомидии: «Великого господина и отца нашего...» Ектения: «О великом господине...» Ектения сугубая: «О великом господине...» На Входе: «Великого господина...» После «Достойно» — опять: «Великого господина...» Наконец, после отпуста снова: «Великого господина...» От столь многократного поминовения, напротив, утрачивается его значение.

То же — с жестом крестного знамения. У католиков оно редко, но кажется более одухотворенным. У нас оно часто, но обычно небрежно. Когда же совершается по-старообрядчески размашисто, «истоиво» — производит совсем не привлекательное впечатление какого-то религиозно-физкультурного упражнения. И проповедники у нас то и дело крестятся, стремясь восполнить этим священным жестом недостаток искренности и подготовки. Очень неловко чувствует себя слушатель, которого вынуждают таким способом тоже креститься из вежливости.

Католики видят тарелку с денежным сбором только однажды и жертвуют всерьез. У нас с тарелочным сбором идет по храму целая процессия с рекламами: «На содержание храма»... «На ремонт храма»... «На украшение храма»... «На содержание хора»... Тарелка или кружка вызывают к нам и у Исповеди, и после Причащения, и при целовании креста, и даже на всеобщей у благословляющего народ священника. Этим назойливым попрошайничеством мы приучили народ смотреть на него несерьезно: человек положит на первую тарелку пятак и берет сдачу, чтобы положить что-то и на другие тарелки. Тарелочный сбор составляет у нас совершенно ничтожную часть церковных доходов. Почти все наши пожертвования совершаются в форме купли-продажи, в храме у нас — торговля свечами, просфорами, проскомидией, панихидой, ектениями... К этому все привыкли, и только сравнение с «инославием» заставляет нас призадуматься.

Отрицательные стороны католического обряда — не наша забота. Да католики и сами уже перестали думать, что все у них хорошо и единственно «православно»; и сами они уже признают желательность, даже необходимость для себя литургического обновления. Думается, что завтрашнее Христианство должно будет изучить и использовать все лучшее, что есть и в Восточной, и в Западной формах церковного Богослужения.

Продолжение последует, если читатели этой рукописи проявят интерес к поставленным здесь вопросам и в любой форме (письмо, памятная записка) выскажут свои критические замечания и положительные соображения.